

НАТАЛИЯ БАРАБАШ

**8 ПЪЕС
О СИРЕНИ
И УТЮГАХ**

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
Б24

**АРИВЕДЕРЧИ,
или
НИКИТА МИХАЛКОВ**

ПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, ДЕСЯТИ КАРТИНАХ
ТРАГИКОМЕДИЯ

ISBN 5-89163-084-2

© Наталия Барабаш, 2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Саша — молодая женщина, почти кандидат наук

Аня — молодая женщина, ее подруга

Никита — молодой врач

Дмитрий — молодой врач

Комната в жилом доме. Беспорядок. Немыслимый беспорядок. Какая-то мебель. По диагонали стоит кровать, на которой лежит женщина. Это — Саша. Она лежит, уткнувшись лицом в подушку, сверху наброшено одеяло, шаль, какой-то платок, т. е. беспорядок и на кровати тоже. В жилище витает неуютность. Женщина лежит долго. Слева открывается дверь и входит Аня

Аня (*осматривается, больше обращая внимание на комнату, нежели на лежащую Сашу*). Ты что лежишь? (*Молчание.*) Нет, ты что тут (*показывает на беспорядок*) лежишь? И почему по диагонали вдрут?

Саша (*после долгой паузы резко поднимается, садится на постели*). Сразу три вопроса. Диагональ должна сломать пространство. Здесь все слишком правильно.

Аня. Как это кровать может все сломать?

Саша. Не что-то. А привычное. Это нужно изменить.

Аня. Ты бы лучше жизнь изменила.

Саша. Вот я и меняю.

Аня. Понятно.

Саша. Нет, тебе не понятно, это понятно. Но я все, все поменяю. И жизнь, и судьбу, и порядок.

Аня. Ты что, деньги потеряла?

Саша. Все может быть.

Аня. Кошмар. Что же теперь делать? Все?

Саша (*не слушает*). Главное — чтобы все получилось. И у нас начнется новая жизнь.

Аня (*Садится, закрывает шляпой лицо. Надо сказать, что она привлекательна каким-то странным своим облик, манерами. На ней экстравагантный наряд, но всему мешают сумка, обычная «торговая» клетчатая сумка. Такая, каких в Москве и по всей России по две на каждого жителя.*) Сегодня отдавать эти жуткие деньги. Я так и знала. Сон видела. Такой... Да, точно, сплошные знаменитости: Лиэпа, Миансарова, Анна Шилова, диктор. И все — в больнице что ли?

Саша (*слышит обрывок фразы*). Откуда ты знаешь? Я еще никому не говорила. Мистика... Какая Миансарова?

Аня. Ну, знаешь «Пусть всегда будет солнце»?

Саша. Вот и пусть будет.

Затемнение. На фоне прекрасной музыки начинают звучать стихи. Сначала негромко, потом все более мощно, наполняя напряженным звуком весь зал, сцену, театр. Надо сказать, что стихи будут звучать на протяжении всего спектакля, внося в его ход диссонирующую нотку, трагическую нотку, всякий раз отделяя одну от другой картины пьесы

Когда из смысла невозвратных дней,
Изъяв их сердцевины,
Из растраченных потерь,
Изъеденных наполовину,
Когда из изумрудных этих дней
Утраченное их очарованье
Вдруг возвратится отблеском потерь
В безудержном своем сиянье, —
Тогда в лавину жизни,
Бесшабашности и света,
Глупца, понявшего лишь
часть сонета,
Настигши враз его, поняв причины,
Укрыться и упасть, и
Ждать кончины.
    Не жизни, нет,
    Но светопреставленья,
    Когда представлены,
    Как на показ
    Приметы примиренья,

Когда
Нож
В спину и —
Не дышать,
А только знать и знать,
Нить жизни вить и вить,
И бег ее нам не остановить.

КАРТИНА ВТОРАЯ

*Медленно возникает свет, поворачивается круг и мы видим почти весь белый холл то ли гостиницы, то ли дома отдыха. Очень комфортабельный и элегантный. Из дальней кулисы выходит мужчина, он приближается к центру холла, держа в руках какие-то бумаги. Это — **Дмитрий**. На белом диване сидит другой мужчина, читает (тоже какие-то бумаги). Это — **Никита**.*

Дмитрий. Бред какой-то! (*Замечает Никиту.*) Ты читал?

Никита. Смысл жизни — в умении не видеть и не слышать. «Что пользы знать, если от него одно только горе!»

Дмитрий. Ты не прав!

Никита. Это не я, это древние греки.

Дмитрий. Послушай, грек. Есть идея.

Никита. Ты как всегда о суетном?

Дмитрий. Выйди из вечности, отрешись, в конце концов, может... да... и жизнь изменим.

Никита (*оглядываясь вокруг и делая рукой некий жест восхищения*). И это говорит самый главный врач самого шикарного лечебного заведения.

Дмитрий. Две погрешности, смею заметить. Даже в самом шикарном медзаведении нет таких роскошных апартаментов, ты не путай. А в главных...

Никита (*перебивает*). Вот ты и приблизился к сущностному.

Дмитрий (*отмахивается от сарказма*). Никитушка, в расцвете лет... нет, не наших, не иронизируй. (*Никита действительно взглянул весьма скептически*.) Так вот, в расцвете лет и сил к нам поступают две молодые дамы. Да, с целью, соответствующей профилю нашего заведения. «Катарсис» — очищение!

Никита. Ну, что ж. В добрый путь!

Дмитрий. Точнее, в последний? Ты жестокий человек. Но это — от греков.

КАРИНА ТРЕТЬЯ

Возвращается первоначальная экспозиция. Прибранная теперь уже кровать. Правда, кровать сохраняет свое диагональное положение.

Саша. (*Заканчивает прическу, затем начинает складывать вещи: блузки, юбки и т. д. в стопочку.*) Единственный способ выжить — это жить. Это греки, не я.

Аня. Это когда ты в Греции шубки покупала?

Саша. Необразованное ты существо, хотя и с экскакой-то придурью. Это другие греки, древнегреческие.

Аня. Кто у нас с придурью, так это ты.

Саша. Стоп. Давай двигать конфликт. Пора. Еще пару тыщ лет пройдет, а мы так и будем мотаться по Грециям-Турциям, зарывая свои таланты, а заодно, и личную жизнь.

Аня. У тебя появилась идея?

Саша. Вот именно.

Аня. Вся — внимание.

Саша. Ты пока перестала бы грызть свои семечки, денег и так нет. (*Аня прекращает, но тут же начинает сдирать с апельсина кожуру. Надо сказать, она частенько что-то перебирает, что-то тормозит, словом, руки ее, как, впрочем, и мозг, вероятно, чем-то заняты. Решают, видно, как быть и чем жить.*) Понятно, теперь кожурки. Ты лучше перебирай гречку. Как Золушка. Она, слава Богу, не из Греции. Кажется.

Аня. (*Прекращает свои физическое заикливание.*) Саш, я замуж хочу. Я хочу быть Миансаровой, Лиепой, но — хочу!

Саша. Вот и слава богу, не все еще потеряно. Говоришь, Миансаровой? Будешь! Давай умрем?

У Ани падает нож, которым кожуру чистила.

Придет (*оценивая упавший нож*), но — позже. (*Смеется.*) Есть роман «Умрем, Федерико?» Да, в конце там — знак вопроса. Автора не помню. Америка, Мексика, что-то оттуда. Хороший роман. Так вот я подумала...

Аня. Я лучше умру, но умирать не собираюсь.

Саша. Никто и не зовет. В смысле всерьез. Есть такое заведение, нет, слушай, это правда. Есть заведение...

Аня. Хоспинс, хонспинс что ли?

Саша. Туда попадают тяжело больные люди, а мы с тобой, к счастью, здоровые бабы, но — курицы. Все бумаги, контракт у меня. Срок — три недели, а это вполне сносно для того, чтобы или влюбиться, или — по условию контракта — проститься, причем, со всеми и всем.

Аня. (*Обдумывая.*) Может, и курицы, но образованные. Ты вот — почти кандидат наук.

Саша. Не надо мне о моей биографии. Теперь мы ее будем делать вместе.

КАРИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация второй картины. В холле звучит музыка. На заднем плане проносят какую-то мебель, что-то переставляют. По всему видно, что обстоятельный покой нарушен, и ритм, несомненно, изменился. Наши герои — мужчины — выходят одновременно с двух сторон навстречу друг другу. Вальяжной неспешно — Никита, скоро и суетно — Дмитрий.

Дмитрий. Они вот-вот подъедут.

Никита. Ты прямо как из гуманного американского сериала.

Дмитрий. Почему?

Никита. Ну, как же? Именно там комфортабельная служба приемного покоя знает день и час прибытия драгоценных пациентов. Ты ничего не пугаешь?

Дмитрий. Разве что относительно драгоценности. А службу не тронь, там и правда извещены. Знают даже марку и номер машины.

Никита. *(Намеревается идти дальше.)* Умрем, Федерико?!

Дмитрий. *(Несколько ошарашенно.)* Специфика заведения все же влияет.

За сценой слышен шум подъехавшей машины, голоса. Музыка звучит тише и опять возникают стихи. Где-то с колосников, а уж потом – заполняя все пространство сцены, набирая силу, звучит женский голос.

«А-а-а-ах» — какое долгое оно.

И вправду в междометьях

Мы искренней, правдивее всего.

Но только ль возглас —

Знак вопиющего?

Да и пустыня ль предо мной?

Нет, не хочу, не буду, не могу, не стану.

Глаголов ряд твердит мне отречение.

Но не уйти, не сбросить напряжение.

Иду на «Вы», иду на бой.

Подбадривая шаг свой песней,

Которую гекзаметром зовут,

Его здесь нет, но пропою попозже,

Когда свой знак подаст мне Агамемнон,

И совершится тот трагический виток,

Что враз поможет действию

В трагедию вместиться.

Пауза. Большая, почти «мхатовская» пауза. И сразу становится очень, очень светло и даже как-то радостно.

Дмитрий. *(Входящим не очень-то смело девушкой, однако пытающимся это скрыть.)* Добро пожаловать!

Саша. *(Осматриваясь, проходя, неся две большие сумки, которые успевает перехватить Дмитрий.)* Звучит обнадеживающе.

Никита. *(Приближается к входящим.)* Мы вас просто-таки заждались. Пожалуйста, проходите.

Аня. В каком смысле? У вас что, работы мало? *(Она, по-видимому, решила нападать сразу, чтобы не успели обидеть.)*

Никита. Ошибаетесь. И работы, и клиентов, извините, гостей, у нас хватает.

Саша. И что же, подолгу они у вас на постое?

Дмитрий. Кто как. Некоторым так нравится, что и уходить не желают.

Аня. *(Продолжая «царапать».)* В каком смысле? Домой или в вечность?

Никита. *(Оценивая ее нападки.)* Это хорошо, что вы во всем стремитесь отыскать смысл.

Задира-Аня хмыкает, уходит.

Саша. *(Она никак не желает располагаться, а, скорее, по-деловому пытается оценить ситуацию.)* Это ваше приемное отделение? У вас всегда так встречают?

Никита. Нравится? Всегда. И провожают, кстати, тоже.

Саша. Так же радушно?

Никита *(вдохновенно).* Да, в этом особенность нашего учреждения.

Во время этого разговора у Ани происходят некоторые неполадки с вещами: их такое количество, что приходится возвращаться к машине каждый раз за новыми пакетом, сумкой.

Никита. *(Оценивая размеры багажа.)* Как видно, вы запасливые люди. Решили надолго расположиться?

Саша. Кстати, правилами предусмотрен какой-то конкретный срок, или он *(пытается точно подобрать слово)* устанавливается вами? Это правда про три недели?

Никита. Абсолютно. Все — по вашему желанию. Главное — чтобы вы хорошо отдохнули, набрались сил *(он замолкает, видимо, ощущая абсурдность своего желания в этих стенах)*.

Возвращается Дмитрий, помогавший с багажом, документами.

Дмитрий *(достаточно бодро)*. Прекрасный контингент поступает. Молодой, жизнерадостный. Но... да-да, слегка бледный, напуганный. *(Видимо, спохватившись и вспомнив о характере заведения)*. В сущности, замечательное заведение. Здесь бывают замечательные знаменитости *(совсем запутался)*. Миансарова, Михалков, в смысле, Никита.

Саша. Как, и он тоже?

Дмитрий. Просто эти люди помогают нам. Помогают выжить.

Аня. *(Закончив, наконец, свои перетаскивания, успокоившись, села на диван)*. В смысле — жить?

Дмитрий. Ну да, выжить.

Никита. Дим, ты не понял. Девушку интересует подтекст. Просто о нем — чуть позже. А сейчас мы вас проводим в вашу комнату. Желаем приятно провести время, набраться сил. А, да, я это уже говорил.

Саша. Перед лицом... *(осекается)* перед финишем?

Мужчины испуганно замолкают, всячески давая понять, что это — табу, запретная тема. Перед лицом смерти о смерти — ни слова.

Затемнение. Женский голос читает стихотворные строки. Постепенно свет становится чуть ярче, проступают силуэты людей, видно, как устанавливается мебель, что-то уносится со стены, слышны приглушенные голоса, т. е. жизнь продолжается. Поворачивается круг.

Перед лицом какой утраты
Стою, распятая, пред ним,
И наспех делая заплаты
Она уносится, как дым,
Та жизнь,
Которой жить рискуя,
Судьбе доверяюсь невпопад,
Я навзничь падаю,
И чувю,
Миг смерти близок
Он не в такт,
Не вовремя
          подходит,
И вряд ли я смогу
          его прогнать.
А солнце всходит
          и заходит
И жизни бег нам
          не унять.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Прошло более двух недель.

И вот на сцене при едва пробивающемся свете отчетливо проступает сад. Не палата, не кровати, а изумительной красоты сад со своими скамейками, птицами, зеленью. И, пожалуй, главное в нем — качели. Их — несколько, одни — посредине. На тех, что по бокам, сидят Аня и Саша. Аня спустила ногу на землю, а Саша раскачивается.

Саша. *(В такт «качельной» амплитуде.)*

Как непросто в этой жизни
Обрешить, на что решиться,
Как ответить на вопросы
Быгма и — небытия?

Как отринув враз страданье,
Отрешившись от рыданий,
Знать и верить,
День настанет,
Будем вместе ТЫ и Я!

Аня. *(Подхватывает, постепенно тоже начинает раскачиваться.)*

Что вселенная пребудет,
И Господь нас не забудет,
Всех на свете он рассудит,
Нас, из плена бытия.

О б е в м е с т е *(смесь)*. Есть на свете ТЫ и Я!

Раскачиваются.

Саша. Как хочется жить!

Аня. Так, чтоб не хотелось помереть!

Саша. Умрем, Федерико?!

Аня. Бог с ним, с южноамериканцем, или кто он там. Подумаем о вечере. Надо быть в форме. У меня намечается памятный вечер, дай бог, не последний! *(Замечая сосредоточенность Саши.)* Ты что, все не можешь забыть своего мужчину?

Саша. *(Раскачивается все медленнее; в ней заметна перемена; кажется более сосредоточенной; в одежде, в посадке головы, осанке, ритме движений появилось что-то волнующе-трогательное. Можно сказать, она приблизилась вполне к состоянию покоя, так трудно, впрочем, достигимого.)* Я давно все забыла. Мне бы только не расхотеть помнить другое. Например, что до «челночной» жизни я тоже была человеком, писала стихи, училась в аспирантуре. Не всегда Турция была главной мечтой моей жизни. Я, например, мечтала побывать в Вестминстерском аббатстве. И вообще я хочу в Англию, а так люблю готику.

Аня. Надо же... *(поднимается со своих качелей, направляется к Саше, по дороге спотыкается, подворачивает ногу, опускается на траву).* Приехали. Саш, ну почему ты такая сложная?! И вообще. Ты не забыла, чего мы сюда притащились? *(Трет ногу, поднимается и опять садится на траву.)*

Саша делает движение, чтоб чем-то помочь, потом как-то неопределенно взмахивает рукой: мол, ну и что?

Конечно, помирать мы не собираемся, но ведь в условиях сказано четко о конечной цели. Да и три недели вот-вот истекут.

Саша. *(Продолжает пребывать в своем настроении отрешенности.)* Конечной цели бытия.

Аня. Оставь бытие. Давай подумаем. Что мы хотим? И хотим ли вообще? А? *(Прихрамывая, подходит к Саше.)* Я, например, замуж хочу. Можно даже не в Англии, здесь. За приличного человека. Я тоже не в восторге от мотаний, унижений, потерь денег. Кстати, чаще их теряешь ты. Вроде обо всем договорились, а теперь вдруг ты воспарила над низменной действительностью и вообще... Забыла о главном.

Саша. *(Едва включаясь.)* А что — главное?

Аня. Главное — что по условию их условий — мы не должны выйти отсюда, ясно? Вот тебе и Англия. Поэтому ты — как хочешь, а я должна действовать. Вечер не за горами, пойду убивать нарядами. *(Резко встает, охает, ковтыляет к выходу, уходит.)*

Саша остается одна.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Из противоположной кулисы выходит Никита. Здесь доктора не ходят в белых халатах. Они цивильно одеты, и, если бы не обозначенная ранее специфика этого лечебного учреждения, его вполне можно было принять за фешенебельный дом отдыха. Однако все же витает над ним

и разлита в атмосфере происходящего некая тайна, недосказанность, которая развивает движение сюжета, определяет смысл всех перипетий; она – в том извечно сценическом подтексте, без которого никак не обойтись, с неизменными «как бы» и «если бы», присущими, впрочем, не только действию театральному. Здесь же реалии таковы, что хоть и совершается на наших глазах некая игра в «умри – воскресни», и времени у героини почти уж нет, чтоб сделать для себя выбор, но правила игры приняты и разыгрывается она всерьез. Все – взаправду. Никита замечает Сашу сразу и – отступает. Отступишь тут от такой красоты.

Никита. Вам наш воздух и впрямь на пользу. Еще немного – и все будет совсем замечательно.

Саша. Я должна буквально воспринимать ваши слова, или делать все же поправку на специфику заведения?

Никита. Специфика выбрана вами, ирония – это замечательно, но как-то ведь приходится общаться. Мы же не можем каждую секунду сопровождать наши слова подтекстом: «Ну, голубушка, пригрелись, скоро, скоро кончится эта ваша музыка?» Это все остается как бы за бортом.

Саша. *(Не унимается.)* За бортом чего, жизни?

Никита. Ну вот, вы опять об этом. Давайте не будем. Лучше – поговорим...

Саша *(перебивает)*. О том, как прекрасна жизнь?..

Никита. Что ж, и об этом тоже.

Саша. Кстати, отчего теперь все вокруг говорят это бесконечное «как бы»? «Как бы» живу, «как бы» думаю, все не взаправду, все понарошку, как бы...

Никита. Видите ли, это не так просто. Еще великий Станиславский строил свою знаменитую систему почти на «как бы», правда он предпочитал «если бы»...

Саша. Это совсем другое дело. Вот если бы *(упирая на это слово)* все было не здесь, а в другой как бы *(осеклась)* жизни...

Никита *(теперь перебивает он)*. Послушайте, иногда,

чтобы решить какую-то проблему, надо перестать ее решать. Вот так, повесить на ниточке за окошко и все, пусть себе висит. Уверю вас, так поступали знаменитые психоаналитики. Вот вы, у вас какая проблема? Молчите, я вам скажу. Вы все время пытаетесь решить, как жить, переставая жить, выключаясь из жизни. Вы беспрестанно, извините, сдаете анализ. А вы живите!

Саша. Хорошо поют птицы. Вы стихи можете почитать?

Никита. Прекрасно, вы начинаете меня понимать. То есть, в том смысле, что не впрямую отвечаете на вопросы.

Саша. Соль смысла,

Слов неясных

нить –

Все перепутано

меж нами.

Но как мне быть?

И – быть или не быть?

Ответ – за вами.

Никита *(после молчания)*. Знаете, я вам открою страшную тайну... Какое-то время назад я сам пришел с подобной целью, а вот остался и *(пугается)*... и все. Девушка, Саша, у меня есть план. Молчите.

*Гаснет свет, исчезают качели.
Звучит тихая музыка.*

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Дмитрий и Аня. На сцене тот же сад. Из дальней левой кулисы медленно идут Дмитрий и Аня. Аня по привычке время от времени порывается изменить ритм движения, но поврежденная нога не дает это сделать. Это ее очень огорчает.

Аня. Вот видите, пусто. Я давно хочу спросить вас, ну, во всяком случае, дня три, что привело вас сюда?

Дмитрий. Знаете, как на суде: вопросы здесь буду задавать я. Но вот что замечательно: в этом учреждении позволено все! Спрашивайте — отвечаем! Итак, я. А что я? Я здесь давно — давно, целых восемь месяцев. Если учесть, что заведению ровно столько же.

Аня. Неужели не было желания уйти?

Дмитрий. А что здесь плохого?

Аня. Вы это серьезно? Я уже поняла, что впрямую здесь ни о чем не говорят: характер учреждения обязывает. Неужели вас устраивает основная ваша функция, роль, так сказать? Или вы ее вообще со счетов сбрасываете?

Дмитрий. И какова же моя, по-вашему, роль?

Аня. Ну, знаете! Роль судьи, прокурора. Палача, в конце концов.

Дмитрий. Нет уж, позвольте. Такие обвинения. Вы, конечно, только о своих душевных порывах печетесь. И уверены, что роль хирурга, к примеру, более благородна, опасна и т. д.? Начитались всяких французских романов...

Аня. *(Перебивает его.)* Это в американском романе.

Дмитрий. Неважно, все равно начитались. И решили комфортно попрощаться с жизнью? Напоследок и отдохнуть успеть. А в довершении и упрекнуть, и выступить эдакой правозащитницей. Только от кого и от чего? Может, зададитесь вопросом?

Аня. *(Присаживается на среднюю качель, потирает ногу. Дмитрий в это время нервно ходит и теребит время от времени крепления качелей.)* А вам Саша нравится?

Дмитрий. Вот это уже по-человечески. *(Вдохновенно.)* Конечно! А вам?

Аня. *(Сматривает насмешливо.)* Смешной вы. Вы ведь должны вести со мной какие-нибудь профилактические беседы, открывать глаза на жизнь. Хотя, чего там, может, закрывать? Вы сами как думаете?

Дмитрий. Послушайте, ироническая девушка. В любой момент вы можете, согласно нашим условиям, покинуть наш райский уголок. В отличие, кстати, от вашего американского первоисточника. Вдумайтесь в его название — «Катарсис». Но что-то вы не спешите. Не созрели? У вас вообще хоть в чем-нибудь есть ясность? Да вас же самих разбирает любопытство: а что будет по истечении трех недель?

Аня. Есть! Я бы хотела больше никогда не общаться с вами.

Дмитрий. Ну, это невозможно!

Аня. Почему же?

Дмитрий. Потому что не истекли еще три недели — раз... Разве что?..

Аня. Да, я еще ничего не решила. И ваше «разве что» меня не увлекает. Я не собираюсь втайне, ночью, или вместо витамина получить тот самый укол и... уйти. Я все должна решить.

Дмитрий. Как говорит один мой знакомый, у вас в голове каша. Собственно, что я с вами ношусь? Один факт прихода сюда — это и есть решение. Скажите спасибо, что мы кое-что понимаем и щадим ваши заблудшие души.

Аня. У вас шнурок развязался.

Дмитрий *(наклоняясь).* Короче... Сегодня вечером будут важные гости.

Аня. Никита Михалков что ли?

Дмитрий. *(Думая о своем.)* Вот именно.

Затемнение.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Слышен странный скрип: то ли пилы, то ли так долго и «скрипуче» поворачивается круг. Скрип сменяется не менее странными возгласами, звуками. Сначала тихо, потом все громче звучит музыка. Прекрасная, дивная музыка, никак не вяжущаяся с предшествующими звуками. И опять — стихотворные строки.

Женский голос.

Все ближе, ближе час расплаты,
Оракул ждет, часы идут.
На заседанье виноватых
Все приготовились и ждут.
И жесткий приговор выносят,
Вменяя в этой жизни жить.
И облегчение приносит
Надежда быть.

И перестав играть в возможность
Неисполнимого конца,
Все время умножая сложность,
Искать овал любимого лица.

И дней отмеренные числа
Знать и не знать наперечет.
Черед настанет, час пробьет
И жизнь сама от нас уйдет.

Однако до поры, до срока
Не преступи порога.
И не ищи без надобности ключ,
Который заперт.
Запрет нарушить не спеши,
Живи иначе.

Посредине сцены – большой белый стол. Собственно, это тот же холл, только вся мебель зачехлена, как бы совсем не «играет» на сцене, а только большой прямоугольный стол, за которым сидят по четырем его сторонам четыре героя. На столе, кроме невероятной красоты скатерти, нет ничего.

Никита. (После долгой паузы.) Вот мы и собрались.

Саша. Вы слышали странные голоса?

Аня. Скажите, это надолго?

Дмитрий. Ужин будет позже.

По всему понятно, что каждый пока – сам по себе.

Никита. Видите ли, есть такое удивительное растение, скорее, более известен его сок – сок мандрагоры...

Саша. Красивое слово. Вообще эти сочетания н – р – д всегда образуют что-то особенное в слове. Ариведерчи, Федерико. Нет, и наши есть примеры – примадонна...

Аня (*неуверенно*). Андромаха...

Саша. Забыла точно, кто она, но что-то трагическое с ней связано.

Дмитрий. Не будем о грустном.

Аня. Звучит обнадеживающе, если учесть...

Дмитрий. Да, если учесть, что время не безгранично и всему приходит конец. Нет-нет (*спохватывается*), я в данном случае – о сроках контракта, о его условиях... О нашем «Катарсисе», наконец...

Надо заметить, что между репликами героев – довольно большие паузы. Люди собираются с мыслями, сложно приступить к главному. И это главное герои всячески стремятся оттянуть.

Саша. А почему именно три недели, что за срок?

Никита. Достаточно оптимальный, чтобы люди освоились и как-то сориентировались: в планах, намерениях, прогнозах...

Саша. (*Поднимается.*) Скажите, могу я выйти?

Молчание. Саша идет в сторону сада, за ней – Никита. За столом остаются сидеть Аня и Дмитрий. Дальнейшая сцена строится таким образом, что одновременно «работают» два плана. Порознь, в разных частях сцены происходит разговор двух героев; отдельно Саши и Никиты, за столом – Ани и Дмитрия. Реплики героев выстроены так, что порой как бы «накладываются» одна на другую. Однако пары друг друга не слышат.

Никита (*подходя к Саше*). План мой прост.

Саша. (*Внимательно смотрит, напряглась, однако не произносит ни слова.*)

Аня. Я, пожалуй, тоже... (*хочет идти*).

Никита. Послать все и — уйти. Но... Есть одно «но».

Дмитрий. Нет-нет, вы останьтесь.

Саша. Вы?

Никита. Уйти вместе.

Аня. Мы только говорим, а надо...

Дмитрий. «Катарсис» обречен, это ясно.

Саша. Это невероятно.

Аня. Вы думаете, они, гости ваши, подъедут?

Никита. Уедем, уйдем, уплывем.

Дмитрий. Несомненно, но это совсем и неважно.

Никита. Идемте, идемте и все им скажем.

Саша. Странно, а меня как бы и нет, т. е. моего согласия?

Дмитрий. (*Повторяет, стараясь удержать Аню.*) Теперь это совершенно неважно.

Никита. Пока его и не требуется.

Саша и Никита, каждый в разном ритме, настроении приближаются к столу. Во время всей сцены скрип и странный скрежещущий звук все возникали, пытаясь что-то выразить на своем «скрипучем» языке, внося диссонансную ноту в происходящее на сцене. Ощущение тревоги, вызванное в немалой степени и этими звуками, все растет, усиливается. Это сказывается и на «разорванности» ритма, настрое героев, в собственно мизансценической разнесенности двух пар, хотя одновременность действия сохраняется на протяжении всей картины.

Саша. (*Почти совсем рядом от стола.*) Мы все говорим, а надо... (*Надо сказать, что возвращается она к сидящим несколько изменившись, преобразенная даже. Кажется, она вот-вот расхохочется, во всяком*

случае, заметно, что она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. От радости, от предложения, от случившегося.)

Саша не успевает договорить, так как раздается странный щелчок, похожий на выстрел.

Аня. Ну, вот и сигнал!

Саша как-то странно цепляется за край стола и внезапно падает. Медленно гаснет свет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Сцена затемнена и вдруг резко озаряется вспышкой света, колющего, незнакомого. На сцене перед столом стоят Аня и Никита.

Аня. (*Странная, потерянная, без обычной своей суетливости.*) Я не переживу этого. (*Нога все еще дает о себе знать.*)

Никита. Лишние слова. Зачем люди говорят много ненужных слов?

И слов ненужных череду
наруша,
Я ни о чем не попрошу
и буду слушать...

Аня. Знаете, у нее был мужчина, которого тоже звали Сашей.

Никита. Был?

Аня. Впрочем, это неважно.

Никита. Так хочется, чтобы пришел какой-нибудь старец и всему научил. Зачем я здесь остался? Хотел изменить привычный ход вещей. А получается...

Аня. *(Проходит к другому краю стола, возвращается, присаживается, теревит скатерть.)* Молчит.

Дмитрий. *(Поспешно входит, оглядывает присутствующих и словно только что, на месте что-то решил, говорит.)* А выстрел — это не здесь, это неподалеку, в лесу. Там лесопилка.

Аня. Ну, не карнизы же там вешали...

Дмитрий. Да уж... *(решившись)*. Что мы все вокруг да около. Ну не такой же ценой искать смысл жизни. Пошли бы в монастырь, в конце концов! Зачем вы приехали сюда? Что вы судьбу провоцируете? Теперь вот Саша. Вы думаете, это легко?

Аня. *(Смотрит насмешливо, вдруг отворачивается и говорит не Никите, а, скорее, себе, зрителям.)* Когда мне было лет 18, мне нагадали... Нагадали долгую жизнь. До-о-лгую, дли-и-нную. А я вот — здесь. Если бы не Саша, так и болталась бы в этой жизни. *(Вдруг резко встает, пытается бежать, но нога, опять эта нога.)* Да где же здесь... где здесь?... Я должна, должна уйти. Где бумаги, кто подпишет? Я должна...

Никита. *(Подходя к ней.)* Успокойтесь, Дима все принес.

Аня плачет и пытается вырваться.

Аня. Пустите. Что мы натворили?! Зачем? Господи!

Все это время Дима пребывает в такой растерянности, что толком не может ни на что решиться: ни Аню успокоить, ни с бумагами, которые он теревит, разобраться. (Так ничего не придумав, уходит, унося бумаги с собой.)

Никита. *(Выходя из положения.)* Он только подпишет. Слышите, слышите, музыка?

Аня. Оставьте вашу музыку, вашу иронию, все. Я хочу уйти. Я знаю, что надо делать, дайте мне уйти.

Гаснет свет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Звучит все та же прекрасная музыка. На ее фоне женский голос читает стихи.

Оставьте! Отыщу сама я
Смысл неясных слов
И помыслов посулы.
Не перейду за тот порог,
Где край могилы,
Где гаснет свет
И холод лижет спины.
Мгновенье!
Дай себе обет.
Я знаю, милый.

Сад. Светло.

Дмитрий и Никита. Один присел на качели, другой прислонился как-то боком к поручням.

Дмитрий. Наверное, надо было почти любить, чтоб что-то понять.

Никита. Почему же почти?

Дмитрий. Непривычно о себе — так явно, ясно.

Никита. *(Повторяет вслух строчки, которые читала Саша.)* Ах...

И не ищи без надобности
ключ,
который заперт,
Запрет нарушить
не спеши,
Живи иначе.

Никита. Видишь, у меня был план.

Дмитрий. Я знаю.

Никита. Как ты догадался?

Дмитрий. Хотя бы потому, как сильно ты переживаешь. Кто думал, что так получится?

Никита. Не думал.

Дмитрий. Не русская это идея. Сроду она тут не приживется. Нашему человеку что подавай? Да все, что угодно, только не добровольный финал. Состояние страдания, потребность в нем — вот его чуть ли не норма.

Никита. Прибавь еще бунт.

Дмитрий. Вот... против чего они бунтовали? Против себя?

Никита. А мы с тобой — что мы?

Дмитрий. Нас никто не звал, мы пошли сами. Только вопрос — кто облек (*путается*), облек нас правом судить?

Никита. Сок мандрагоры... Кто-то предпочел его, тоже — разновидность борьбы... Не-со-гласия с тем, что (*обводит рукой вокруг себя*). Она все повторяла: «Умрем, Федерико?!». Кстати, ты читал этот роман, он был лет пятнадцать назад в «Иностранке».

Дмитрий. Да, был такой журнал. Послушай, сколько же нам лет? 35-40, а, может, лет на сто больше? Запутались.

Никита. Но не в главном. Помощь — она не только в инъекциях и физиопроцедурах. «Катарсис» — очищение. Это надо осознать.

Дмитрий. Как ты думаешь, она успокоилась? Я хочу ее проводить.

Никита. Ты об Ане?

Дмитрий. О ком же еще?

Никита. Ну, давай. А то скоро подъедут. (*Делает неопределенный жест руками: мол, сам знаешь, что объяснить.*) Ариведерчи!

В это время в самом дальнем уголке сада появляется женский силуэт. По одежде не определишь, кто это, Аня или кто-то другой. Это — женщина. С сумкой в руках она направляется в сторону выхода. Во время ее прохода герои молчат, однако не покидают своих мест, и женская фигурка удаляется молча, в тишине. Легкое затемнение. Деревья сада видны, они проступают сквозь темноту и — более того — начинают светиться приятным светом, направленным со всех сторон, в том числе, и сверху, прямо на них. Свет становится все интенсивнее, все ярче по мере того, как усиливается звук женского голоса, читающего стихотворные строки.

У мятущейся души

Лишь одно предназначенье:

Сняв одежды отреченья,

Спрятаться в людской глуши.

Зов печали не наруша,

И услыша сердца стон,

Ни на море, ни на суше

Не бежать на тщетный звон

Искореженных страданий,

Глухо стонущей мольбы

О мечтах, и о деяньях

Ускользящей судьбы.

И вовеки помогая

Оставаться на корме

Корабля, что уплывает,

Доставляя радость мне.

Так светло поющей песню,

Так легко живущей жизнью,

Вдаль летящей в поднебесье

И стремящуюся ввысь!

Сердце бедное, воскресни!

Разум мой, восстановись!

Медленно-медленно гаснет свет, погружается в темноту сценическое пространство, и лишь отдельные скользящие лучики света задевают ускользящие в сумерках верхушки деревьев остающегося одиноко сада. Этот свет на верхушках весьма символичен.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вполне возможно, что режиссеру зрители, а режиссер автору задаст вопрос, что же все-таки с Сашей, осталась ли она жива. Финал пьесы потому и остается ОТКРЫТЫМ, что предлагает зрителям свой вариант ответа: жива ли. Если «да», смогла ли и впрямь начать новую жизнь... Главное — что в судьбе женщины произошло нечто такое, что почти равносильно смерти.

Выбор за Вами. Фантазия режиссера, актерский потенциал (да и возраст) — довершат дело. Вполне вероятно, что после окончательного затемнения, к примеру, и всполохами света над верхушками деревьев, в глубине сада, быть может, на уровне этих верхушек, возникает женщина, которая и есть САША. Не мистификация, а самая настоящая наша героиня. Она — в красном платье, в руках — роза и произносит одну только фразу:

— Кажется, я и правда — ЕСТЬ. Теперь нужно только одно — жить. Пойду, поздороваюсь со знаменитостью. Все-таки, Никита Михалков!

И еще — о возрасте героев. Это могут быть действительно, как их называют мужчины, — девушки, это могут быть и женщины более «выраженного» возраста. И тогда «девушки» легко заменяются на «сударыни», ибо и то, и другое весьма условно. Не возраст важен. Стресс и отчаяние могут посетить в любом возрасте, главное, чтоб нашелся путь выбраться. Правда, путь этот не всегда связан с «Катарсисом», т. е. очищением.

Н. Б.

1999 г.

Конец.

НИЧЕГО СМЕШНОГО, или Я БУДУ ЖДАТЬ

ПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Евдокия — девушка с невостробованным психологическим образованием, она любит петь и любит птиц, что окажется впоследствии немаловажным.

Макар — молодой мужчина, который, напротив, очень востробован; он также любит птиц, но не сразу об этом догадывается.

Эммануэлла — дама неопределенных лет, которая руководит модным салоном и заблуждается, что может все или почти все.

Инна — работник салона. Исправно выписывая квитанции, не оставляет втайне мысль открыть подобное заведение с учетом всех промахов и просчетов, которые ей видятся здесь. Себе на уме девушка.

Мама Макара — замечательная женщина, которая все никак не присмотрит достойную невесту своему сыну. Она умеет готовить плов, играть на странном восточном инструменте и гадать на фасоли.

«Кто там еще?» — так называется персонаж, который не раз входит в пьесу в совершенно разных обличьях. То это — служащая салона, непрестанно повторяющая фразу «Кто там еще?», то это соседка по квартире, которая откликается на любой звонок, задавая все тот же вопрос. А, может, она там работает, а здесь живет? Все может быть. Потому что на улице, например, этот субъект тоже объявляется, пытаясь пристать к паре наших героев. Словом, вездесущее это существо доставляет немало беспокойства везде и всем, но, впрочем, способно к приручению.

И просто — **Женщина в очереди**. Попадает на улице тоже.

И еще персонаж — **Птица**, которая живет у Евдокии и которую зовут Дуся.

Действие происходит в парапсихологическом салоне под названием «Возрождение», затем оно перемещается в дом героя, потом героини; бродит по улицам...

Декорация странного заведения, называемого нынче салоном. С какой-нибудь стороны расположилась администратор, которая одновременно и кассир. Рядом — выставленные на продажу предметы, призванные привлечь посетителей, разного рода атрибутика: камни на веревочках, фигурки животных, астрологические карты, календари, платки, четки, бусы. Все сплошь магическое. Видны небольшие комнатки-кабинки, куда препровождают посетителей и где работают МАГИ. Кабинет хозяйки в другом углу. За конторкой Инна. Она говорит по телефону.

Инна. ...проходите мимо забора, поворачиваете направо, там еще котлован, да, туда не надо, обходите, остается совсем чуть-чуть. Так вот, дальше — прямая дорожка, ориентир — большой мусорный бак. Слева от него вход. Поднимаетесь по лестнице, нет, вывеска потом. По коридору третья дверь — это мы, «Возрождение», увидите сразу. Смело входите. *(Чувствуется, что текст ею освоен до такой крайней степени неприятия и остервенения, что не остается ни малейших сомнений в отношении девушки к своей работе.)*

По бокам на стульях сидят два человека, ждут. Из двери вдруг высовывается странная фигура в немыслимой одежде, которая произносит одну только фразу: «Кто там еще?» Поднимается женщина, вся запыленная, озирается, проходит в одну из комнат. Рядом — мужчина, его приглашают тоже. Это — Макар. Проходит в кабинет, там почти темно.

Евдокия (стоит). Присаживайтесь.

Макар. Не промахнуться бы.

Евдокия. *(Сводит свои руки над головой мужчины, прислушивается.)* У вас тенденция к повышенному давлению. Дайте руку, нет, левую.

Макар. *(Он хотел было возразить, что, мол, может правую.)* Вы уверены, что?..

Евдокия. А долгожители в роду были?

Макар. Вроде бы. Да, точно, дед-то еще жив, слава богу.

Евдокия. Вот и вы...

Макар. Что я?

Евдокия. Молчите. Вопросы потом. 23-го этого месяца не подписывайте важные бумаги.

Макар (*перебивает*). Позвольте, сегодня уже 24-е.

Евдокия. Тогда следующего. Машина у вас есть?

Макар. А что?

Евдокия. Да не бойтесь, я не в том смысле. Просто первого числа лучше за руль не садиться.

Макар. А вот это напрасно. 1-го после обеда у нас как раз зарплата.

Евдокия. Молчите. Вопросы потом. Часто простываете?

Макар (*понемногу приходя в себя*). Ну вы же ясновидящая, сами должны все знать.

Евдокия. Не надо нервничать. У вас какая проблема, что вас привело — я в этом смысле?

Макар. Реклама — это такая страшная сила. Вот в жизни не верил, а тут подумал: а что, может, что-то изменится — я о жизни и, извините, любви. Шутка. Была у меня еще одна мысль, но, пожалуй, не стоит.

Евдокия (*устало*). У вас все будет хорошо. И линии рук об этом говорят, и вообще... Аура просто замечательная. Высокий биопотенциал.

В дверь стучит «Кто там еще?»

«**Кто там еще?**» Ваше время... Дом горит, часы идут.

Макар. Строго тут у вас. Спасибо. Вы мне очень помогли. Все обстоятельно, конкретно. Мне даже легче стало как-то.

Евдокия. Не надо говорить «спасибо». А вообще — ничего. Вы идите, а то нас тут ругают, если задерживаемся.

Макар. Еще раз надо приходиться? Или — все?

Евдокия. Может, у вас какие идеи есть? Научные?

Макар (*вынимает визитку, отдает Евдокии*). А если у вас будут идеи, — вот, вдруг пригодится.

У стойки конторки Инна отложила телефонную трубку и настойчиво втолковывает Макару.

Инна. Как минимум, нужны три воздействия, одного недостаточно. (*В трубку.*) Ориентир — канава, потом мусорка, большой бак. Мужчина, подождите. Нет, я не вам (*в трубку*), вы же не мужчина. Вы читали, мы — «Возрождение», за один раз ничего не получится (*манипулирует трубкой*). Какой трудный контингент.

Из «директорской» двери выходит хозяйка. Грозно смотрит на Инну, берет квитанции, наколотые на шпильку.

Эммануэлла. Сколько сегодня накапало? Так... мало. Это не работа. Будем расставаться.

Инна. Но если...

Эммануэлла. Не перебивайте, вам все равно нечего сказать. Работаете плохо. Талисманы предлагаете? Нет.

Инна. Но почему же?..

Эммануэлла. Вы у нас сколько — две недели? Будем расставаться.

Выходит «Кто там еще?»

Эммануэлла. Ты почему бездельничаешь? Иди лучше купи пирожков. Где Евдокия? Позови.

Приходит Евдокия.

Эммануэлла. Что это за вид, Дуся? Ты сколько дней обещаешь поменять прическу?

Евдокия. У вас что-то случилось?

Эммануэлла. *(Оценивая наблюдательность Евдокии.)* Анекдот про чукчу знаешь? Чукча-хирург: «Скальпель, зажим, тампон, еще зажим... Ницево не полуцается». Так вот, ницево не полуцается. *(Уводит Евдокию в свой кабинет, часть которого мы видим.)* Дуся, погадай мне.

Евдокия. Да что вы, Эммануэлла Сидоровна?

Эммануэлла. Можешь звать меня просто Эммануэлла.

Евдокия. А на чем? Ладно, садитесь. *(Долго смотрит в глубокую чашу с водой.)* Не может быть. Скоро выйдет указ — нас всех... как бы это сказать... нас всех закроют. А еще, у вас ведь БМВ? Поменяете. На «шестерку». И вообще все хорошо: с соседями, например.

Эммануэлла. Какие соседи, нет у меня никаких соседей, я одна на всю площадку.

Евдокия. Повезло же *(думая о своем)*. И ребенок у вас будет, только похудеть надо, вы не пробовали? Можно заговор сделать, в крайнем случае, а лучше — по научной методике.

Эммануэлла. Евдокия, тебе нужно работать в другом месте. Интеллект перевешивает.

Меняется декорация.

Это комната Евдокии. Книги, цветы. В интерьере присутствует несомненное изящество. В комнате живет птица, тезка хозяйки. Евдокия пытается составлять икебану из искусственных цветов. Резко отодвигает ветки, ножницы, ибо за стенкой в это время возникают вопли: и музыкальные, и просто нечеловеческие. Евдокия пытается справиться с собой, затем берет приготовленную крышку от кастрюли (дело, видно, привычное) и начинает стучать в стенку.

Евдокия *(обращаясь к Дусе)*. Вот тебе и интеллект. Обо всем забудешь.

Безобразия за стенкой продолжается. Евдокия стремительно хватается у вешалки сумочку, роется, достает визитку, идет к телефону. Не решается, долго смотрит на карточку и все же — набирает номер телефона, однако сразу кладет трубку.

Дуся, ну что ты молчишь? Когда мне плохо, почему ты всегда молчишь? Ты что, думаешь? *(Дуся что-то ворчит.)* Может, переедем? *(Дуся шумно реагирует.)* Хорошо-хорошо, я знаю, это не решение проблемы. Но ты и меня пойми, сколько я могу в этих застенках разговаривать только с тобой и через стенку — с соседями? Молчишь? Так-то! *(Прислушивается.)* Кажется, наступает мир. Ну что ты молчишь? Еще с мамой они хоть как-то считались, а два года житья нет. Молчи. Нужно, я знаю, что нужно. Загрызла инерция, нужен поступок. Уехать, выйти замуж, родить сына, уйти, наконец, от парапсихологических психов. Но — решиться! А я каждый день тащусь в свое «Возрождение», а дома тихо погибаю среди буйства цветов *(хватает охапку лежащих на столе цветов)* и буйства соседей. Скоро сама стану буйной. Никто и не догадывается, что во мне зреет. Зреет протест. Не смейся, у меня классическое образование, и я знаю, что за чем в жизни следует. Такое смирение и покорность непременно должны взорваться поступком, или творчеством, или страстью. Какая может быть страсть у икебаны. Вот! Все нарушено, все жизненные пропорции. Букетики доконали меня напрочь, они возможны только при наличии чего-то противоположного. Это так, классический принцип. Такой у меня замечательный психосоаноализ. А я все не решусь! Позвонить — не решаюсь, уйти от Эммануэллы — не решаюсь, переехать *(птица проявляет нетерпение)* не решаюсь, да ты не волнуйся, что ты так боишься переезда? Понимаю, это из-за мамы, молчу. Успокойся, никуда мы не тронемся.

Вот сейчас, сей час прямо и начнем новую жизнь.

Достаёт визитку, откладывает, номер знает уже наизусть, набирает номер.

Декорация меняется и мы видим, как слегка измененное пространство сцены превращается в комнату Макара. Ибо и у него много книг, что-то похожее на мебель, и здесь присутствует подзабытая интеллигентная атмосфера. Он — за столом что-то чертит. Раздается звонок.

Макар. Да, я узнал, как же, как же. Может быть, завтра? Впрочем, нет, сегодня. Адрес, да что я, там все понятно. Никаких сомнений, ждем. *(Убирает со стола чертежи, идет к двери и обращается к маме.)* Мамусь, а что, если у нас будет гость?

Выходит мама, которая явно что-то делала на кухне.

Мама. Ты что, уже решил, что будет, или только собираешься? *(Макар молчит.)* Это — событие.

Макар. В каком-то смысле — да, но просто одному человеку надо помочь.

Мама. Человеку?

Макар. Да, девушке.

Мама. Макарушка, я тебя знаю — в отличие от девушки — 35 лет. Это прилично. А девушку ты узнал, вероятно, только что, иначе бы я об этом знала.

Макар. Мама, это несправедливо. Я разбираюсь в людях, а ты всегда с критикой. Именно потому я до сих пор не женат.

Раздается телефонный звонок.

Да? Как не придете? Да что ж такое, мы уже стали готовиться, да и мама рада. *(Мама иронически смотрит, уходит.)* Понятно. Тогда запишите меня на завтра. Как почему? Вам же нужен план? *(Ходит по комнате.)* Мамусь, мама, я должен тебе кое-что сказать. Ты меня слышишь? Замечательно. Ты не хочешь сюда выходить, это объяснимо. Но я все равно скажу. Я давно собирался. Мы живем как-то не так, странно, я

бы даже сказал. И почему я все должен рассказывать, я уже почти старый. Только на работе я испытываю самоуважение. А дальше — стол рабочий, стол обеденный, архивы, сноски, библиотека — вот мой набор жизненных приоритетов. Я даже опоздать домой не могу. Даже Надя меня так не контролировать. Четыре года — это приличный срок, чтобы все понять. Надо что-то менять. На конференции я один, в Англию — один. Я даже в неформальной обстановке подискутировать не могу, может, идеи-то все — бредовые. В компании мужчины быстрее говорят правду, а я ее слышу усеченную. Семь лет вычерчиваю путь гомеровских героев, уже сам все проплыл и везде прополз, а к истине так и не приблизился. Я зачах со своей Андромахой и Пенелопой, ночами я сражаюсь с Агамемноном, Одиссеем, а конца пути не видно. Меня никак не озарит, не осенит нечто ненаучное, логика мешает, она уже — тормоз. Я бы хотел задать вопросы своим грекам, провести их иным путем, чтобы понять, что побудило совершить весь этот трагический круг. Мне, как ни странно, не хватает ошибки, все излишне рационально, а творчество не вмещается в мою схему и даже в схему Гомера. Ему нужен бунт, творчеству. Мне кажется, я начинаю кое-что понимать. *(Быстро садится к столу, не замечая, что последнюю часть монолога мама сосредоточенно слушала, войдя из своей кухни.)*

Мама. *(Молчит, смотрит на сына.)* У меня такое предчувствие...

Меняется декорация и мы видим салон. Посетителей нет. На рабочем месте — Инна, к ней подходит Евдокия.

Инна. Звонков — мешок, а идти никто не хочет. Цены — сама знаешь. *(Трубка лежит не на рычаге; видимо, Инна уже занемогла от бесконечных уточнений про мусорку и котлован. Время от времени она поднимает трубку, говоря: «Минуточку...»).* Эммануэлле, слава богу, нет, можно и вздохнуть. Абсурд — клиентов

— ноль, но ни читать, ни вязать, ни на бутерброды отвлекаться — ни-ни! А у меня через два дня зачет. Если что, окажусь вообще нигде. Дуся, ты что грустная? К тебе на сегодня трое записаны. Толку-то. Хоть один бы появился.

Евдокия. Если придет, не стучи в дверь, все равно никого нет.

Инна. *(Видит входящего мужчину.)* Легки на помине-с. Мы вас очень ждем-с.

Евдокия поспешно удаляется, входит Макар.

Макар. Как и обещал. *(Делает предупредительный жест: мол, ничего не говорите, дайте сказать.)* Все исполнилось, как вы и говорили. И про 23-е, и про первое.

Евдокия. Пойдите, сегодня еще тридцать первое.

Макар. Ну, не важно, все равно исполнилось. Я и было позже двадцать третьего, однако все-все правда. А что стряслось у вас, что-то выглядите неважно. И вообще темно, полуподвал какой-то. Простите, у вас профессия есть?

Евдокия. А вы не нападайте, я и сама понимаю, что это не Академия наук. Есть профессия. Но что толку, на нее сейчас не проживешь и не устроишься.

Макар. Вы, наверное, психолог, я правильно понял? Так вот, я кое-что хочу вам предложить, только не надо нападать. Сегодня у нас тридцать первое, а пятого, в крайнем случае седьмого, вы подпишете важный договор. Я хоть и не психолог, но кое-что понимаю про подтексты и схождения чисел. Да вы не волнуйтесь, рассказывайте.

Евдокия. Вы же слова не даете вставить. Вас как зовут? Ах, да *(смотрит на квитанцию)*, Макар. А фамилии здесь не положено спрашивать, анонимность. Мне нужна работа. Приличная. А живу я...

Макар. Молчите, я догадываюсь.

Евдокия. Никогда в жизни! Я живу со своей тезкой.

Макар. Да уж!

Евдокия. В том смысле, что это птица и тоже Евдокия, Дуся.

Макар. Замечательно. Я вам так сажу: вам отсюда надо уходить. А про числа — абсолютно серьезно. Третьего у нас конференция, вполне возможно, понадобится социальный психолог, или психологический социолог. Я вас приглашаю.

В дверь стучат.

Евдокия. *(У двери.)* Я же просила.

Инна. Ваше время *(спохватывается)*. Ах, я забыла. Беседуйте.

Удаляется.

Евдокия. Никакой жизни: ни здесь, ни... *(умолкает)*. Скажите, а это очень неприлично, что я вам позвонила?

Макар. Мама, по крайней мере, была очень рада. Она всегда гостям радуется.

Евдокия. Есть у меня подозрение, что вы не всегда говорите чистую правду.

Макар. С чего такие обвинения?

Евдокия. Все-таки я — психолог. И вообще у меня особенные отношения с пространством. Иногда мне кажется, я могу его расширять, попадая, скажем, в ваше пространство и что-то такое ощущать. Потом как-нибудь расскажу, не здесь.

Во время этой сцены в коридоре у стойки Инны продолжается привычная жизнь: телефонные звонки, ее ответы, часть которых мы слышим; время от времени проходит «Кто там еще?» то с ведром, то с пакетом. Во время отсутствия хозяйки чувствуется, что она тут — главный человек. У стойки Инна и «Кто там еще?»

Инна. *(Вслед удаляющемуся Макару.)* Симпатичный. Только ему-то сюда зачем?

«**Кто там еще?**». Прошел, а ноги не вытер. Что в лоб, что по лбу.

Инна. Почему ты на имя не отзываешься? Ты ведь Люся. Зачем ты вообще здесь, от тебя одни неприятности. *(Говорится это, по всей видимости, потому, что женщина слишком по-хозяйски себя ведет: то в квитанции заглянет, то трубку норовит схватить, то к двери подбирается, ухо прикладывает. Это явно утомило Инну.)* Твои функции — это тряпка и буфет, а ты во все норовишь нос сунуть.

«**Кто там еще?**». Дом горит, часы идут.

Инна. Ты что все в иносказания вторгаешься? Вся ты — странная, ни имени, ни судьбы. *(Ей так и хочется поссориться.)*

«**Кто там еще?**». Кто — в лес, кто — по дрова.

Инна. Ладно, все бесполезно. Можешь и дальше юродствовать. А я буду закругляться. Хватит на сегодня.

«**Кто там еще?**». *(Берет связку ключей, идет закрывать комнаты. Громыкает ведро, что-то звякает и вдруг возглас.)* Не было ни гроша, да вдруг алтын. *(Поднимает с пола оброненный кем-то платок.)*

Декорация меняется и мы видим дом Макара. Идут явные приготовления ко встрече гостей. Макара и его мать хлопочут, накрывают, словом, в ожидании.

Мама. Рубашка эта тебе не к лицу, а ты все споришь *(при этом сама охорашивается, критикуя одежду сына).*

Макар. Ты, мамусь, как всегда, права и главное — вовремя. Я — пошел. Нет, не в рубашке, в конце концов, дело. Я галстук пойду подберу. *(Уходит.)*

Звонок в дверь.

Мама *(предупредительно поднимает палец вверх).* Дальше — тишина!

Идет открывать. Входит Евдокия.

Евдокия. А разве?.. Да, здравствуйте. Я, наверное, не вовремя...

Мама *(кричит).* Макара, поспеши. А вы входите, входите, у нас тут славно. Собака, к несчастью, вот уже год, как не с нами. Так что, мы вдвоем. *(Провожает Евдокию в комнату.)*

Евдокия. *(Осматривается.)* Удивительно. А у вас птицы не живут?

Мама. Живут, как же. Я разве не напоминаю вам какую-нибудь дроздику?

Евдокия. Нет, я к тому, что... странно... наши квартиры очень похожи, так и кажется, что сейчас заговорит Дуся.

Мама. Позвольте, а вас разве не Евдокией зовут?

Евдокия. Да, но нас — двое. Я и моя Дуся, т. е. она у меня живет. Скажите, а Макара, он что, дома?

Мама. Вы присаживайтесь. Наш щегол или щеголь, что, впрочем, одно и то же, завершает некоторые рабочие штрихи к своему же портрету. А вообще-то зовут меня Валентиной Васильевной.

Евдокия. Невероятно. Так звали мою бабушку по материнской линии. Даже полки прибиты похоже.

Входит Макара в невероятно нелепом галстук.

Мы уже заждались. Вы... я хотела сказать... вам галстук очень к лицу, я думала, вы не любите галстуки.

Мама *(спасая положение).* Просто он нас решил поселить. Это галстук из нашей прошлой, отнюдь не щегольской жизни. Макарушка, не расстраивайся, сними его, мы все поняли. *(Напевает.)* «На душе и тревожно, и весело...» *(Уходит.)*

Макар. *(Развязывая галстук.)* Мама очень рада, что вы пришли. Будем, конечно, пить чай, общаться. Вы настольные игры какие знаете?

Евдокия. Шашки, кости... ой, нет, кости, кажется, не то. Лото. А что, предполагается игра?

Макар. Да вы не бойтесь, есть такая интеллектуальная игра... *(не успевает договорить, т. к. замечает, что с Евдокией явно что-то неладно)*.

Евдокия. Ой, что-то с головой.

Макар. *(Усаживает ее на диван.)* Мама... подождите... что такое? Вы такая бледная. Мама, дай воды.

Мама *(из кухни)*. Чай готов, несу, никакой воды. *(Входит с подносом, едва не роняет его, оценивая происходящее.)* Дочка, вы меня убьете. *(Хватает газету, начинает обмахивать Евдокию.)* Макар, быстренько за мокрым полотенцем.

Макар. Именно полотенце? Но они в ванной и все сухие.

Мама. Так включи воду.

Макар. Понял.

Евдокия. *(Приходя в себя.)* «Все стало вокруг голубым и зеленым...» *(Пьет воду.)* Благодарю. А как называется игра?

Мама. Чаем мы из положения не выйдем. Здесь нужно что-то более существенное. И никаких игр.

Пока Евдокия окончательно приходит в чувство, Макар, наконец, освобождается от своего галстука и его осеняет.

Макар. Вы голодны! С этим надо что-то делать. Вы зачем так напрягаетесь, можно сказать, выматываетесь? К черту ваш салон, с этим надо что-то делать! И мы будем делать.

Евдокия. Как хочется чего-то необыкновенного.

Макар. Все эти салоны наводнили все вокруг. Открывают их, как правило, люди пришлые: они крепче, во всем крепче. В противостоянии привычному. Стены пробивают. То певица из теплой страны, то колдунья в тринадцатом поколении. Куда мы катимся?.. Теперь вот вы...

Евдокия. *(Пытается возражать.)* А вы владеете воп-

росом. Это вышло случайно, я старалась не вводить в заблуждение. Утешительство — разве это плохо? Мне стыдно, я хочу в школу, в детский сад — но к нормальным людям. Кстати *(оживляясь)*, наша хозяйка — она, в сущности, добрая женщина, у нее ничего не ладится: ни в личной жизни, ни вообще. Клиентов теперь почти нет, волна интереса куда-то подевалась. Но я знаю секрет, это меня и спасало: я не лгала, я пыталась обратить внимание человека на свой собственный интеллект. Все дело в нем.

Макар. Нашли, где его отыскивать.

Евдокия. Нет-нет, все не так просто, как может показаться. Вы вот тоже почему-то пришли.

Макар. Я — совсем другое дело. Просто хотел проверить одну гипотезу, но об этом потом. Собственно, ее автор в какой-то мере — моя мама.

Мама *(возвращается с подносом, уставленном тарелками, судками)*. Люди должны не только петь, но и есть. Макарушка, забери на кухне остальное.

Макар уходит, поглощенный своими мыслями, на него произвело впечатление сказанное Евдокией.

Евдокия. А вы в Москве родились?

Мама. *(Пораженная.)* В каком смысле?

Евдокия. У вас что-то певучее есть в речи.

Мама. Первые несколько лет мы и правда прожили в Костроме.

Евдокия. Я всегда слышу, откуда человек: ну, там Урал или Волга. Не как гениальный Хиггинс, но что-то слышу.

Мама. Я тоже кое-что могу. Хотите, я вам погадаю?

Евдокия. *(У нее падает ложка из рук.)* Как, и вы тоже? Я не знала.

Мама. Вы многого не знаете. Так получилось, что уже потом мы лет двадцать провели в Средней Азии, я там кое-чему выучилась. Например, лечить нетрадиционно. Трава у них есть замечательная, о ней

еще Ибн Сина писал. Попали мы туда по печальной причине, конечно. Из-за отца. Он был ученый, астрофизик. Насчет гадания у него была одна идея, которая мне запомнилась и в которой, наверное, и правда что-то есть. Но об этом, может, потом Макарушка расскажет, не как астрофизик, конечно. Гадание — это ведь как игра, нервы очень успокаивает. (*Достает из фарфоровой чашки горсть фасоли, перебирает ее и опять сыпает в чашку.*) А теперь попробуйте вы. Да-да, зачерпните горсть и бросьте на стол. Так, что же мы видим? (*Смотрит, затем смешивает фасолинки, сыпает в чашку.*) Так, бессмыслица, а, может... Ну, как пасьянс. Вы возьмите себе в сумочку несколько, пригодится. У вас все будет хорошо.

Евдокия (*зачерпывает горсть*). Действительно, тайна интеллекта. А она — и в чашке тоже.

Мама (*оживляясь*). Вы правы, и в чашке тоже. В любой вещи, нас окружающей. Ее можно оценивать и трактовать, все дело в этом: в трактовке, видении. Но любой предмет может рассказать о владельце ох, как много. А полагаться надо только на себя, правильно я поняла вашу обмолвку? Кстати, в обмолвках, в том, что в скобках и есть наше истинное я. Это — Фрейд. Когда-то, в нашей молодой жизни подобное отвергали, вам теперь легче, можете раскрываться как угодно. Только не посещайте разные там салоны, сплошное шарлатанство.

Евдокия. (*Кажется, вот-вот она опять потеряет дар речи.*) Я подумую.

Возвращается Макар. В руках у него поднос.

Макар. Испек сам. Правда. Мама, Евдокия — она замечательная!

Декорация меняется. Комната Евдокии.

Евдокия. (*Птице.*) Дуся, давай начнем новую жизнь. Ты готова? (*Наряжается перед зеркалом. Дуся что-то щебечет.*) Представляешь, в этой нашей обители появится... (*Не успевает договорить, т. к. Дуся нахотлилась и «отвечает» как-то недружелюбно.*) Нет-нет, ты не бойся, он тебе понравится, я уверена. (*Птица, как видно, спрашивает, какой он.*) Знаешь, он такой... Словом, я думаю, он тоже поет. Тебе не кажется? (*Дуся, вероятно, долго что-то отвечает.*) И главное — он все, все понял с этим моим салоном. Знаешь, как все было на конференции! Он меня всем представил (*показывает, как это было*), отрекомендовал. Евдокия, мол, Никитична, психолог, очень опытный, практикующий. (*Птица опять за свое.*) Да перестань ты, я куда не тороплюсь. Как он говорит, все идет своим чередом.

За стенкой возникает шум. Евдокия прислушивается, странный делает жест и совершает что-то вроде пируэта.

Да, граждане, возможно все! Шумите, бейте вашу посуду, но мой настанет час! (*Берет гитару, поет.*)

Я разделила время
на пространство,
В котором я жила,
в котором я живу.
Мне больше не пропеть
того романа
У времени в плену.
Не петь о грусти и печали,
О боли и скорбях,
Виток другой я начинаю,
Мне более скорбеть нельзя.
И жизнь теперь не разобью
на части,

В унынье не впаду.
Я буду петь,
Звеня от счастья
И время прогоню.

Во время ее «выступления» Дуся пытается подпевать, вставляя свои птичьи аккорды. Декорация салона и мы видим конторку Инны, телефон, в который она безнадежно втолковывает маршрут в «Возрождение»: направо, котлован, бак и т. д. По коридору идет «Кто там еще?».

«**Кто там еще?**». Вот тебе и валенки. Вот тебе и купаться. (*Вид у нее угрожающий, скорей всего, ей от хозяйки досталось. И точно.*)

Эммануэлла. Фольклористка. Все они тут — с образованием. Можно подумать! Все — будем расставаться!

«**Кто там еще?**». Тятя, тятя, в наши сети притащили...

Эммануэлла. Да замолчи, кликуша ты такая. И так все разваливается, ни клиентов, никакой жизни. Тут ты со своими сетями. Где Евдокия, где все?

Инна. (*Остолбенело как-то.*) Кто все-то?

Эммануэлла. А то, что Евдокия как в воду смотрела: все, закрывают. Вот тебе и купаться (*спохватившись*), тьфу!

«**Кто там еще?**». А я шла, шла, шла, пирожок нашла. Уморилась, уморилась, уморилась.

Евдокия (*входит*). «Все стало вокруг голубым и зеленым...»

Эммануэлла. Что с вами? Так бывает, когда и вправду теряешь все. Будем расставаться.

Евдокия. Эммануэлла Сидоровна, вы не отчаивайтесь, как говорит один мой знакомый, все идет своим чередом.

Инна. Вопрос в том, куда идет?

Эммануэлла. (*Садится, обмахивается.*) Еще два года назад, когда только лепила свое «Возрождение», мне нагадали, что ничего из этого не выйдет. Не послушалась. Вот ведь, все же в гадание верить иногда нужно.

Евдокия. Все к лучшему, Эммануэлла Сидоровна. Узнали свои возможности, свой потенциал. Займитесь чем-нибудь другим. При ваших то организационных способностях и умении сплачивать коллектив!..

«**Кто там еще?**» Дьявол с Богом борется...

Инна (*смеется*). Вот и Люся наша прозрела. Может, еще чего изречет на человечеству понятном языке. У меня есть идея. Мы ведь толком друг о друге и не знаем ничего. Давайте устроим торжество.

Эммануэлла. Какая жестокость.

Инна. А что, поближе познакомимся. Пусть и перед расставанием. Вы же сами говорили, что благие дела совершать никогда не поздно.

Эммануэлла. Ладно. Люся, собирайся в магазин.

«**Кто там еще?**» «Не всякий знает, как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем». (*Все замерли.*) Восточная мудрость. Я до вас тоже человеком была, на почте работала, посылки разносила, пенсию. А еще раньше... ладно, помолчу, так привычнее.

Евдокия. Замечательно. Так и вернемся к нормальной нашей жизни, и Эммануэлла в свою торговлю возвратится.

Декорация улицы или сквера, или просто скамейка, стоящая посреди зелени и фонарей. Проходит «Кто там еще?» с ворохом газет, что может намекать на смену ее профессиональной ориентации. Семеня, она все же умудряется произнести, проходя мимо сидящих на скамейке Евдокии и Макара.

«**Кто там еще?**». Кто в лес, кто — по дрова.

Евдокия. Я ее где-то видела. В другой жизни, кажется. Где никто не пел, а только фальшиво говорил о непонятном. А Дуся запела!

Макар (*недоверчиво смотрит*). Вы тоже почти поете. А Дуся, она красивая? (*Сбивается.*)

Евдокия. Придете и увидите. И сравните, кто лучше поет. А можем и дуэтом.

Макар. Дуся — имя такое замечательное. И главное — редкое.

Евдокия. Как и ваше. В этом мы похожи.

Макар. Очень обнадеживает.

Евдокия. Салон все равно развалился бы. Люди истосковались по интеллигентному. Хотя потребность в исповедальном начале все равно присутствует.

Макар. Как хорошо, что есть на света реклама. Кто бы мог подумать, что даже я поддамся ее чарам! Правда, я так и не дошел в своем исповедальном до той тайны, которая меня и подтолкнула, и ведет уже долгие годы. Нет, я не о магии и чертовщине. В академию наук с этой гипотезой не побежишь, вот я и подумал, а вдруг там есть кто-то, кто способен как-то иначе ощущать пространство. Да, я о своих гомеровских героях. Я не всегда понимаю их логику, их путь. Не географический, а нравственный путь, природе поступков. Все у меня слишком правильно, мне нужно было, наверное, совсем заблудиться, чтобы отыскать истинную нить, за которую можно было бы ухватиться. Мне кажется, что я почти у цели. Четыре года я распутываю клубок, и вот, кажется, подобрался. Знаете, в логике нужна порой ошибка, чтобы к логическому доказательству и прийти. Я вдруг увидел это новое пространство, я что-то другое понял.

Евдокия. И вы про пространство. Мне кажется, я его как-то особенно вижу, а может быть, слышу. Может, потому что привыкла быть сама с собой. Знаете, у меня ведь отец был астрофизик, и они с

мамой тоже какое-то время жили в Азии. Боже мой, сколько совпадений. Мне и плохо-то у вас стало оттого, что я почувствовала: все не так просто. Одна из идей отца — они еще называли ее «ненаучной», — заключалась в том, что космические вибрации, которые через нас проходят, имеют свойство каким-то образом запечатлеваться на предметах, отражаясь на них. Даже на тех, которыми мы пользуемся. Главное — дальнейшая трактовка. Что я и применяла в своих опытах гадания. Все дело в трактовке. Любой рисунок тех же фасолинок, которые раскладывает или рассыпает Валентина Васильевна, может быть прочтен и истолкован.

Макар. Мама действительно вчитывается в свои рисунки.

Евдокия. А Дуся и правда запела.

Макар. Уверю вас, в этом пространстве нет поблизости никого. Может... (*пытается взять ее за руку*). Может, вы тихонечко, без Дуси пока.

Евдокия. Без Дуси? Я попробую.

Когда в далекий край
Я убегу несмело,
И нитку бус надену
Неумело
Из света и тепла
Ладоней дорогих,
Так нежно пахнувших,
Так ветрено хмельных,
Я прикоснусь к святой рубашке
И тыльной стороной руки
Раздвину занавес домашний
Из слез, печали и тоски.
И вот тогда со мною рядом
Ты в этот край шагнешь упрямо,
И вскрикнешь, и замрешь,

И перехватит чувство,
Когда из снопа слов
        венок совьешь,
И замолчишь.
        И станет грустно.

Макар берет руку Евдокии и долго ее пожимает.

Макар. Вы замечательная!

Декорация комнаты Евдокии. В клетке – птица. Книги – на месте. На столе – изысканная сервировка, бутылка вина. Герои, Макар и Евдокия, сидят, как видно, уже давно. Она очень необычно, даже экстравагантно одета, он – в симпатичном свитере и, конечно, без галстука.

Макар. Мама говорит, что в Азии есть такие люди, табибы называются, они не как маги ваши, а правда, истинно владеют врачеванием. Можно сказать даже, что они лечат душу, хотя о душе там как-то не принято. Мама очень любит Азию и всю жизнь провела как бы на распутье: между Костромой, Москвой и Азией. Все-таки там мудрость особого склада, особого порядка, что ли. Вам не доводилось бывать в тех краях?

Евдокия. Так не хочется о мудром. Напротив, хочется делать глупости и совершать безумства. Правда, Дуся? *(Птица в это время что-то свое произнесла.)* Ну, например, поехать в эту вашу Азию и пойти к табибам. И сказать, что я тоже кое-что могу. Например... например, я точно знаю, что завтра *(смеется)* пойдет дождь. И даже грянет гроза. У вас нет такого предчувствия?

Макар. *(Реагируя на птичье «ворчание».)* Может, я ей не нравлюсь? Мне бы хотелось, чтобы мы всегда слышали друг друга. И, кажется, мы на пути к этому. У вас нет такого предчувствия? Спойте, здесь предчувствие меня не подводит: вы иногда это себе позволяете.

Евдокия. Гитара выдала? *(Берет гитару, перебирает струны, откладывает ее.)* Пожалуй, родился тост. За тех, кто нас любит! *(Сдвигают бокалы.)*

Макар берет гитару и вдруг начинает вполне прилично петь.

Ах, как мне хочется поверить,
Внезапность чувств не подвести,
И не спугнуть, судьбе доверить
Все то, что будет впереди.

И отвести от нас ненастье,
Лавину снега, бури гром.
Знать только, наше счастье
Нас ожидает в доме том.

Птица Дуся оживилась, защебетала одобрительно.

Евдокия. Все-таки я и правда психолог. Петь и впрямь должны были вы. Очень симпатично получилось. А я – потом. Как вы думаете, меня воспримут в школе? Я уже отвыкла, боюсь. Вот учу, сижу тут вместе с Дусей. Да-да, я про тебя не забыла. Она у меня вместо учеников. Что-то на своем птичьем языке спрашивает, я отвечаю.

Начинают происходить какие-то сложные колебания со светом.

Ой, что это? Хотя, да, у нас это бывает. Мне надо перестраиваться, быть более устойчивой. Меня в этом салоне совсем заморили: не выйди, не запой, не проявись... Все бегом, никакой вдумчивости. А дисциплина – ну, это в школе как раз пригодится. А что ваш доклад – убедили?

Макар. Мама говорит, все еще впереди. Не поймут сегодня, достучусь послезавтра. Главное – видение

времени и пространства. Это такой единый континуум.

Евдокия. Единый — это хорошо. Давайте за единый и сдвинем наши кружки.

Макар. А лучше — души.

Евдокия. (*Сдвигают бокалы.*) А еще я знаю, что время — вещь вполне материальная.

Макар. Замечательно! Теперь я спокоен за школу. Вы вполне сможете преподавать даже физику. Во всяком случае, смысл времени понимаете точно. И еще мама говорила...

Евдокия. А пойдёмте к вашей маме, понесем ей пирог.

Макар. Евдокия, Дуся, вы замечательная!

Затемнение. И через паузу герои оказываются перед дверью квартиры Макара.

Видно, как в комнате за столом Валентина Васильевна перебирает фасолинки или мелкие камушки. Словом, она сосредоточенно рассматривает рисунок, который они образуют на столе.

Евдокия. А что мы скажем?

Макар. Что мы принесли пирог. Время — оно вот, почти движется и я почти вижу его. Оно же — вещь материальная, сами говорили. Нажимайте (*спохватывается*) ...ах, да, давайте я. (*Звонит.*)

Видно, как к двери направляется мама.

Мама. Кто там?

Макар. Это мы.

Герои входят, вносят пирог.

Мама, этот пирог... на этот раз его автор — не я.

Мама. На сей раз я догадываюсь.

Евдокия. Вам привет от моей Дуси.

Мама. У меня такое предчувствие... Идемте пить чай.

Все трое направляются к столу, ставят на стол пирог, располагаются: мама — к столу, Макар и Евдокия — на диване. Молчат. И вдруг в полной тишине раздаётся привычный птичий голос, голос Дуси, неведомо как добравшейся сюда. Все понимают, что это за звук и кому он принадлежит. Евдокия поднимается.

Евдокия. У меня такое предчувствие, что мы с Дусей... Простите, она не прилетала?

Макар. Все еще впереди. Это у меня такое предчувствие.

Евдокия. Никак не удастся спросить одну вещь. А как ваша фамилия?

Мама усмехается.

Макар. Ой, это очень сложно. Можно я вам позже отвечу?

Евдокия. Я так и думала. Но ничего. Не страшно. А как поживают ваши герои, что у них новенького?

Валентина Васильевна (*решается*). Они прошли самое главное — через испытания. И Макарушке удалось распутать самый сложный узел, он нашел мотив, первопричину. (*Помолчала.*) Она проста. Все дело в любви. Преодолеть все может только любовь. Разулки, ссылки, расстояния — все она, любовь...

Макар. Мама, я, кажется...

Мама. (*Смеется.*) Я понимаю...

Макар. Это ты напрасно, ничего смешного.

Мама. Ничего смешного. Идея гениального Бахтина... — Дуся, вы должны знать кумиров моего сына, — так вот, этот ученый утверждал, что на свете существует не более двадцати девяти сюжетов. Все остальное — лишь производное, вариации. И что все герои проходят сквозь испытания и только после этого оказываются вместе. Вот я и подумала, что свои испытания вы проходили порознь, а вместе будете их преодолевать. В каком-то смысле вы не

вписывается в идею Бахтина, но это и к лучшему. Светлые умы во все времена были за разрушение канонов. Нет стереотипам.

Кстати, Евдокия, а можно, я буду называть вас Дусей? Хорошо. Вы спросили, как фамилия Макара. Сидите, сидите, он — Гомер. Он у нас Гомер. И папа его был Гомер. И ничего смешного.

Дуся действительно смеется.

Дуся. Вы серьезно? Я почему-то так и думала. Хотя, правда, ничего смешного. Знаете, я, пожалуй, пойду.

Макар. Вы что, из-за фамилии?

Дуся. Нет, я должна подготовиться к занятиям. И вообще, столько всего нового. Мне нужно побыть одной. Да и Дуся заждалась.

Мама. Идите, деточка, я вас понимаю.

Макар. Мама, зачем ты так?

Дуся. Нет-нет, мне и правда надо. Я только спросить хотела, я тоже вникала в «Одиссею»; Пенелопа, она, по-вашему, почему ждет: потому, что иначе не может или подчинена долгу?

Макар. И то и другое. В ней и долг, и любовь Гомер соединил. Она — абсолютное воплощение женской преданности, вечная метафора ожидания.

Дуся. А сам Одиссей? Он все возвращается и возвращается, грешит, что-то совершает. Он почему идет к ней? Какая он — метафора?

Макар. Одиссей, конечно, не метафора. Но и он — возведенная в абсолют преданность. С поправкой на заблуждения, мягко говоря.

Дуся. Я поняла. Женщина почему-то всегда в ожидании, а мужчина всегда — в поиске.

Мама. Куда это вас обоих повело? Наожидаетесь еще!
(*Улыбается.*)

Макар. Мама, не вижу ничего смешного.

Дуся. Проводите меня. Я еще приду к вам. Мне нужно купить ткань, нитки...

Макар. Зачем?

Дуся. Я пойду ткать свое покрывало. Я пойду ждать. И ничего смешного, Гомер.

Остаются Макар и мама.

Мама. Все идет своим чередом. Тебе осталось совсем чуть-чуть.

Макар. Что же?

Мама. Совершить подвиг и вернуться, чтобы обрести Евдокию.

На фоне отнюдь не браваурной музыки медленно гаснет свет, но совсем темно не становится.

1999 г.

Конец.

АЛКОГОЛИКИ

ПЬЕСА С ДВУМЯ РЕМАРКАМИ

ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ,
ЗАМЕШАННОЕ НА ИРОНИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алексей – Леха, рабочий

Кирилл – Кир, изобретатель

Сигизмунд Зигмундович – доцент, профессор, Зи-Зи

Зина – медсестра

Лужайка в парке. На ней расположились четверо: трое мужчин и женщина, наши герои. Разговаривают, выпивают

Кирилл. Ты, Леха, не заливай, нет такого прибора, чтоб будущее мерить. Вот профессор скажет. Правда, Зи-Зи?

Зи-Зи. А не отправиться ли нам в некое путешествие, где это самое будущее станет самым настоящим настоящим. Простите за тавтологию.

Зина. За чего? Зи-Зи, я не поняла. Ты где?

Зи-Зи. Я, собственно, нигде, как, впрочем, и везде.

Зина. Зи-Зи больше не наливать, он — в полете. Ах, сизокрылый мой, где ты был годков так сто назад? Нигде! Вот то-то и оно. А я была?

Кир. Зина, ты для меня вечная женщина, зачем тебе сто лет назад? Живи и дай жить другим.

Леха. Ах-ах, не делайте мне больно, господа, прокаженные завсегдатаи. Я вот о душе пекусь, а она — что сто лет назад, что сейчас — все едино.

Зи-Зи. Вы, Алексей, ну, впрочем, я давно за вами, то есть, к вам прислушиваюсь и должен отметить некую закономерность. Ваши умозаключения напрямую связаны с двумя факторами: погодой и количеством выпитого.

Кир. Ну, ты загнул, профессор. При чем тут погода?

Леха. Погода, она всегда, это правильно. И душа — это тоже. А выпивать не запретишь, нет такого прибора, чтоб сказал: потом плохо будет. Живем сейчас.

Зи-Зи. Вы склонны относить себя к буддистам: есть здесь и сейчас.

Зина. Вот-вот, так-то лучше, а то распелись. А осталось всего ничего, меньше полбутылки.

Кир. Тебе тоже хватит. Я вот про аппарат слышал. Ну, есть такой прибор.

Зина. Да что он тебе сдался? Говорят — живи сейчас. Прибор.

Леха. Не надо злиться, Зиночка. Кир прав. Сердиться вообще большой грех.

Зина. Праведник нашелся. У него только душа, у других нет. Шел бы лучше домой, небось заждались. Ха-ха.

Кир. Женщина, что ты смыслишь о вечности? Твой удел — слушать. Зи-Зи, он дело говорит: здесь и...

Зина. Я вижу, что сейчас вам будет крышка. Все дошли до нормы и даже больше.

Леха. Иди сюда, нет, Зин, иди сюда, да сядь ты, ради бога, что ты все в бутылку лезешь? Чего покажу, иди. Вон, на небе — светит, видишь? Может, это ты, а, может, я?

Зи-Зи. Сушая правда.

Зина. Вы допились, алкоголики проклятые, ну до чего ж вы мне надоели. Уйду, брошу, сидите тут сами, больше никогда не зовите. Слышите, ни-ког-да!

Кир. Кто бы говорил?! Мы — алкоголики? Не смейся, Зин, тебе после второго приема вечно нужен скандал. Ты и подумай, остановись на первом, всем будет лучше. Слыхала про прибор? Я читал, он все знает о будущем.

Зи-Зи. Ваша наивность обескураживает.

Зина. Прибор твой не то что в будущем, а и сейчас, небось не работает. Захотел чего — будущего! Ладно, молчу.

Леха. Хамишь. Глупая женщина. А если помечтать и увидеть душу — нормальная, даже в чем-то хорошая. Только вот — в чем?

Зи-Зи. Господин философ, передайте огурчик, и давайте выпьем. Видите, иррациональность вашего подхода к душе...

Леха. ...обескураживает.

Зи-Зи. Вот именно. Субстанция души многомерна, как пространство, как вечность, как полет. Что мы знаем, в сущности, о душе?

Леха. Обескураживает.

Зи-Зи. Вас заклинило, мой друг. Налейте. Мы вот все сейчас — разрозненное целое. А могли быть — каждый по миру. Мир каждого — это мир.

Леха. Тавтология.

Зи-Зи. Вы умница, схватываете на лету.

Леха. Ты, Зигмунд — ученый. Я — неизвестно что, а сидим тут оба и хреново обоим.

Зи-Зи. Возражу. Отчего это мне, как выразились...

Леха. Хре-но-во.

Зи-Зи. Бросьте. Только дуракам может быть бесконечно хорошо. Нечто подобное об оптимизме говаривал Шопенгауэр.

Леха. А мне хорошо. И пусть я — дурак. Что толку, что тебе плохо? Не верю. Здесь — не плохо.

Зина. А мне — просто замечательно. И душа, Леха, куда-то отплывает. Заметь, к примеру, это после третьего стакана. Улавливаешь? Плохо после второго, а после следующего уже хорошо. Хочется пить и не ссориться. Кир, что ты молчишь? Про прибор думаешь? Да леший с ним! Видишь, вон чего-то там светит? Может, это мы с тобой? Не веришь? Тогда налей. Душа просит. Леха вот о ней все знает, о душе. А ты — про прибор. Как славно. На сердце прямо оливки перекачиваются. Прямо — у нас в столовой.

Кир. У тебя выходной что ли?

Зина. Гуляю я. Называется сутки через трое. Сегодня мои сутки, первые. Завтра, как после второго стакана, будет плохо, ну, очень плохо, а послезавтра полегчает. К вечеру буду молодцом. А там и работа. Сутки себя не буду помнить, одно сплошное вращение: накорми, сготовь, убери, подай: кому — яблоко,

кому — судно. Привезли вот старушку в те сутки, плохо ей, сердце, а никто, сволочи, не идет. Так я — все, что надо: и помыть, и посидеть. А она и говорит: «Дочка, тебе замуж надо, ты, видно, безмужняя». Откуда она это узнала?

Леха. Заботы просит твоя душа, все в тебе желает заботиться: и руки, и голова, и все такое. А был бы муж — некогда о душе думать было бы.

Зи-Зи. Ну это, положим, заблуждение.

Леха. Думала бы, но не о своей, а больше — о мужниной. Эгоизма меньше было бы, не сидела бы тут, привольно так. Смотрю я, Зи, на тебя, и слова Высоцкого крутятся на языке. А, не сбегает, нет?

Кир. Не приставай, видишь, у нее сутки свои, самые хорошие. Оставь. Ты все о душе, о душе, а сам в нее веришь?

Леха. Может, верю, а, может... Не знаю, но что-то такое есть. Ты вот в прибор какой-то веришь, а я говорю: ерунда. Да и зачем? Он тебе — зачем? Не пей, иди работай, брось нас и будешь знать свое будущее. Пей, сиди здесь, с нами — еще крепче будешь его знать. Все прописано. Без прибора.

Зи-Зи. Мне смешно, молодой человек. Без специального образования и — достаточно точно формулируете. Одна неточность. И над душой, и над прибором надо трудиться. Вы же предпочитаете свободное парение над суетой.

Зина. Улететь бы, где нет суеты, одни только третьи сутки.

Леха. Не знаю. Но — возражаю.

Зи-Зи. Это типичное свойство российского пролетария.

Кир. Кто тут пролетарий?

Зи-Зи. Ну, человека среднего класса.

Зина. У него десять классов, я знаю, он школу вместе со мной закончил. Еще в том веке.

Леха. Ага. В том. Возражаю правильно: работай — не работай, мир стоит. Душа там — не душа, стоит. А от приборов только хуже стало.

Зи-Зи. В этом вы правы. Цивилизация губит. Технократия мира мало что дала этому миру. В глобальном смысле.

Кир. Ну и что, что мне 30? Я этим летом в институт пойду. Меня приборы волнуют. Я всю жизнь сам их мастырил, теперь по науке хочу знать: что к чему. Пойду, решил. Что тут зябнуть? Я не птица. Это вот Лехе все нипочем. А я пойду. Душа — не душа, без техники сейчас никуда.

Зина. Да ты третью машину запарол, техника. Ладно, молчу, не обижайся. Я сама скоро учиться пойду.

Леха. Машину водить?

Зина. Щас. Я на курсы медсестер пойду. Укольчики и так ставлю, а так — другой заработок выйдет. И тогда — сплошные третьи сутки.

Зи-Зи. Человек не выдерживает избытка положительных эмоций.

Зина. Я сильная, выдержу.

Леха. Вот так, без приборов. Гляжу я на вас и думаю: каждый — сам по себе, и зачем мы здесь? По Зи-Зи, выходит так и надо, Кир — он приборная душа, а я — я просто душа. Для меня что важно? Что чувствую.

Зина. Ох, чувствую я, что тебе тоже хватит. Патриот.

Зи-Зи. В каком смысле?

Зина. А самого себя, патриот, душу сильно свою уважает. Эх, моя молодость, да, слава богу, все еще при мне. Еще тряхнем, еще ждут третьи сутки — много третьих суток.

Кир. А как рабочие сутки называются, ну, когда ты в больнице?

Зина. Нулевые. Нет у них цифры, нет стакана, я сама в них — полный круглый ноль. Но без нуля куда же? Никуда. Вот и понимай, как важно, что я есть.

Зи-Зи. Ноль, бесконечность, или, напротив, предел — увлекательные все вещи, даже захватывающие. Пришел сюда увидеть, пообщаться, послушать, а получается...

Леха. И что получается?

Зи-Зи. Форменное безобразие. Без вас и жить-то трудно. Так и хочется сложность некоторых гипотез на обычном человеке проверить. И работают ведь!

Кир. Кто?

Зи-Зи. Да гипотезы, они, голубчик, работают.

Кир. Они — как мой прибор, вечный двигатель. Выучусь, сделаю по науке, а то все разваливаются; хотя, нет, один шурупит до сих пор. А состоит-то — ну, прямо пятый класс школы: вода, проволока медная, колба. Еще кое-что. Ну какая реакция — красота! Так жажнуло, что соседка все орала, что милицию вызовет, знает, мол, чем я там занимаюсь. Чего они понимают! Это — опыт. Простой, а сколько в нем смысла.

Зина. Зачем он тебе?

Кир. Зачем — это знать невозможно. Как вот Леха к звездам да к полетам тянется, так и я жизнь хочу увидеть в железе.

Леха. А, может, я и полечу. Вот подумаю-подумаю и махну. Черт тут со всем, надоело. Лететь хочу, парить.

Зина. Ну, понесло. Ты, Лех, сколько тебя помню, все норовишь от жизни оторваться. Чего она тебе не задалась, эта жизнь? И жена, и дети, и дом, и теща, и мотоцикл. С дачи так и тащите летом-осенью мешками, а все мало. Небо ему давай. Да что ты с ним делать-то будешь, с небом? Куда денешься? Твоя Маруська все пороги всех роддомов обойдет-оббежит.

Зи-Зи. Позвольте, причем тут роддома?

Зина. Я образно, фигурально, или как там еще? Я ведь после третьего стакана — поэт. Я и стихов много знаю, да и сама пописываю.

Кир. Я, я... У человека наболело, можно сказать, а ты со стихами. Лететь ему хочется.

Зина. Так и я просто. Я когда со стихами, вся прямо лечу. Вот слушайте.

Когда из бездны вырастет
Глухой, хромой, но мой двойник,
Я вмиг в болото убегаю,
К нему я так и не привык.

Зи-Зи. Милочка, это не поэзия, это — болото. Поэзия — это нечто таинственное, сродни полету Леша, или прибору Кирилла. Самое загадочное и непостижимое — это поэзия. Потому что ничего не понятно.

Зина. Да знаю. Это я чтоб попутать. У меня и другое есть.

Прозрачная струя любви,
Испить тебя я не посмею
Прошу, не надо, не кори,
Смотрю, шепчу и враз слабею.

Зи-Зи. Ну, не знаю, не то. Это старообразность — «враз». Почему? Почему не сказать «вмиг», например? Не дошло, знаете, слабо.

Зина. Заладил: «знаете ли», «позвольте». Чего знать? А сами вы чего? Нет, вы, вы? Учите тут, ходите.

Зи-Зи. Я сию покамест.

Зина. Вот и сидите. Профессор кислых щей, хоть веревочки пришей. Гляньте, из-под брюк еще штаны торчат, а под рукавами тесемочки. У нас в больнице похожие дают. Вы случаем не оттуда их сперли? Ой-ой, не смотрите, не надо, аж страшно стало. Да что вы, кто вы такой? Одна фанаберия, Шопенгауэр дохлый. Сам как клоп красный, да и вонючий к

тому же. Закройте, закройте рот, господин Чучело! Ботинки хоть, слава богу, одинаковы, а носки всю дорогу таскает почему зря разные. Маменькин сынок. Да это ты неудачник, а я работаю. Просто так трое суток отдыхать у нас не дают, значит, хорошо работаю, правильно. Могу и выпить. А ты что? Нечего руками трясти, уставился. Что ты,мышь болотная, в жизни сделал? Родил кого, воспитал, нянчил? А? Мамашу толстопузую из сугроба вынимал, да авоски с бананами таскаешь на ее пенсию. Вот ты кто. Беспольный человек. Шопенгауэр, одним словом. У них вот хоть мечта, а ты? Жмурик. Так и хочется наподдать тебе.

Зи-Зи. Типичная реакция пролетария на представителя интеллигенции. Вы закончили ваш спич?

Зина. Спичек у меня нет, не курящая. А выпить — могу.

Леха. Вот так всегда, не дают отдохнуть нормально. Доза не ее — сразу фордыбачится. Не плачь, ну чего ты? На конфету на палочке.

Кир. Смейся, паяц. Колесо — оно не всегда круглое.

Зи-Зи. Даже Земля не вполне круглая. Круглым может быть только дурак. И вот он, перед вами. Дама права. Мама, авоськи, соленое не ешь — отбой в одиннадцать. Что после этого должно последовать? Правильно: ре-ак-ция. И вот она перед вами, на этой лужайке. Я и пью-то, чтоб скорее заснуть в эти свои одиннадцать ноль-ноль. Не думать, хоп — и упасть, и провалиться. И, как Леше, лететь, а воспарил, все думать о совершенных летательных аппаратах. Словом, разные такие начала, как Леха и Кир, сошлись и во мне. Но — не регулярно, а как-то вытесняя одно другое, таясь и спотыкаясь. Книжки, аспирантуры, дипломы — и... пустота. Знания — как елочные украшения на елке, висят, светятся, позванивают. Но елка не вечна, ее держат-то недели две, не больше. Так и со мной. Отправляют в утиль за ненадобностью.

Леха. Не печалься, профессор. Ты, кстати, почему Зи-Зи?

Зи-Зи. Мамаша так называет, ласкательно.

Зина. Мамаша, ха! Понятно. Она и сгубила.

Кир. Успокойся, Зю-Зя, не плачь.

Зи-Зи. Я не Зю-Зя, я плачу, да, но вам не понять. Мамочка для меня все. Я бы не стал кандидатом, доцентом.

Зина. Так ты не профессор?

Леха. Выходит, заливаешь?

Кир. Да успокойтесь вы, чего разгуделись? Какая разница, профессор он или нет? Что вообще меняется от того, кто есть кто. Мы здесь, на лужке, все равны. Вот что главное. Вытирай свои сопли, Зю-Ня и выпей еще, вот тут капелька осталась.

Зи-Зи. Да, благодарю, это сейчас кстати. А главное, скажу я вам, не лужок, а что сидим мы здесь с вами и ничего, ну, равным счетом ничего не происходит.

Зина. Ладно, я не злая, давай помиримся. Ну, чокнулись.

Зи-Зи. Благодарствую. Но я сказал сущую правду: не происходит. А должно.

Зина. Типун тебе...

Зи-Зи. Да не в этом смысле, не катастрофа какая-нибудь, а событие иного порядка.

Леха. Хорошо ты все-таки лепишь: иного порядка. Хрен поймешь.

Кир. А это, он, черт дери, увлекает. Что-то в тебе есть, Зю-му-зя. Это хорошо, что ты ожил. Давай, валяй дальше.

Зи-Зи. Видите ли, всякое существование, любая судьба требует или создает событие. Какую-то драму. Между собой и окружающим; у нас вот — друг с другом. Но — содержит, поймите. Иначе — нет развития. Внутреннего развития и жизни каждого, и вообще — нашей общей ситуации. У меня есть некое подозрение, что, к примеру, Леха и Зина — отнюдь не разрозненные субъекты, а неровно друг к другу

дышащие особи. Но как же это камуфлируется, в какую чудовищную форму! Да и ты, Кирилл, ходишь со своей невыразимой идеей, и это-то и составляет суть твоей драмы. Осознаешь ты это или нет.

Друзья, позвольте мне называть вас так...

Кир. Стоп. Я не согласен. Ни про драму, ни про... ни про что. Вот. У меня все хорошо. А будет еще лучше.

Зи-Зи. Заблуждаетесь, голубчик. Видите, вон, там, в небесной сини, нечто движущееся? Это — к нам. Уверяю вас.

Леха. За мной, точно. Услыхали, что рвусь туда, вот и прибывают.

Зи-Зи. Трудно сказать, что за ним, но что к нам — это уж точно. Вы присядьте, и Зина, да вы не бойтесь, вы тоже пригнитесь. Да, вот так, ниже, пожалуйста. Будет ужасно глупо, если это случится именно сейчас. Нет, Алексей, Кирилл, можете не затыкать уши, вы ничего почти не услышите, легкий звук, толчок, появление.

Кир. Ты что, доцент? Какое появление? Ты в своем уме? Вишь, как раскудахтался. Да знаешь ли ты, что у меня свой аппарат наготове, вот-вот полетит. Ты не смотри, что выпиваю, я жду своего часа. Может, я таюсь, не все же вам знать. Слушай, а правда, чего это приближается? Да какое красивое, легкое! Что значит красота! С ней всегда легко, так бы и полетел. Ах, ну и летит, здорово!

Зина. Зизенька, мне страшно, что это, наказание? Я больше не буду, не надо мне событий, мне их и так хватает, сделай что-нибудь, отпугни их. Я вот словцо отворотное знала, господи, забыла, ах, как же это? По телевизору говорили, когда этого, ламу, показывали. Чего-то там такое: о модаре, дударе, ой, забыла. Помнила же. Такое не нашенское и запоминается быстро. ...дудари, туриза. Надо еще четки перебирать. Вот, бусы, может, сойдет. Господи, туриза. Что— то летит, неужели к нам? Зюзюля, по-профессорски давай, скажи, успокой, отпугни.

Зи-Зи. Вы читали, Зина, «Пигмалион»?

Зина. Пигалица ты, а не пигмалион. При чем здесь это?

Зи-Зи. Я — о речи. У вас неосознаваемая вами логика последовательности, выраженная в усилении ряда глаголов. Они — словно взбираются на пик, идут по возрастающей. Врожденное чувство языка.

Леха. Ты, доцент, меня утомил. Не приставай к женщине.

Зи-Зи. Вы ответили на мои вопросы, у вас почти любовь.

Леха. К Зинке что ли? Да я ее сто лет знаю.

Зи-Зи. Вот именно. Не думаю, что это — фактор отрицательный.

Кир. Слушайте, помолчите, зависло, стоит, не двигается... Зин, что с тобой? Вы, петухи, Зинке плохо. Леха!

Леха. Зин, Зина, очнись, ну, открой глаза, да куда ты уплываешь, это мы. Я, ты — здесь, на лужке, не бойся, открой глаза. Профессор, Сигизмундович, что делать-то? Зинке плохо!

Зи-Зи. Минуточку, отойдите. Почти коллапс. Зрочки... Да, плохо дело. Дышите, Алексей, вот так, а я нажимать буду, откачаем. Давайте на счет: и-раз, и-два... Еще, еще. Дышит? Нет. Батюшки, ну, ничего, сейчас. Кирилл, воду, дайте мокрое. Сюда кладите, на лоб. Ничего. А эти и правда зависли. Граждане, пришельцы, помогите, вы же видите, плохо. Присим помощь, SOS. Шелохнулось.

Леха. Нажимай, Зи-Зи, жми, не до слов. Зина, Зин, ну, давай, смотри, ну деточка...

Кир. Совсем белая, не дышит. Зюзя, жми, правда, я им вот полотенцем помашу. Может, кто вылезет?

Зи-Зи. Надо за скорой помощью побежать, Кир, голубчик, вам выпадает, поторопитесь. Да, и скажите... Нет, про алкоголь — не слова, слышите, скажи-

те про сердце, обморок, коллапс, серьезное, а то не придут. Лужок ведь. SOS, граждане, прямо SOS. Алексей, обождите дышать, бесполезно, водой надо, водой. Посмотрите, вроде застыло все, там, наверху, зависло и все. Парадокс жизни: молодая, сильная, а так испугалась какого-то там предмета. Вот что значит неожиданность. Кирилл нет, что долго так? В магазине не разрешили, вероятно, позвонить?

Леха. Очнись, Зина. Что делать-то? Может, мне побежать? Зи-Зи, смотрите, сюда, вон, видите? А-а-а, нет, нет, а-а-а-а...

Кир. Леха, беги, жми давай, боже мой, на нас, прямо на нас прут, что делать? Беги, Леха, мы сами. Ох-хо-хо-ой-ой, Зю-зенька, мы пропали.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же лужайка. На ней двое — Сигизмундович и Кирилл. Непривычного много: планшеты, бумага, тренога, фотоаппарат, какие-то штативы. Все это стоит, лежит и герои канителются со всем этим хозяйством.

Зи-Зи. Странная штука, но все сходится. Парадокс воплощенный. Вы посмотрите, Кирилл, нет, вы гляньте.

Кир. Доцент, профессор, не дыши, умоляю, замри. Сейчас сниму, щелкну, поддержи треногу. Угол, угол держи, да не наклоняй ты, оставь свои бумажки.

Зи-Зи. Ничего себе бумажки, здесь расчетов на монографию достанет. Здесь — трое суток — и вся жизнь. Держу. Хотя руки почти не слушаются, ведь почти не спал. Готово? Теперь мне, голубчик, подсоби. Вот этот многометровый измеритель держите здесь. Вот именно, та самая точка. Заметьте, именно отсюда, с нее все и началось. Есть, есть эти знаменитые геоэнергетические зоны, все не просто так.

Кир. Зюня, ну что происходит, почему до сих пор, после того, с Зинкой, их нет? Ну нет, хоть тресни.

Может, и не будет, а мы тут с ног сбились, считаем, снимаем. Пару раз мелькнуло еще, и все. Тебя мысль не посещала одна? Меня посещала. Догадайся.

Зи-Зи. Да, что общее подпитие привело к коллективной галлюцинации. Верно, случаи подобные описаны, дело известное. Но, позвольте, голубчик, два фактора опровергают наше недоверие. Во-первых, траву эту мы с вами не жгли, да и не было здесь никого, кроме нас, да еще Алеши. Кстати, что-то он задерживается. Второй фактор — мои расчеты. Ошибки быть не может.

Кир. Да уж, вижу, вроде держали эти дни тверезые. Неужели не появятся, а?

Зи-Зи. Ни одну гипотезу сомнения не подпитывают. Это — трансцендентные вещи.

Кир. Не понял.

Зи-Зи. Неважно, не засоряйте ваш девственный ум, он вам еще пригодится. Вы сколько наснимали! Это ж все обработать, проанализировать надо. Алексей, однако, не идет.

Кир. Застрял там, да ему еще совсем тошно: и Зина, и ногу еле волочит, все одно к одному. Как думаешь, профессор, серьезно это у них? Я и не думал, что так серьезно. У него же целая ватага проблем. Что будет?

Зи-Зи. Главное — будет жизнь, это основное. А что до них, ну что ж, посмотрим, хотя я, признаться, за кардинальные решения.

Кир. По тебе не скажешь. Сам-то что — не женат?

Зи-Зи. Почему не женат, у меня растет дочь, красавица, умница, но она со своей матерью не здесь, далеко они. А я дом здесь бросить не мог, у меня мать болеет. Эти три дня, я их ждал, я знал, что придет мой час.

Кир. Час может и пришел, да что мы имеем? Ты сам веришь, что вернутся?

Зи-Зи. Видите ли, вся логика этого события говорит как раз о том, что непременно вернутся.

Кир. Дождь вот собирается.

Зи-Зи. Вы устали, понятно, но суть в том, что событие не исчерпано, что оно зависло как бы на полуслове. Посему требуется развитие и — как итог — завершение.

Кир. Чего развитие, Зинкиной болезни?

Зи-Зи. Развитие этой коллизии. Она проста до противного. Вдумайтесь. Здесь все ясно. Они — вернутся.

Кир. Леха, Леха, да не спеши, мы же никуда, мы на посту, ждем. Говори, да сядь ты, вытяни ногу.

Зи-Зи. Друг мой, спокойно. Да-да, хочу напомнить: в момент рождения человека вместе с ним рождается его трагедия. Мы сейчас во власти этого, каждый из нас. И вы, Алексей, не исключение. Вот нога, да что нога, Зина, я же давно замечал... ладно, ладно, не буду. Ждем информацию.

Леха. Небо какое светлое.

Кир. Да, все по-прежнему, ни души на нем, ...ни аппарата. Или что там прилетало, висело?

Зи-Зи. Да, и двигалось, и, надо полагать, выбиралась оптимальная точка. Алексей, вы хоть осознаете, что мы пережили, что произошло? Да, голубчик, вы, быть может, более других осознаете. Но как это происшествие выявило потаенное в каждом из нас. Вы расслабьтесь, расскажите, что, говорит хоть?

Леха. Руку гладила. Спросила, какие сегодня сутки. Говорю — третьи. А она — про свое. Как засмеется. «Мои», — говорит. Я тут только понял. Говорю, много их у тебя еще будет. Больше ничего не сказала, молчит. Как подменили. О грехе, небось, думает. Дети, хозяйство. Да я и так воз этот двенадцать лет везу. Хватит. Только бы оклемалась.

Кир. Ты сказал, что в рот — ни капли, сказал? Что дежуришь тут третьи сутки?

Зи-Зи. Вот Корбюзье строил свои странные дома, на тонких ножках. И в Москве есть такой. Мы все сей-

час на таких ножках, а до фундамента совсем не-много, до основания.

Леха. Все смотрела, смотрела, и — заплакала...

Кир. Значит, все хорошо. Верная примета. Чуешь, Кар-зье.

Зи-Зи. Корбюзье. Красивая фамилия. А погиб так не-лепо: утонул в восемьдесят с лишним лет. Воистину не знаешь, где вылезет эта твоя трагедия? Но хоть дождались — и то слава богу.

Кир. Чего ты ее все накликаешь?

Зи-Зи. Смешные люди. Есть же известные законы раз-вития, в том числе, трансцендентные. За трагедией непременно последует катарсис. Об этом знать не-обязательно, но предчувствовать это можно.

Леха. Вот я и чувствую. Хана мне. Вместе с твоим катарсисом, Зи-Зюля.

Зи-Зи. Такая хана — это радость, Леша. Человек по-гибает вне этого. Душа, она всегда ждет и жаждет потрясений.

Леха. Небо сегодня...

Кир. Лех, посмотри, чего я наснимал. Ночью проявил сегодня. У меня не дом — а плавучая лаборатория.

Зи-Зи. Почему плавучая?

Кир. Заливают, гады. А мне не до споров. Я все про-являю, чуть ли не вплавь. У меня ж первый этаж, вот в галошах и живу, благо, только на меня льют, а вниз уже не страшно. Так вот что удивительно. На небе также пусто было, а проявил — гляди.

Зи-Зи. Типичный эффект засвечивания, с точностью до наоборот: проявляется невидимое глазу.

Леха. Не было бы этих, ну, на небе, и с Зинкой ничего бы не приключилось, может, и не было ничего, мо-жет, это мы, ну, того, спьяну? Всем и привиделось?

Кир. Ага, одно и то же. А потом пришли вусмерть пьяные, да траву спалили. Для пушей убедительно-сти. Профессор вот протестует, говорит, факты име-ются.

Зи-Зи. Я к этому событию всю жизнь подбирался, го-товился, можно сказать. Оно меня даже врасплох не застало. За двое суток я подсчитал, что мы, то есть, лужок — не просто зона энергетическая, осо-бая, она очень напоминает известное место в Анг-лии, где произошло нечто подобное. Здесь же был вызов на некий контакт, определенное предложение, что подтвердилось всякими вибрациями, вполне читаемыми движениями повисшего над нами агре-гата. Он вел с нами диалог, я почти убежден в этом. И исчез только по причине осознания вины, какой-то неразберихи внутри нас. Он вернется, а сейчас дает шанс, возможность прийти в себя, что-то ос-мотреть; может быть, даже принять какие-то реше-ния. В этом общении есть определенная линия, вот посмотрите, она будет развиваться.

Леха. Решение, конечно, оно... в общем никуда не деть-ся, думать, однако, надо. Время, оно, все больше впе-ред, а не назад летит. Старшему моему двенадцать уже. И чего я тогда, в десятом классе обозлился? Женился, дурак. Сейчас бы могли... Ладно, чего уж там, время... Эх, Зинка, тоже глупая была, форсу было — да и осталось — будь здоров.

Кир. Форс-мажор — вот что у нас. А мне только этого и не хватало. Домашние-то мои летательные лошад-ки все ждут-пождут, только чего вот? А тут что-то прямо пробудилось, два дня мастерил, заканчивал, что полгода уже покоя не давало, никак в схему не вмещалось. А тут — на тебе, как прорвало. Считай, третьи сутки не сплю. Выходит, Зинкины «третьи» и для меня счастливые. Ну да, третьи. Первые — здесь дежурил, потом доцент сменил...

Зи-Зи. Тихо. Смотрите. Вот! Вот оно, я знал. Лужи-тесь.

Леха. Что? Где?

Кир. Ложись, вон, тихо, ужас, видишь, нет, не смот-ри, страшно аж...

Леха. Вот это да!

Зи-Зи. Вниз, все вниз, лежать, не шевелиться. Молчите, Кир, слышишь, ты молчишь?

Леха. Молчим, молчим. Ты сам-то молчи.

Кир. Дальше что? Что там видишь? Я поползу, я, пожалуй, поползу за фотоаппаратом. Не трожь, доцент, я сам. Да отстань ты, тебе говорят. Я должен, я не могу не щелкнуть. Поползу. Глянь, начинают двигаться, и там что-то происходит. Ну, дают.

Зи-Зи. Вы не представляете опасности, надо выждать, надо понять намерение, выждать. Не ползи, Кирюша, ты не понимаешь, есть и печальная статистика. Наблюдай, замри.

Леха. Больше всех болтаешь. А что мне терять? Эй, вы? Ну, дают, здороваются что ли?

Зи-Зи. Будешь, будешь? Сказал, лежи.

Леха. Больно, ты что! С ума сошел? Кир, ой, ты что, ой!

Кир. Да вы что, рехнулись? Да я-то при чем? Ну, вы и весите, крику-то, да всех распугали, да перестаньте драться. Ах, так, ну я тебе сейчас, ну, я тебя сейчас отделаю, старый хрыч. Убью, гад, достал. Я давно хочу тебе врезать: болтает, вещает, кликуша. Все обрешил: событие произойти... Двину щас, ох, двину... Получай. Больше всех достал. Тут возишься, мучаешься, а он — все знает, все. Гад. Знает. Чего ты знаешь, лапша резаная?

Леха. Кир, полегче, я ему сам врежу, я помню: «пролетарий»! А ты, Хоттабыч, все байками кормишь. Тебя, небось, еще в школе драли, потом жена кинула, не стерпела, теперь мамашу обхаживает. Прок от тебя какой на земле? Думаешь, все по философии в жизни получается? Врешь. Не нужен ты никому, вот к нам и лезешь, и тянешься, Шопенгауэр. Я, если хочешь знать, читал его книжку одну, про житейскую мудрость. Так вот, там говорится, что человека больше всего учит кража. Ну, когда у него украдут чего. Все мы тут — ученые, всех пообокрала. А тебя больше всех, хоть плачь, хоть не плачь.

Кир. Молчи, тихо, вон, вон, видишь? Да куда ты смотришь, правее бери, на подзорную, наводи, да осторожнее ты. Ну, поймал. Сейчас щелкну, сейчас готово. Вон, повисло, зависло. Лех, ты смотри, какая радость, что делается?! Стоит! Ой, даже жарко стало. Подползай, Корбюзье, становись на свои ножки, толку-то от тебя — ноль. Ну, вот, треногу что ли поддержи хоть. Лех, у меня так голову стянуло, у тебя не болит? Вон, у профессора спроси, не хочешь?

Леха. У меня своя голова. Небо-то, небо — жуть.

Зи-Зи. Пока вы тут меня костерили, кое-что пропустили.

Кир. Где? Покажи, да куда ты уставился? На тебя я и смотреть-то не хочу. Вечно одно: зачем вам это, Кирилл, дорогой, вам учиться надо. На Руси всегда одно и то же было: от Ломоносова до...

Зи-Зи. Вот именно «до». Ваш Ломоносов лапти-то скинул и в Германии учиться изволил. А вы все думаете, с этими палками-трубами к истинной науке приблизиться? Правы в одном только: инерция на Руси действительно всегда крепка была. И отношение к учености у таких, как вы, по сей день сохранилось. Не такие бы ключники и при науке, не мы бы лекарства по всему миру закупали, а к нам бежали бы, как за ракетами. Хорошо, хоть там советчиков поменьше. Вы, такие, как вы — не достижение общества, а его тормоз. Кустарные недоумки, одиночки-пескари. Но и это не все. Главное — не руки даже, а пустая ваша голова. Отсутствие философии, обоснования. Изобрести-то можете, а идеей насытить — фига!

Леха. Так ты и слова современные знаешь! Небось, в очереди за бутылкой слышал?

Зи-Зи. Вся история человечества в какой-то решающий момент (хоть война, хоть землетрясение) это непременно раскол, распри. Без них российский человек — никуда. Отчего глубоких философов и не было сроду в России: характер, ментальность тако-

вы. Гениальные прозрения, догадки, но природная импульсивность мешает вложить все это в прокрустово ложе последовательно развивающейся идеи — мировоззрения.

Кстати, плохо следите за точкой. Требуется истолкование ее действий. А они есть, язык есть.

Кир. Длинный больно у тебя язык.

Зи-Зи. Да, смотрите, с нами пыгаются говорить. Движения, импульсы света — это правда язык.

Леха. Может, поближе пойдём?

Кир. Стой, Леха, с твоей ногой сейчас только туда соваться.

Леха. Да не держи ты меня, небо — общее.

Зи-Зи. Это вы, голубчик, заблуждаетесь. Общее. Каждому — свое. Вы вот о душе все печетесь, а грешник — тот еще. Это вам кажется, просто так легче, что я вам — поперек горла. Слабый всегда отыщет виновного. Напрасно рветесь, повремените, Кир. Задержите его. И вообще, хватит ругаться... зачем? Лучше и правда, о душе подумайте, если она у вас имеется.

Кир. Ладно, Леха, не до распрей. Ну и упрямый же ты, черт. Совсем с ума сдвинулся с любовью своей новой.

Леха. Новой? Да я однолюб. У меня только она и есть в жизни.

Кир. Х-ха, ясенько, а детишки твои без твоего участия появились?

Зи-Зи. Опять вы в ссору! Все бесполезно. Ничего с вами не сделать, не обрешить. Дайте сюда вашу трубу, Коперники драные.

Кир. Профессор, как чудно выражаетесь!

Зи-Зи. Одно только пикирование. Никакого продвижения. Следует, вероятно, позвонить, чтоб приехали из компетентных органов.

Кир. Точно, язык у них свой: услышали и заметались

как-то. Ну, чудно. Не хотят, стало быть, органов. Кто их хочет? Даже пришельцы боятся.

Леха. Идите, звоните, я посторожу, пообщаюсь. Успокою, чтоб не боялись. Чего там, надо, пусть заснут, еще в газеты попадем. Зи-Зи, ты недолго, а то улетят. Вдруг кто выйдет оттуда, что я скажу? Неужели Зизька прав, и они все понимают? Вон, опять закивали, помахивают что ли? Я, кажется... нет, это я, да что это я? Нет, правда, говорит кто-то. Никого. Эй, але, кто здесь? Я же ничего, сижу просто, не снимаю вас, и нога у меня болит, вот, подвернул, когда Зинку на руках нес. Да где вы, кто тут? Надо же. Зябко даже. А говорят, вы траву пожгли. Чего ж холодно-то? Господи, скорей бы эти возвращались... А вообще, нет, я и не боюсь, я, может, всегда хотел туда прогуляться, да как только? Может, попробовать? Разморгались. Иду, я иду, быстрее — никак. Нога ведь. Не видать наших. Ха-ха, земных, значит. Чего я делаю-то? А, все едино: дети, годы, Зинка... Что изменишь? Ребята, обождите, я сейчас, не улетайте, я здесь, я лечу, я сейчас. Даже хочется очень. Все равно никто не видит. Подумают, ушел. Кто его знает, может, это — судьба, другого случая не будет? Вы меня назад-то вернете? Хотя ежели надо, ежели на науку, во имя неба и мечты — ладно, можно и махнуть. Все, даже полегчало. Привет, алкоголики!

На пустую поляну возвращаются Зи-Зи и Кир.

Зи-зи. Управились. Скоро будут. Сенсация... Потрясающе. Леша, Лешенька...

Кир. И правда нет... Леха!

Зи-зи. Однако, не только его. Гляньте, пожалуста, прошу Вас.

Кир. Чудеса. Иди сюда, Зю-зя, иди скорей, что творится, вмятина какая здесь. Это... это что же выходит? Они что, садились, на землю садились? Стоп!

Лешкина палка вот... батюшки... Леха! Ле-ха!.. Понятно... Неужели?.. Так.

Зи-зи. Вот именно. Палка и впрямь его. Воистину чудеса.

Кир. Ты что... вы правда думаете, что Леха... он мог... туда? Да нет, бросьте... где моя труба? Нет, кажется, нет. Куда, куда они делись, сейчас народу набегит?

Зи-зи. Вся наша хилая аппаратура сейчас бессмысленна, не работает. И это уже отнюдь не чудеса.

Кир. Вы... ты всерьез думаешь... Нет, ты серьезно? Я — сейчас.

Зи-зи. Вот именно. Вот вам и вероятностей предел. Один — в лес, то есть, в небо, другой — по дрова то есть, сообщество Кулибиных, третья — вообще отпала, ...а я-то, я сам? Эх, голубчики... Вот ведь... трети сутки.

Кир. Все, профессор, хана, наливай. На трезвую голову тут не разобраться. Вот, наливай... Так-то лучше... а теперь... теперь... заливай, буду слушать. Ну, дела... Ну, кошмар. Ужас какой-то... Набегут ведь, хоть отдышаться.

Зи-зи. А чего говорить? Все ясно. Мне, по крайней мере, ясно. Известный эффект массовой аберрации сознания, помноженный, вернее, спровоцированный выраженным Лешкиным желанием. Все сошлось.

Кир. Профессор, а... а он... вернется?

Зи-зи. Вы ведь почти человек науки. Неужели вы не улавливаете отчетливый смысл происшедшего? Ирреальное начало вторглось в действительность, но так ли уж оно сомнительно? Лехи — нет, следы ... как бы это сказать... отъезда очевидны. Радоваться надо.

Кир. Рехнулся, доцент. А если он... если навсегда?

Зи-зи. Сюр. Сюр-ре-ализм. Он — повсюду. Информация и интеллект опровергают невероятное.

Кир. Ты одно скажи: он сам, или его... насильно.

Зи-зи. Все это — байки о насильственном похищении. Даже Леха снабжен волей и интеллектом. Именно они сработали, определили исход.

Кир. Налей еще. Нет, Зи-зи, не верю. Ты сам-то... веришь? А вдруг он где-то затаился и наблюдает, ждет приезда корреспондентов?

Зи-зи. Может, и наблюдает. Но только не из-за кустов. Печально, однако. Хотя именно печаль утоляет жажду.

Кир. Жажду утоляет жидкость — это... как божий день.

Зи-зи. Вы, Кирилл, реалист. А в науке, которой вы так настойчиво посвящаете жизнь, часто многое идет от иносказательного...

Кир. Из сказок что ли?

Зи-зи. Отчасти и оттуда. А вообще — эмпирика, недосказанность, предчувствия — порой именно эти эфемерные вещи определяют самый что ни есть расчет.

Кир. Сочиняешь.

Зи-зи. Констатирую.

Кир. Все, хана, рехнулся. Смотри, Леха... Ле...

Зи-зи. Как, вы откуда, голубчик, да с такой объемной авоськой. Содержимое-то... Впечатляет. Вы как, прямо с неба-с?

Леха. Да-а.

Кир. Леха, нет, это правда ты? Ты где был?

Леха. Пиво пил. Я, знаешь, где был! А — вы все тут сидите. Как и не уходил.

Зи-зи. Так откройте секрет, откуда вы? Довелось ли вам... попутешествовать?

Леха. Вот именно.

Кир. Ты живой? Ты в порядке? Что ты видел?

Леха. Насмешил. Вас, одних вас вот и видел.

Зи-зи. Это у вас аберрация сознания.

Кир. Да двоится у него и все.

Леха. Не знаю... Не видел. Я очень близко видел небо.

Кир. Да не темни ты. Даже спрашивать боязно... Ты... это... с ними, ну, был, да?

Леха. О ком вы — не знаю, но где-то и с кем-то я, кажется, был.

Зи-Зи. И не надо, не признавайтесь. Как хорошо, что появилась в вас некая загадочность. Она кое-что проясняет.

Кир. Что загадка, можно объяснить, скажите мне.

Зи-Зи. Ну, хотя бы... Да бросьте, что я тут вам все разъяснить пытаюсь. Все равно — без толку, опять накинетесь. Располагайтесь, голубчик, вот, сами видите, как, сколько. А где вы такое количество заимели?

Леха. Так... нашел, можно сказать.

Кир. Чудеса. Ты, Леха, и вправду какой-то не такой. Ты ничего, не простыл? Голова как, нормально?

Леха. Да что ты все о бренном! Есть вещи поважней.

Зи-Зи. Вот-вот, и слог совсем иной, и тон. Как будто за три часа Алексей мгновенным экстерном освоил Кембридж. Голубчик, у меня вопрос имеется. Что, по-вашему, экзистенция?

Леха. Я, профессор, и впрямь не из Англии. Однако существо вопроса понял. Внял. Жизненная суть в какой-то событийной протяженности...

Кир. Кха-кха... Ой, аж подавился. Стряслось, точно стряслось. Леха, ты от Земли отчаливал, скажи, летал?

Леха. Риторический вопрос. Когда? Если в прошлом — да, вполне возможно. Здесь и сейчас — так я сейчас с вами.

Зи-Зи. Если бы не обилие стеклянной тары, я бы решил, что вы приземлились вот только что из неведомых миров.

Леха. Недалеки, однако, от истины. Другие миры — это — почти что — мы с вами.

Кир. Нет. Ты где взял бутылки, это ты помнишь?

Леха. Ах, эта мелочь. Пусть тебя не волнует. Был, взял... В сущности, пустое.

Кир. Леха, ты ляг, успокойся. Хочешь, вместе к Зинке пойдем? А почему ты не хромаешь, у тебя же нога болела?

Зи-Зи. Я предполагаю...

Леха. А палку-то я оставил, забыл, вот теперь и не хромаю.

Кир. Подумал было заболеть, да вот вспомнил, что лекарство все равно не на что купить, так и плюнул, не стал болеть.

Зи-Зи. Написал докторскую, да тоже вот понял, что не дадут защититься, так и не стал в это соваться. Поэтому я профессор только отчасти — по должности. Обещают дать и звание по совокупности работ. У меня их с полсотни. Хотя что я об этом, вам не до этого. Матушка этого хотела всегда больше меня.

Леха. Хорошо, что мечты иногда исполняются. Думаешь, что счастье есть и вправду. Вот ведь какой подарок судьбы: увидеть небо. Вы все о конкретном, о пошлости...

Кир. Ну, ты даешь... Профессор нынче пошлость?

Леха. Увидел. И вовсе не гобубое оно.

Кир. Ты его сверху или снизу видел, Лех? С тобой не все в порядке, это ясно. Небось, небожители тебя поопекали. На головушке это и сказалось.

Леха. Жаль только, Зина этой красоты не видела. Но это поправимо. Слетаем еще. Скорее бы вышла. Я теперь... Теперь я... Словом, Татьяне своей сказал, что ухожу, детей поделю.

Кир. Да когда ты успел?

Зи-Зи. А он не шутит. Сдается мне, Леша изменил траекторию полета. Своей жизни, разумеется.

Леха. Обвенчаемся. Так думаю.

Кир. Ну, брат, ты поехал. Или полетел. Вот куда толь-

ко! Да скажи ты, наконец, летал ты с этими, видел их, садился на корабль? Почему там яма, да и палка брошенная лежит? Докладывай.

Зи-Зи. Эх-эх, не по-кавалерийски тут нужно бы. Осторожно, словно слегка смахивая пыль.

Кир. Молчи, старик, надоели ваши ужимки, знать надо.

Леха. Летал. Летал, да где только? Тебе бы все о конкретном. Ты в глубоком творческом... ну, простое, только потому, что одни железки и можешь крутить. Нет в тебе полету-с, оторванности от действительности, погружения в ирреальное пространство, один прагматизм. Пространство — вещь непостижимая. Только эта нематериальность понимания движет всеми и расчетами, и помыслами, и... итогами.

Кир. Значит, был кореш, а теперь я — прагмат?

Леха. Вам не понять, вы не любили...

Зи-Зи. Ох-ха, ох-хо-хо, не могу, боже мой, какая витиеватость мысли, слова, откуда набрался, Лешенька? Да если на твой прикид внимательно посмотреть: чего стоит, к примеру, выдавшая виды тельняшка, кремленовый пиджак с галстуком на резинке, да в завершение — джинсы 56-го года.

Леха. Какого?

Кир. Он в 68-м только родился.

Зи-Зи. Неважно, они десять лет его поджидали до того.

Кир. Доцент, не заводись.

Зи-Зи. Вы заметили, когда вы в раздражении, я у вас — доцент. Стоит вам растеряться, или еще похуже... впрочем, не стану развивать эту идею.

Кир. Молчи, доцент, сам видишь, что с Лехой.

Зи-Зи. А что с Лехой? Может, подлинное его лицо и явилось нам? Из интроверта в экстраверты пожаловал?

Кир. Опять все по-новой. Надоели. Уйду я от вас, все брошу, сам соберу аппарат. Я и не такой отгрохал. Подумаешь, траву выжгли.

Зи-Зи. Вот именно, сами и управлять станете. Замечательно. Вообще как-то славно сделалось. Даже весело.

Кир. Чего это тебя разморило, завидуешь? Да, может, и я полечу...

Зи-Зи. Не могу... не могу остановиться, просто смехунчик напал. В экипаж возьмете? Ну, к примеру, вагоновожатым?

Леха. В небе хорошо. Зелено. Цветы, солнце.

Кир. Где цветы ты видел?

Леха. Подожди, может, и ты увидишь. Еще не все потеряно. О душе подумай, о светлом.

Кир. Господа хорошие, собираю свои цацки. Ухожу. Дайте мою авоську. Так, ну вас, надоели. Цветы он в небе видел. Совсем обсвистался.

Зи-Зи. Посмотрите, мои разъяренные собратья на тропу: кто там движется! Кажется, я понимаю, кто. Да, парабола — она и впрямь замкнутая.

Кир. Кто, кто... Зинка идет.

Леха. А я без цветов.

Зи-Зи. Леша, ты сам подарок. Что это я на «ты»? Извините. Ситуация сподвинула.

Леха. Я знал, я почти догадывался, думал, вот, скоро, сейчас...

Зина. Понимаю. Да вы сидите, сидите, Кирилл, что вы... что вы повскакали?

Кир. Я и сижу. Давно. Хотел только...

Зина. Успеете.

Зи-Зи. Сплошные загадки. Ну ничего, разгадаем... Зиночка, вы присаживайтесь...

Зина. Да не беспокойтесь, я... Лешенька, ты... Вот, видишь, цветы мне подарили. Сказали на прощанье: ладно, раз вы досрочно — вот вам, как самому спокойному пациенту. А что, я и верно без хлопот: тихо себе лежала, да думала.

Леха. Вот и хорошо.

Зи-Зи. Что же, милая сударыня, вы надумали? Или это — не для нашего слуха? Кстати, у нас еще осталось, вам как, ополоснуть, или вы на пару с Алексеем теперь завязали?

Зина. Можно и налить, а можно... Гляньте, нравятся цветы?

Кир. Чудеса, Зинка, ты вроде у нас не летала...

Зина. Отчего ж? Очень даже летала.

Леха. Я бутылки так, ради приветствия. У меня термос здесь, с травкой чаек, помнишь, как в школе разные травы собирали, сумками? Ты любила.

Зина. Я и сейчас уважаю. Уложу вечером младшеньких своих, братика, Настеньку, сестренку, и сижу, чаевничаю. Всегда сама укладываю их. Так люблю ухаживать, песенки... Мама руками все: ах, да ах, своих пора иметь бы уж. Верно говорит, пора. Да где их было взять? Теперь все по-другому будет. Спасибо, Лешенька.

Зи-Зи. Без вопросов. Эксгумация смысла, прорыв к собственной природе, скальпирование памяти. Граждане, я падаю ниц...

Кир. Падай, не падай, а Леха точно летал. Откуда иначе такое у них? Оба подвинулись: «не беспокойтесь», «спасибо»... И это — Зинка?!.. Вы часом там, где цветы и солнце, не встречались?

Леха. Ты пей, Зин. Печенье бери, не стесняйся. Это я все принес. Огромную сетку.

Кир. Дознаться только не можем, где взял такое количество.

Зи-Зи. Идет мужик по лесу с топором, навстречу ему — другой. «Ты где, — говорит, — топор взял?» — «Где взял, где взял... Купил!»

Леха. Раззадорились? Вопросов тьма? С ума Леша стронулся? То в конфликт лезете, то в бутылку, хотя у вас это — одно и то же.

Кир. А у вас, стало быть, уже все по-другому?

Зи-Зи. Не надо полемики. Вопросы, они, разумеется, есть, но не все так безнадежно. Скорее наоборот, проясняется.

Леха. Не спешите с приговорами. Не все-то вам и понятно, оттого-то смеетесь, то тушуетесь. Загадку не всегда стоит отгадывать. Разве для вас не было своеобразной прелестью оставлять это «чуть-чуть», эту недосказанность в вашем творчестве, расчетах, гипотезах? Спрыгнешь, соскользнешь с этого «чуть-чуть» — и — пропало...

Кир. Все-таки зря я не ушел.

Зина. В обидах душа черствеет.

Кир. Зина, как вы себя чувствуете? Я лично чувствую себя хреново, даже плохо. Нам с профессором не до смеха, хотя он тут и выступал. Ничего я не понимаю... а вообще... так-так... да... дурак, как я сразу не допер? Понял... Я сейчас, я скоро.

Зина. Плохо ему, будоражится, тоже пора жизнь устраивать. Гвозди, да кувалды — вот вся мебель. Гарнизонная жизнь какая-то. Не знаете, было ли что хорошего у него, что он так мается-то?

Леха. Не доучился, а голова хорошая, огро-мад-ная. Только слабая. Потому и сам слаб. Типичный русак. И в смысле всяких там этно, и — клана заячьего. Пашет, пашет, потом хоп, сорвется. Пьет, пьет, а в один день такого напридумывает.

Зи-Зи. Побегал... Интересно, угадаю? А вообще — дрянь. Дело-то — дрянь. Не смотрите, сам знаю.

Зина. Я в больнице все думала: вот придут, наступят третьи сутки, и все будет хорошо, по-новому будет. Уважаемый профессор, вы вот тоже вроде бы мечетесь. Успокойтесь, никуда Кирилл не денется.

Зи-Зи. Не согласен.

Леха. Что вы всполошились? Даже с... неба возвращаются, чего уж там Кир. Прибудет.

Зи-Зи. Вряд ли.

Зина. Господи, да что вы такое говорите, даже страшно.

Леха. Сейчас уже не догонишь. Да и можно ли было его останавливать: обида, подпитие, неразбериха. С жизнью своей неразбериха. Зашел к нему недавно, с порога едва не упал: одни ящики с инструментами, нагромождение металла, какие-то построения, ужас. Это все, что угодно, только не жилище... Зин, чего загрустила?

Зина. Предчувствие у меня.

Зи-Зи. И оно вас не обманывает.

Леха. Не пойму, куда клоните? Ну, ушел человек, можно сказать, убежал... Но я точно помню, он сказал что-то вроде «я скоро...» Кажется, так... Хотя... мне тоже кажется, что-то здесь не чисто.

Зи-Зи. Голубчик, беда в том... Позвольте, вы что, не поняли?

Зина. Договаривайте.

Зи-Зи. И так, думаю, ясно.

Зина. Не совсем... Он что, не вернется?

Леха. Кажется, Зина права. Что-то случилось, вы это хотели сказать?

Зи-Зи. Вот именно.

Зина. Что с ним стряслось, вы понимаете? Может, мы все придумали?

Леха. Три дня почти он просидел над своими железками. Уверовал в мой полет: жженая трава, глубокая в земле выемка, палка лежащая... А тут я... весь в белом и с бутылками. Он и раньше уже... Что-то сорвалось, заклинило в башке у него.

Зи-Зи. Мой прогноз печальнее. Он увидел прошлое и понял будущее... Минуточку, спокойно, прошу внимания... Смотрите, они... появились.

Зина. Кто, Кирилл? С кем он?

Зи-Зи. Глядите глубже и выше — прямо на небо. Все сходится.

Леха. Зина, это правда. Почти на этом самом месте ты отключилась. Но и это не все. Здесь, несомненно, есть связь со всеми нами.

Зина. Ты... они что-то говорили о полете... Ты правда летал, или...

Леха. Об «или» не будем.

Зи-Зи. Берите, Леша, штативы, ставьте, ставьте аппарат. Надо успеть, скорее фотографировать. Как же сейчас наш гений-технарь был бы кстати!

Зина. Пожалуй, я оставлю вас. И — во избежание... и к Эйнштейну надо побыстрее.

Зи-Зи. Иллюзии. Они питают душу.

Леха. А вы — мимо иллюзий? У вас всегда и во всем расчет?

Зи-Зи. Не горячитесь, голубчик, это слабость вопрошает. Если б... если б одни только расчеты, следил бы я за этой светящейся точкой совсем с другого места, не отсюда.

Леха. Брезгуете.

Зи-Зи. Себя корю, иллюзионист хренов. Все мечтал, выстраивал в науке романтическую линию.

Зина. Это хорошо, что вы так заблуждались. У вас душа есть.

Зи-Зи. Душа — это такое... она и в гипотезе, в науке, в вынашивании идеи. О ней ваш Леша многое может рассказать. У вас теперь целая жизнь впереди вместе, так я понял.

Зина. Так приятно заблуждаться. Хотя и прямой дорогой идти тоже хочется. Кажется, кажется, я начинаю что-то понимать. Смотрите, я вижу, это разговор с нами.

Зи-Зи. Нарушен привычный ход вещей.

Зина. Я и раньше любила мечтать, потом все загубила, забыла, забылась. Мое время идет, я слышу. Не пропущу. Идите и скорее возвращайтесь. Втроем... Какое небо! Сдвинулись. Причем, все. Где мои точки, трое на трое?! Вот, очухалась на трети-то и

пошла мечтать. Глупая баба, прав был Лешка... Кажется... эх, полететь что ли? Эй, вы там, наверху, слышите? Давайте так: или к нам, или своей дорогой, нечего душу-то травить. Вон что с мужиками-то сделалось, совсем с ног сбились... Да и с ума... Ха-ха-ха... Вот и «ха-ха-ха»... Да. Леша... Что будет-то? Деток жалко.. А меня, меня кто пожалеет? Ну, летите, как хотите... Серый волк под горой не пускает нас домой... Небо, небо-то все в розах прямо! Идут, кажется. Да, вроде бы. Все, или?..

Леха. Зина, Зин, не поверишь, такое отчудил чудик этот...

Зина. А...

Зи-Зи. Не беспокойтесь, мы — это мы. И песня, заметьте, еще не спета. Вот, Кирилл, в сложном, прямо скажем, положении. Однако, понял, оценил, одумался. Кир, да неужели Вы всерьез собрались оставить этот бранный мир? Позвольте, а ваши опыты, схемы, ваши мечты, наконец?

Кир. Не трожь.

Леха. Жесткие нынче времена.

Кир. Времена всегда одинаковые. Люди — различные.

Зина. Да мы что, разве обидели тебя?

Кир. Не спешите. Сядьте. И мне... не до разговоров. Сердце стонет. Вон, как несется, больше, чем пульс... Так, где ваши... прищельцы? А-а-а... Что это теперь? Так, пустое. Что-то светит, а что?

Леха. Ты бы полетел?

Кир. Я и так летаю.

Зи-Зи. Вот и славно. Вперед, дорогие собратья по разуму.

Зина. И... по чувству. Пусть себе светит.

Леха. Небо-то — его на всех хватит!

2003 г.

Конец.

РАЗГОВОР С ГОСПОДОМ, ИЛИ ОНА НЕ ВЕРНЕТСЯ

МОНОПЬЕСА

Я больше не могу, милостивый Боже. Что мне делать, что? Ты же все знаешь, все видишь, подскажи. Я столько раз просил тебя. Знаю, знаю, что это гордыня, но все же. Она не слушает, она не хочет слышать меня, она убила меня и меня больше нет. То, что я обращаюсь к тебе, — это слабое напоминание о том, что я еще жив, что еще дышу. Как же мне плохо, Господи. И самое страшное, что я не знаю, как мне быть и что делать. Помнишь Петрарку, ну, который жил тогда-то и тогда-то, словом, давно? И была у него Лаура. Десять лет при жизни, десять — после нее. А между ними была его душа, которая вопрошала и у которой он все спрашивал: «Как быть, душа, что делать, где спасенье? Придет ли мир или вечно будет война?» А, может, это он у тебя и спрашивал? Какая разница: душа ведь все равно сродни богу, только где-то внутри, так далеко и не всегда видно. Вот и я не знаю, что делать и придет ли мир в мою душу? А правда, что когда человек умирает, его вес, то есть вес его тела становится грамм на тридцать-сорок меньше? Да, я правда слышал такое. Значит, она весит примерно столько, да?

Молчишь? Да и что мне можно ответить, я и сам не знаю. Вот, сижу тут, копошусь со всякой ерундой. Никак не получается прошить этот мерзкий башмак. Конечно, можно было бы отнести его в мастерскую, там бы все сделали, но это надо идти, а сил у меня нет. Я лучше так, дома. Еще у меня столько дел. Вот, обшить, наконец, эту чудовищную куртку, кожа-то у меня тоже есть. Ходить почти не в чем уже. Не пролазит иголка, надо же. Правильно сказать: не пролезает, но я и не хочу говорить правильно. Я все делал в своей жизни правильно. Не изменял, пил мало, только с хорошими друзьями и только с поводом. Не курил. Почти. Да, я мог среагировать на красивую женщину, но только чтобы посмотреть, не больше того. Я верен был ей. И что я получил, что я имею?

Уже два месяца, как она ушла, покинула наш дом и не звонит, не объявляется, вообще пропала. Да, я кое-что слышал, конечно, но это только так, мимохо-

дом и все очень приблизительно. Она, говорят, нашла какого-то Федьку, который имеет... Словом, чего-то там имеет. Ты же знаешь, как я не люблю перечислять все это. Для меня это — нож в сердце. Имеет — не имеет, какая разница? А для нее, видишь, разница, вот что. Я тебе рассказывал как-то, что она, прежде, чем сесть за стол, всегда почему-то пела. Я ей говорил миллион раз, что это грех, нельзя, а она за свое. Поет себе и все тут. Нет, когда сядет за стол, то уже угомонится, а до того... Словом, ужас. Так теперь я бы слова ей не сказал, пусть себе поет на здоровье.

Ты, наверное, не знаешь, но был такой американский писатель, который весело, иронично так рассказывал про всякие человеческие истории. Например, как однажды пришел муж домой, увидел, что жены нет, а только кофточка висит на стуле и жутко расстроился. А до этого каждый вечер ходил играть в карты. Она, конечно, возражала. А тут плачет и говорит, что, мол, никогда больше не пойду. Проходит час, другой, она и возвращается. Так, знаешь, чем дело кончилось? Он взял свой пиджак и пошел играть в карты.

Так, может, и я такой же мерзавец, все только хочу быть хорошим, все мечтаю простить и быть прощенным, а на самом деле это — вранье? Как знать? Я, например, не знаю пока. Подскажи, Господи, куда идти и что делать. Как я хочу увидеть ее, нет, даже не обнять, а просто посмотреть на нее, ручку потрогать. Знаешь, какая у нее была ручка? Особенная, мягкая, как у ребенка. Даже когда она царапалась и лупила меня своими ручками, мне не было больно, а только смешно, как же она тратит силы на ерунду, Господи.

Теперь что? Теперь ее нет. Если бы я мог знать, ах, если бы. Я бы все сделал так, как хотела она. Но я даже не знал, чего она порой хочет. Да, Господи, как же она была хороша! Только что это я в прошедшем времени? Жива, слава богу, это же точно. Хотя вот ведь жизнь, сейчас жива, а через час — и нету. Так тоже бывает.

Сижу теперь, латаю туфли и думаю. Например, о том, как нам было хорошо. Когда она приходила домой не сердитая, а с сумками, напиханными всяким добром. Эх, видел бы кто ее тогда, в момент, когда она начинала примерять все это барахло. И пела, и танцевала, а главное же — так светилась, что хотелось скупить для нее все шмотки всех секунд-хендов и радоваться, глядя на нее. Из любой ерунды могла такое соорудить, трудно даже представить. Как я любил ее тогда, невозможно передать. Покупала она все по большей части вещи необычные, какие-то вне времени что ли, но они так смотрелись, что никто никогда не мог и подумать об их ветхости, непригодности, просто старомодности. Они были особенные, эти вещи и необычайно ей шли. Этим все было сказано. Она тут же взбиралась на наш самый высокий шкафчик, доставала оттуда любимые коробки с драгоценностями и сразу же начинала определять, к какой вещи что подойдет. Примеряла бусы, которых было огромное количество, разные клипсы, цепочки, висюльки и все это чудесным образом раскладывала возле каждого наряда. Как ей удавалось так скоро, искрометно просто решать что куда, сказать невозможно, но это было именно так. Все у нее всегда сочеталось одно с другим, составляя ту неожиданную и сказочную гармонию, которой наделена была в полной мере.

Удивительно, как она умела светиться! От какого-нибудь платья за полтинник она вся вибрировала, предвкушая свой выход куда-то, то впечатление, которое непременно произведет и много чего другого, о чем я мог только догадываться. В такие минуты она не просто преображалась, но, наверное, попадала в необычайно чудесный мир, вся концентрировалась, сосредотачивалась, наверное, придумывала, где и когда выступит в каком-нибудь наряде. В такие мгновения трудно было определить, слышит ли она меня вообще, да и пребывает ли в реальности на самом деле, или парит так далеко и высоко, что добраться к ней не представляло никакой возможности. Она была в такие минуты

самой настоящей царицей со своим царством, со всеми причитающимися атрибутами, а я был ее подданный, но отнюдь не король.

Милая моя девочка, где она теперь и кому показывает свои наряды? Что бы я отдал за то, чтобы хоть денечек побыть рядом, насладиться тем водопадом чувств, который она обрушивала на меня. Знаю, знаю, теперь это невозможно. Она ушла и этим все сказано. Сижу вот, латаю башмак. Сколько раз она твердила мне, что не мое это дело, в смысле починки, не сапожник, мол, я, но была для меня в этом занятии такая необыкновенная притягательность, что отказать себе в удовольствии я не мог. Знаешь, мой милостивый, который раз я чиню эту пару туфель? Ужас! — седьмой. Да, трудно в это поверить, не спорю, но что делать, нравится. Я и ей предлагал свои услуги сапожника, но она только смеялась и никогда не соглашалась. Как она смеялась, добрый мой Господи! Я в жизни ни у кого больше не слышал такого смеха. Не просто там искристо, весело, а была в ее мелких бусинках-раскатах какая-то серебристость и дробность. Так и катились кругляшки по прекрасному дубовому столу, подпрыгивая и раскатываясь в разные стороны. Это постукивание бусинок по поверхности дорогого дерева очень походило еще на одну вещь. В эти моменты казалось, что, запрокинув голову, она не могла надыхаться, налюбоваться самым синим небом, всем вселенским пространством вокруг себя. Она так жадно и восторженно запрокидывала голову, что не оставалось никаких сомнений в том, что она и мир слиты воедино, что только они как одно целое и есть во всей вселенной. Да, она упрямо и неотступно смотрела смеющимися глазами вверх, словно ловя какие-то, только ей видимые и понятные образы, звуки, ощущения.

Ох, как же давно это было, не приведи Господи, как давно. Что она сейчас подельывает? Небось, учит свой английский, будь он неладен. Да уж, не взлюбил я его, как и ее учителя, зачистившего домой. Он, на-

верное, тоже выглядел в ней это удивительное качество, эту неповторимость, когда она вспыхивала от какой-то неожиданной мысли, понравившейся ей или от сравнения, ассоциации. Ее восприимчивость более всего выражала ее характер, его особенку что ли. Но это все знал я, только я был полновластным владельцем и бусинок-смешинков, и нарядов, ну, если уж не совсем платьев, то хотя бы тех мгновений радости и озаренности, накрывавших ее с головой. Я был ее хозяином; другое дело, что она слишком мало подчинялась мне, да и просто не очень всерьез воспринимала эту мою функцию или роль, которую я нахально закрепил за собой, но где-то в глубине души, где-то очень и очень далеко она наверняка знала, что я и есть истинный ее господин.

Тебе смешно, ты смеешься, милостивый Боже? А мне вот не до смеха. Я как вспомню все, что произошло, как она уходила, почему да отчего, не то, что смеяться не хочется, — жить! А надо. Как можно добровольно уйти? Я, конечно, и об этом подумывал, но все же не хочется покидать этот мир, не увидев ее еще раз. Вот и спрашиваю себя, простил бы я ее или как? Наверное, «или как». Что за абсурд жизни: и не простил, а вот видеть и прощать — очень даже хочу. Черт, опять вот поранил палец. Да все один и тот же, дался он мне. Сейчас бы она точно уже всполошилась, бегала бы тут со своим йодом, бинтиком. Чего-чего, а ухаживать могла. В такие минуты мне хотелось всегда быть немного больным. Как это она говорила? «Скажи, что ты маленький и я тебя пожалею, скажи». Дурак, почему я никак не хотел говорить этих слов, чего стеснялся? А она все за свое: «Скажи: пожалей меня, скажи». Я ей: «Нечего меня жалеть, терпеть не могу проклятой вашей жалости». Она всерьез расстраивалась, все хотела верховодить, главной быть. Нет, не всегда и не совсем, а так, иногда. Увалень несчастный, я все не давал и не давал ей этого удовольствия.

А теперь она не со мной. Когда этот хмырь, этот гад появился? Что ей не то было, чего не хватало? Думай

— не думай, не поймешь, не разгадаешь. Тысячу раз ведь клялась: «Никуда от тебя не денусь, все вытерплю, только люби меня крепче». Вот, долюбился. Куда уж крепче? Ей все мало было, еще и еще подавай. Ну, чего я не сделал, чего не додал ей? А, что теперь гадать, какой из всего этого прок? Вот, в магазин собираться нада, не продуктов, ничего вообще. Да и проветриться не мешало. Запропастилась сумка куда-то. С такой из дома-то стыдно выйти. А, что мне теперь, наплевать, сойдет. Она бы уж точно не пустила, а одному не страшно.

Идут себе разные люди, разговаривают, каждый — сам с собой, ну, поодиночке и вроде бы с кем-то. Не понять. А, нет, вот идут, смеются. Чему люди теперь смеются? Что у них может быть за радость? Я не брюзжу, Господи, нет, но в мое время разве так ходили люди, разве они так смеялись и любили? Нет, про «любили» не буду, а вот то, что другие были, — это точно. Надо же, и пупок голый, и все такое, серьга в носу, тьфу, одним словом могу сказать: безвкусица. Ты чего пупок обнажил? Для самоутверждения? Да уж, в таком случае точно мозги не нужны. При таком-то животе? Да бросьте, видел я все это, не пупок, конечно, но навороты эти все: брюки такие, брюки сякие, галстук шире, уже, вообще без него. Но мы же — нет, правда, мы чего-то хотели, мы двигались, росли. Ой, дяденька, успокойся, куда ты, к едрене фене двигался? Вот идешь теперь со своей авоськой и иди, не тумань мозги себе и людям. Так и хочется сказать «людям».

А ведь могли бы идти сейчас вместе. Где она теперь? Что толку задавать этот дурацкий вопрос, на него нет ответа, нет. Да и какая разница — где. Главное — не со мной. Тогда, в последний день она особенно выглядела, просто-таки замечательно. И надо же, ни словечком не обмолвилась о том, что задумала. А, может, и не задумала вовсе, а все спонтанно получилось? Что гадать? Ее нет и этим все сказано.

Пришла тогда, покрутилась, как обычно, перед зер-

калом, бросила ненавистный мне английский и как-то уж больно радостно сообщила, что должна встретиться со своей Тamarой. Тоже ее терпеть не мог. Да никого не мог, все по сравнению с ней были уроды и ханжи, изверги и мерзавцы. Так вот, отправилась она с этой Тamarой куда-то в кафе (ох, и любила она эти кафе, эти глупости несусветные), а оттуда вдруг звонит и говорит, что все, больше не придет. Точно, это же в этот день было. Я подумал, что шутит, ну, она вечно подшучивала надо мной, что, мол, убегу, не приду, что решусь, как Лев Толстой, что я не хуже, не слабее. Я ей на это всегда отвечал, что граф и умер-то потому, что ушел из дома, а ей хоть бы что. Смеется и приговаривает, что когда-нибудь все равно уйдет.

Но тогда я еще не знал, что в этом деле замешан распроклятуший Федька. Я-то, признаться, все на англичанина думал, ну, кто с ней языком занимался. А вышло по-другому. Это потом уже Тамарка рассказала, что в это кафе пришел мужик, которого и звать-то было неизвестно как, подсел к ним и в три часа скрутил мою красавицу. Чуть не сказал «навсегда». Что же за легкомысленное она существо: первый встречный сделал-таки свое дело, увел. А ей только этого и надо.

Беляночка моя пушистая, пепельная моя, что ты со мной сделала, что сотворила! Пил, злился, а теперь и не сержусь, теперь, Господи, совсем другое нашло. Я бы ей все-все простил, да только не придет она больше. Это я теперь такой праведник, все к богу обращаюсь, а на самом-то деле — истинный безбожник был. А, может, им и остался? Не знаю, ох, не знаю, милостивый боже. Раньше и в церковь не ходил, и пост не держал, и вообще... Сейчас вроде и поста еще нет, но я бы выдержал. А что говорить, мне даже стыдно об этом рассуждать: пост, не пост. Не в том дело вовсе. Я в душе был безбожник, вот что. А это пострашнее будет.

Как-то на Пасху, было это года три назад, принялась она красить яйца, да месить тесто на куличи. Я и тут посмеивался, мол, ничего у тебя не выйдет, не старайся, а сам очень хотел, чтобы вышло, чтобы она сде-

лала все, как надо, чтобы получилось. Весь вечер, до поздней ночи провозилась, но куличи испекла. Да и яйца всеми цветами возможными красовались. Что-то и ей не позволяло открыто и естественно обнаруживать свое отношение к вере. То ли меня, безбожника, стыдилась, то ли себя саму. Трудно теперь сказать.

Я ведь, Господи, что удумал однажды. Взял, принес ей роскошное белое платье, хотя мы уж восемь лет, как женаты были, и говорю, что давай, мол, венчаться. Она хмыкнула, но ничего не сказала, а тут же скрылась в своей маленькой каморке. Так мы ее комнатку называли. Час не выходит, второй. Я тоже заходить не решаюсь. Тут вдруг дверь раскрывается, появляется она и говорит: «А почему ты хочешь в церковь идти? Зачем? Что, так что ли не веришь?» Да почему не верю, господи?» Так, все теперь венчаются, говорю, вот и я задумал». — «То-то и оно, что все. А я не хочу, как все. Вот когда созрею, тогда и пойдем, а теперь не могу».

Разве мог я противоречить своей дорогой певунье, кошечке родной? Нет, конечно, не мог. Уж если она что задумает, так непременно исполнит, пусть с три короба наворотит, но исполнит. И я понял, что и впрямь не готова, а, может, не хочет общей моде поддаваться, такое тоже возможно. Так это платье и лежит дома, ждет свою голубушку.

Пора идти мне, пожалуй, поздно уже, заждались меня мои башмаки. Да и холодно. Что-то вообще подзаблывать стало, надо бы таблетку дома выпить, да и чайку с вареньем. Куда не сунься, все она: варенье тоже вот она варила, все лето готовилась, рецепты собирала, пока не оказалось, что малину-то мы пропустили, а яблоки не очень и удались. Вот и считай, что там за варенье: полный компот, а не что другое. Как раз к сентябрю должен был быть у нее первый концерт после большого перерыва, так она все домом занималась, надыхаться им не могла, нашей хибаркой-дачей. Все возилась, заготавливала что-то, но только как-то по-особенному, на свой вкус и лад. Покойница мама все не так делала, как моя козочка, но я не был в обиде, на-

оборот, вечно поощрял ее хозяйственные потуги. Странной она была хозяйшкой. То все уберет-вымоет, выскоблит, отутюжит, то плюнет на все на свете и груды белья лежит себе месяц целый на машинке в ванной. Если позволяло ей ее летучее настроение и еще, конечно, здоровье, весело со всем управлялась и не ленилась, даже выискивала работу по дому, словно старалась компенсировать все упущенное, заждавшееся ее до того. Жила она всегда не ровно, а перепадами: то легко и беспечно, а то впадала в долгую затяжную депрессию и все ожидала моего участия, даже жалости. Я что? Я не скупился, жалел, конечно. Не дополучила, видно, этой самой любви и жалости в детстве. Но как только перебарывала этот момент, сразу все становилось на место: опять готовила романсы, вычищала свою программу, где только не выискивала новые и новые романсы для концертов.

Но бывали периоды и грустные, когда никакие тряпочки, наряды, никакие уговоры и посулы не могли расшевелить мою девочку и она глубоко страдала, все переживала про себя что-то такое потаенное и скрытое, куда я, конечно, проникнуть не мог. Страдала. То чувством какой-то своей вины, то неисполненного долга перед отцом, то мучалась мыслями о собственной непризнанности и не такой популярности, какую бы она хотела.

Эх я, безбожник! Что я мог поделать в такие минуты, как утешить, чем помочь? Все, на что я был годен, это говорить с ней, как с настоящим ребенком, утешать, уговаривать, обещать. Но что я на самом деле мог пообещать ей, Господи, что? Жили ведь на мой дырявый заработок, да на ее нечастые гонорары. Не было стабильного дохода, все больше донимала нужда, нехватка вечная денег. Конечно, она устала ото всего от этого, кто ж такое выдержит! Вот и не выдержала. Ушла. Да нет, я не плачу, Господи, я так, вспоминаю один концерт, когда она была особенно в ударе. И настроение было хорошее, и голос звучал прекрасно, и заграницу наобещали, словом, все сошлось хорошее. Так вот,

на этом концерте сидел я один, глазел по сторонам, естественно, все смотрел, кто как реагирует и вдруг увидел совсем пожилую женщину, почти старушку. По всему виду было понятно, что из актрис. Так вот, в какой-то момент она не выдержала и вздохнула: «Ну и хороша же!» Ни один комплимент мужика не тронул меня так, как это восклицание старушки. Разбиралась, видно, поняла, что за птичка, моя ласточка. Ну и пела в этот вечер Асенька замечательно, почти никогда так не пела. Голос сильный, глубокий, так держала звук, ну, что вы! Видно, за лето окрепла, сил набралась и голос летел, разливался. Словом, в ударе была. А через несколько дней плохо стало, даже скорую вызывали: сердце, давление. Впрочем, такое частенько случалось. Энергии в ней было маловато, расходовала силы порой на всякую ерунду.

Все лежала и приговаривала, что непременно освоит английский перед гастролями, что ей точно пообещали поездку в Англию. Вот и появился вскоре этот англичанин, леший его дери. Как же я ревновал к нему, как мучился. А она что, ей хоть бы что, и не замечала моих страданий, все хихикала над ним, а мне, дураку, казалось, что она что-то такое тайное вынашивает, о чем не хочет говорить, рассказывать. Слепец, ничего толком понять не мог. Ей он на дух не был нужен, она лишь подзадоривала меня, только насмешничала. Нужен оказался совсем другой. Случайный, можно сказать, человек.

Вот ведь жизнь человеческая. Еще утром делал ей кашу, еще ворковала и по-детски дулась на ненавистную размазню, а вечером — упорхнула.

Холодно. Что ж так холодно-то? Наверное, температура. Точно. Надо пить, много пить. Эх, и попил я в свое время, нехристь я такая. Однажды она приходит, а я сижу на балконе совсем раздетый и в свою дудочку дую. Ну, была у меня такая дудочка еще с молодости, которая жить помогала. Она пела ведь свои романсы, а я дудел в дудку. Не ей, конечно, подпевал, а так, сам солировал. Да, и верно, 38. Ну, это не 39, жить можно,

зябко только. И не плывет ничего, только слегка пошатывается, а так ничего пока. Это же я, Господи? Скажи мне. Сколько же пыли вокруг набралось, ужас. Вот полегчает, приберусь, даже занавески поменяю, или так, выстираю. Любила же она эти тряпки на окнах. А мне хоть бы их и не было, все одно. Но ради нее все же постираю. Она, небось, упала бы просто, или со смеху, или так, от возмущения, если б увидела, что тут творится. Далась ей эта чистота, ну и возилась вечно с протирками, да швабрами. Чего-чего, а убираться любила. Не то, что готовить. Это на мне было. Ну, уж если бралась за еду, получалось всегда необыкновенно. Даже не в смысле вкуса, а все необыкновенно: и вкус, и манящий запах, и сервировка, и то, как скомпоновует эти овощи-фрукты. Такие вытворяла сочетания, ну, уму непостижимо. Это какому-нибудь уму, но только не ее. Такое наворотит, ни один ум не поймет. А все съедобно.

Сейчас бы ее плова сладкого отведать. Ложечку. Со всем голова разламывается, плохо. Ну, не пропадать же совсем, и из этого вылезем. А не вылезем — тоже ничего. Что без нее-то тут торчать, хорошего мало. Вот и ... Прости, Господи, это я так, температура, наверное, ползет. В трезвости не спорол бы такое. А тут вроде хвораю, можно. Прости.

Не надо мне ее плова, грибов этих белых, печенья — ничего не надо. Подумаешь, еда, да вот же, есть, ешь — не хочу. Только чай и идет сейчас. Лечь надо, что-то больно все возвращаться стало. Вот и англичанин этот показался, размахивает своей тоненькой папочкой. У всех — дипломаты, портфели, а этот ходил все с тонюсенькой папочкой. Сложит туда пару листочков и все, весь урок. Все готовилась к нему, все за границу свою ждала. Накрылась ее Англия. А, может, еще поедет? Все может быть.

Когда эта несчастная влага скатывается по небритым сто лет щекам, так и кажется, что кто-то тебя облизывает, следы оставляет. Где теперь наша Плаха? Прожила всего полтора года, а проблем оставила на

целую вечность. Любили, конечно, любили, но вот аллергия сделала свое дело, стала Асенька кашлять, да задыхаться. Несколько месяцев вообще не понимали, что к чему и только спустя полгода сообразили. Поздно было, решили не спешить, поискать, кому отдать пса. Да и с этим затаили, все жаль было расстаться. Словом, наделали делов. Ася и педагогику свою бросила, только ради пения и здоровья. Она ж у меня не профессиональная певица. Просто всегда имела хороший голос, не развитый, конечно, училась немного. То в студии, то еще где-то. Специальных заведений не кончала. Но голос чудный. Вовремя начала бы карьеру певицы, все бы сложилось, а так уже за тридцать, куда там. И то — услышали, оценили, стали площадки разные давать. Пела.

Хорошо, теперь совсем хорошо, не болит ничего, ну совершенно. А чай остыл. Витька, ты что ли? Да иди, иди, не бойся, это я. Ты один? Проходи, садись. Да нет, не пью я, бросил. Ты где так загорел, в Астрахани своей что ли? Смеешься? Ой, пропадаешь ты что-то... Да куда же ты, постой, дай, расскажу тебе что...

Ушел, кажется. Опять эта липкая хмарь прицепилась. Надо же, который раз это уже, да все что-то навдывается, приходит. То Витьку вот подошлет, то так явится, в виде липучки какой-то, что и форму меняет, и цвет. Страх один.

Это потому что я один. Была бы она, дала бы своих таблеточек, пошептала что-то такое и все бы прошло. А тут сиди, мучайся. Витек, да не уходи, не надо, я же все-все соображаю. Помнишь, как на пятом курсе шабашили, строили тогда коровник черт-те где, на Алтае, кажется. И что уж такое я не то измерил, не знаю, но только председатель колхоза здорово нас материл, чуть в университет не написал, еле отговорили, все отпайвали то корвалолом, то водкой. Больше последней. Кричал, что в такой коровник не то, что коровы, ежи не пролезут, что мы, сукины дети, все планы его поломали, все напортили, все нарушили. Было. Давно, правда. Потом каждый год выезжали летом на шабашку, я

бугром был, но уже без жалоб, все тихо-тихо. После этого коровника на первую машину и заработал. Не новую, конечно, езженную-переезженную, но все же машину. Потом менял, разные были, но иномарки так и не удосужился, не хватало.

Что-то я не пойму, еду что ли? Ну и ведет меня, жуть. А помнишь, Витек, как со скалы летели? Вот и сейчас что-то очень похожее. Январь месяц ведь был, холод, аж подтрясывало. Со всеми потрохами, с оборудованием влезли на самый пик скользкой этой скалы и ... вниз. Вместе с фотоаппаратом, с планшетом, со всеми нашими расчетами. Где было? Да под Мурманском, на сопке. Вода — минус или около нуля, зима, а я даже не заболел, даже насморка банального не схватил. Фотоаппарат жалко, намок, испортился совсем. Да и писанина напрочь была испорчена. Как же я летел, жуть. Никто из наших потом не верил, что живой остался, а уж что не заболел — и вовсе смеялись. «Ну, — говорят, — мужик, ты в рубашке родился». Может, и в рубашке, только больно холодно. Неужели все градусы набираются? Пора бы уж потеть начать, так нет, все прет и прет эта высота. Ну, просто лечу куда-то, может, в ту же пропасть. Витька-а-а, держи меня, друг мой, держи. Что ты не отвечаешь?

Господи, да когда же это кончится, когда полегчает? Точно, не в первый же раз уже. Вот прицепилось: то ли малярия, то ли просто ересь какая. Не пойму. Только корежит всего и мучает. А что — так и не знаю. Витька-а-а, Ася-а-а, где вы, мои дорогие..?

Сколько же я проспал? В снах своих фиолетовых? Что там, день, ночь? Светло вроде. Ой, рука-то какая тяжелая, прямо не поднять. Господи, да что же выходит, жив я что ли? А ведь летел уж совсем в тар-тарары. Как же выбраться удалось? Сам не знаю. А вообще-то легко, даже хорошо как-то. И на сердце, и везде. Даже вот петь захотелось, только голоса нет, да и слуха тоже. А хочется. Она всегда смеялась, когда я на

кухне затягивал что-то. Это уж точно, что когда нет данных, особенно хочется петь. А нечем. «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная...» Кто это мне звонит, да в такое время? Хотя...

— Слушаю. Это ты, Вить? Узнал, как же. Я тут недавно с тобой вроде бы виделся. Не помнишь? Да не смеюсь я, не до смеха мне. Просто температура высокая была, вот мне и показалось, что ты в гости пожаловал. Не был? Да я и сам знаю, что не был. А зашел бы. Я уже, по-моему, в том состоянии, когда разговаривать могу, на вопросы членораздельно отвечу, биографию свою помню, словом, к жизни возвращаюсь. Не веришь? А мне все равно, веришь, нет. Сам-то как? Ничего, это ничего, ты не отчаивайся, все бывает, приходи, обмозгуем, помогу, может. Пока.

Вот, а он и не знает, что я недавно летел опять с той же самой горы, а он рядом стоял, видел все. Ладно, где он, мой любимый башмак? Вот он, миленький, так и стоит, брошенный в углу. Ну, чего уставился, сейчас починку тебе устрой, держись, вот чаю только напьюсь и все, шить буду. Люблю я это дело портняжное. И чего я в геологию пошел? Так бы сидел и шил себе помаленьку. Вот когда до гор и полей, до экспедиций своих сторожем пробовал, тоже нравилось. Красота, никто не мешает, сплошное удовольствие, покой. А потом десять лет никакого покоя не знал: туда-сюда по всему бывшему и нынешнему Союзу. И зимой, и летом.

Как это она меня терпела, даже странно. Вот, заварку нашел, повезло, можно сказать. Ась, ты меня слышишь? Да знаю, знаю, что тебя нет. А знаешь, я уже привыкаю, ничего, уже вроде бы смиряюсь. В русской душе ведь чего больше, покорности или бунта? Думаю, и того, и другого хватает. Не покоришься, не побунтуешь. Кончилось мое восстание, вроде к покорности направляюсь. Кажется. Может, правда, только кажется? ... «Тащился с сумой на плечах»...

Чудные, однако, у меня соседи. Хоть ори, хоть пля-

ши, им все ничего. Вроде бы все это самое Забайкалье прополз, пропахал, но так и не понял, что оно дикое. Когда же песня эта написана-то была? Вот и я не знаю.

Господи, вот хорохорюсь я, а сам спросить хочу. Как ты думаешь, получится у меня жить дальше? Молчишь? А я вроде бы ответ нащупал. Сказать? Ладно, помолчу пока. Еще не все осознал, не все понял. Шить вот буду, там пойму.

«...Тащился с сумой на плечах...» Куда ж это он направлялся, с сумой? Я вот все больше с рюкзаком, да планшетом тащился, это верно, но чтобы голая степь? Не знаю. Столько воды за сто лет утекло. Раньше и назывались эти места иначе: Бурят-Монголией, а теперь просто Бурятией. Какое ласковое название их столицы: Улан-Удэ. Тайна какая-то спрятана в нем. А, может, мне так хочется, чтобы была эта тайна.

Ась, ты не слышишь меня? Плохо. Вот даже Господь услышал, жить оставил и болезнь прогнал, а ты все не слышишь и не слышишь. Я и не жду, если честно. Что ждать, если разумом, который еще остался при тебе, соображаешь, что ничего уже не будет, ну просто не может быть. Сам себя спрашиваю: а хотел бы? Вот здорово: еще пару дней назад, еще всего неделю и вопроса такого не задал бы, а теперь что-то случилось, сдвинулось. Понимаешь, так, как раньше, уже нельзя. Нет, кашу и все такое прочее я по-прежнему делал бы, но вот внутри у меня словно пылесосом все высосали, почистили. И я не хочу засорять больше свои внутренности, свое нутро. Так хочу пожить, в чистоте и полном бездумье. Ни тебе мыслей, ни особых желаний — ни-че-го.

Только стучит внутри меня какой-то молоточек, что-то такое свое отстукивает, позвякивает, в какие-то мгновения даже звук колокольчика напоминает. Чего он звенит, о чем спросить хочет, или наоборот, мне сказать? Думаю вот, пытаюсь разгадать.

Никак не дошью свой башмак. Сдается мне, что я умышленно тяну эту работу, чтобы... да чего уж там,

чтобы просто работать. Вот, опять этот звук молоточка. Всего два слога. Что они напоминают? Может, это подсказка, может, знак какой? Брось, Михалыч, какой тебе может быть знак, да и по какому случаю? Ну, нет, шутишь: «случаю» Тут, брат, все — сплошные случаи. И Асин уход, и болезнь, и даже что Витька откуда-то появился, а потом взял и материализовался, позвонил — все череда случаев. Но случайны ли они?

Бросил, дурак, свой философский. Теперь бы знал и на этот вопрос ответ. Хотя, как знать. Может, еще больше бы их появилось и только возросло бы желание их множить. Самое главное — не ответы, я это точно знаю, а вопросы. Ставить, задавать. Не надо решать, какой в этом смысл? Но ставить — да. Вот, помимо башмаков, я еще кто-то. Скажу честно: художник. Я — художник с философским уклоном. Упрекала все меня: мол, ни мебели, ничего, одни картины. А что на них изображено, сказать так вот сразу и не скажешь. Одни вопросы, наверное. Говорят, постмодерн, современная живопись, модно. Не знаю, я только одно могу сказать, что слив, сток — это не про меня. Ведь что сейчас о «пост» этом самом? Перфоманс, акция, нечто невнятное, сплошная цитатность. Словом, слив. Идей, нагромождение вымыслов, черт-те что. Но все же есть в этом явлении нечто такое притягательное, что и увлекает загадкой, отсутствием формул, констант. Свобода парения и само... Чуть не сказал «самовыражения». Ох, и не люблю это словечко. Разве можно в полотне только об этом? Картина твоя — это весь ты, или на худой конец, кусочек тебя. Даже башмак этот — тоже я. И что шью его второй месяц — опять я. А что тяну так долго — так это понятнее ясного: дело мое, дело. Или попытка дела. Вот у Цветаевой стихотворение есть, называется «Попытка ревности». Здорово. Одно то, что человек посмел назвать так — здорово. Можно сказать, прекрасно. «Попытка...» Значит, дальше не смогла, не посмела, не двинулась. А смогла справиться только с этим, с попыткой. Ох, и душа, эта Цветаева.

У меня душа шершавая, кондовая, но я и то понял, что это за великая радость: так сумеешь назвать стих. Ася, моя бывшая Ася много раз ругала меня, злилась, что не пишу последовательно и всерьез. Я ей объяснял, что все, что я делаю — и есть всерьез, я по-другому просто не могу. То пишу, то на пару недель заброшу. Я ведь кто по жизни? А все: и сторож, и геолог, и философ, и художник. Но больше всего, наверное, сторож с философским уклоном. Короче, с при..., словом. Но я думаю, я все время думаю, почти как все нормальные люди. Вот только об Асе стал поменьше размышлять. Картины меня стали доставать. Точно, сегодня возьмусь, созрел, пожалуй. «Несерьезно». Да что вы, граждане, можете понимать о серьезе? Самый вдумчивый и серьезный — кто не трепется об этом, не гудит на эту тему день и ночь. Я вот смеюсь больше, прости, Господи, смеялся. Наверное, отсмеялся уже. А вообще, как сказать.

И вообще — если бы знать.

Господи, прости меня, мелю тут всякую ересь, а пора о душе подумать. Я все пытаю себя этим вопросом Петрарки: «Как быть, душа?...» Уж он не знал, а я точно не знаю, не знаю, дорогой милостивый Господь. Ничего не могу знать. А иногда мне кажется, что и не хочу. Видишь, я уже не жалуясь, не стенаю. Но, правда, и не смеюсь еще. Это верно, плохой признак, знаю. Эх, рассмеяться бы. Сижу и вижу, как идет этот мужик с сумой, тащится по степям, как я когда-то и никакого ему продыху нет от этой жизни. Что его погнало в этот путь, не поиск же полезных ископаемых! Дошел? — вот что интересно.

Кажется, мне становится смешно, во всяком случае, дело сдвинулось, забор поплыл. А, откуда этот забор? Могу, конечно, рассказать, но не все там печатное. Но я попробую.

Привел генералиссимус Суворов своих солдат-младцов после сражения на отдых, пошли они нужду справлять. Взмахнули своими, ну этими, чем мочатся, все

сотни человек, исполнили свое дело, но тут вбегают главный и говорит: «Отставить!» Однако было уже поздно: забор поплыл.

«Бродяга к Байкалу подходит и...!» Почти смеюсь, я смеюсь, Господи. Сегодня ведь двадцать пятое декабря, зима, скоро Новый Год, по-старому — Рождество. Великий день. Сколько же я проболел? Неделю, дней восемь? Точно, тогда было чуть ли не начало месяца, сегодня — почти конец.

Ась, ты меня слышишь? Нет? А я здесь, вот, прибираюсь, даже башмак свой любимый почти закончил. А еще у меня есть тайна. Дописать ту картину, что еще осенью была начата, когда все и случилось. Не я тогда, ты смеялась. Ну, ничего, не отступлюсь от планов. «Бродяга к Байкалу подходит...» Точно, подходит. Нет синей краски, какая-то есть, конечно, но нужной нет. Как она любила этот цвет, жуть с ружьем. И Рериха поэтому особенно выделяла. Ничего, я получше тибетского дедушки напишу. Нет, точно, я не смеюсь, я такое чувствую, ну просто невозможно, что. И мне наплевать, как это называется: самовыражение, постмодернизм, или какой другой «изм». Пишу и радуюсь, вот, смотри, смотри, милостивый, мой славный, дорогой Господи. Я же то самое делаю, праведное, верно? И не отступлюсь уже, не думай. Сам себе докажу, всем, всему свету, что могу, что сторож я — только начинающий. И сторожу я не больше — не меньше, а жизнь. Нет, слово это как-то не подходит, ну «жизнь». Разве ее можно стеречь? Сиди, карауль, а она свое дело туго знает. Течет себе, где петляет, не без этого. Но ведь движется, развивается. И я — туда же. С ней вместе. Ох, Господи, хорошо, однако, жить, ей-богу, хорошо!

Видишь, как краски ложатся? Почти, как на том самом Байкале. Бродяга, он что? Он только горесть-то и увидел, только хмарь болотная и полезла из всей его истории. А Байкал он какой? Да что я, сам знаешь, какой. Великий, вот какой. Синий, тихий, могучий. Ну, почти, как русский язык. Только спокойнее и достойнее. «И голосом чистым выводит...» Да, запоешь тут.

Ась, ты где? Нет тебя? Да знаю, знаю, не расстраивайся, я это так только, для проверки. Я теперь сам буду мастырить эту житуху, сам. Без тебя, без Витьки, без никого вообще. Хитрю, конечно. Есть одна сила, которая мне помогает и поможет. Она знаешь, где? Не знаешь. А все очень просто: она во мне и запрятана. Я, конечно, догадывался, но только наружу не очень-то старался это выказывать, не очень. Все цеплялся то за Асю свою, то дел придумывал невпроворот. В горы, в поля, в экспедиции. Между всем этим картины свои писал, делился, можно сказать, впечатлениями. А главное пропустил.

Господи, сегодня же двадцать пятое декабря. Ох, как любили мы оба это предновогоднее время, как ждали не сам Новый Год, а именно эту пору, когда все еще впереди, когда можно все начинать: и надеяться, и планировать, и мастырить все, что угодно. Любили. Да что это я в прошедшем времени? И сейчас — ЛЮБЛЮ, понимаешь, люблю. Да нет, это я сам с собой, ты не подумай чего, я вполне в норме. Какой сегодня день, вернее, ночь! У меня все будет, как положено: и чистота, и еда, и, даст бог, картину закончу.

Когда синеют облака над домом,
Когда луна бледнеет в небесах,
Мне кажется, что я, одариваем Богом,
Ищу мечту в нежнейших чудесах...

Представляешь, сам сочинил. Не бог вещь что, но все же. Сам! Сам-то сам, а куда дальше и что дальше? Ну, посторожу, ну, еще напишу что-то, пусть и очень хорошее, может, даже выдающееся.

Но я хитрю, я лукавлю, Господи, я почти начал понимать, куда двигаться и что делать. Все просто — «радость в нас самих», как сказал Ромен Роллан. Вот и замечаю уже подсветки, лучики отдельные этой радости, которой должно быть наполнено, напоено все вокруг. И прежде всего я сам.

Вроде что-то начинает прорисовываться, и такое синее, ну просто синь сама, именно так, как любила она. Но я не об этом, нет, это точно, Господи. Я больше о себе. Мне и самому нравится так, все сплошь синее: и горы, и реки, и гладь земли, и сам человек. Вот, потянуло меня на синенькое. Наверное, хочу вовсе от Аси избавиться, освободиться? Не знаю, но то, что силы стало побольше, откуда-то она взялась, — несомненно.

Ложусь спать и думаю: а правда, что я одинок? И что такое — это одиночество? Наверное, это такое состояние, когда ты совсем-совсем один и тебе не хочется, чтобы что-то менялось, чтобы кто-то пришел и нарушил этот распорядок жизни. Я хочу, пожалуй, быть одиноким. Какая же в этом есть своя прелесть! Не та примитивная радость, когда делаю, что хочу, иду, куда хочу. Это другое. И делаю вроде бы тоже самое, и иду известным маршрутом, а вот внутри меня все совсем по-другому. Я подотчетен только себе, нет надо мной ни опеки, ни наблюдателя, ни ниспровергателя, никого. Надо мной и над всеми Он один. В этом и трудность. Ты вроде бы сам с собой, но сознаешь ведь, что не все так просто, что так легко присвоить это чудное право ни за что не отвечать. И все же. Все образы, что так или иначе наплывают на меня, все фантазии и перетекающая откуда-то и куда-то реальность — это я сам.

Любила ли она меня, Боже? О чем это я? Опять за свое? Нет-нет, я только вопрос задал, не жду никакого ответа, да и не хочу его. Я ведь и не знаю, что это такое — «любовь», «любила ли»? Не знаю. Я чувствовал ее вечное рядом с собой дыхание, я физически утрачивал что-то в себе от ее отсутствия, я не мог заснуть, если не знал, что она где-то рядом, хотя бы просто в комнате. Я попросту не мог без нее обходиться. Я был зависимым существом, я целиком принадлежал тому, что теперь никак не отзовется в моем сердце, чему я не нахожу ответ. Любовь? Да знаю ли я и она тоже, что из себя она представляет? Есть? Нет? Нет ответа. Нет, ты послушай, обернись, боже, я и не хочу, правда, не хочу знать про это ровным счетом ничего. Я устал, я

захлебнулся этой любовью, она прожгла меня насквозь, я выжженный маленький вулкан, который еще дымится, но уже никаких извержений: ни лавы, ни угрозы. Постой, это что же, я представлял какую-то, хоть и скрытую, но угрозу? Плюнуть бы на себя: не было этого. А вообще, как знать, нет уж, постой, дорогой мой, то есть, я сам. Плохо ей было с тобой? Почему она ушла? Что заставило ее сделать этот шаг и неужто ты сам ни в чем не виноват?

До болезни все ее только и корил, и упрекал, теперь новые ощущения и настроения. С этим стремительным синим цветом я столь же явственно начинаю понимать, что я загнал ее в угол, что именно я создал такую ситуацию, при которой жить со мной стало невыносимо.

Пусть. Я, стало быть, к этому шел сам и ничего не мог сделать иначе, по-другому. Пусть. Ась, ты меня слышишь? Да скажи хоть словечко, ну подай знак, сколько же можно молчать. Я вот все беседую и беседую. То с самим собой, то с самим Господом богом. А мне больше не с кем, понимаешь? Не с кем. И потом, я теперь одинок. Надо признаться, это приносит мне удивительное упоение сладостью и неизбежностью потери. Я горд и почти счастлив, что одинок, что ты покинула меня, Ася.

Думаешь, я опять шучу? Ну уж дудки. Серьезнее меня теперь нет человека. Да я и всегда был исправно серьезным гражданином, просто вел себя обычно таким образом, что всем, и в том числе, моей жене казалось, будто я — самая несерьезная личность, какая только может быть. Ну, сдалась ей эта серьезная, постоянная, в государственной конторе работа! Не мог я сиднем сидеть в окружении плоскомыслящих граждан, которые откровенно «делали» свою карьеру. Не мог. Я мог, зато, другое. Я пропадал в полях, я был сторожем, замечу, прекрасным сторожем (чего я только в своей жизни не сторожил!), я размышлял о потерях и утратах ничуть не менее глубоко, чем сам Кант; я, наконец, писал и пишу картины, делюсь своими впечат-

лениями. Дарю их. Это тоже вызывало в тебе, Ася, бурю негодования. Ужас, сама — бессеребренница, а от меня так и норовила заполучить какой-нибудь выигрыш, дивиденд. Несмысленыш, девчонка, бралась учить меня жить. Ась, ты что? Ты хоть сейчас услышь меня. Не учи, да и сама не учись, все это чепуха, глупости, живи, как живется, на таких, как мы с тобой, дураках, земля стоит и иногда поворачивается. Это наша с тобой глупость и непрактичность сподвигают нашу круглую волшебницу совершать над собой и над нами усилия и вращаться. То солнце увидит, то луну, то устроит маленькое светопреставление в виде затмения или ночи на полгода где-нибудь в Заполярье. Черт-те что! Кружится! Да не в этом дело, а в нашей с тобой воле, в той необузданной энергии, которой мы эту землю снаряжаем и снабжаем. Сплошная ирреальность, почти постмодернизм. Но это же точно, я знаю, я уверен, проверял. Как? А вот как. Если весь, ну просто весь земной шар с его сколько-то миллиардным населением не захочет чего-то, ну чего-то очень важного и огромного, этому не бывать. Энергия людей питает и поворачивает не только землю, но и все планеты. Чепуху мелю? Как же, скажи, пожалуйста. Вовсе нет. Ты только вслушайся в движение, и в тягучее поскрипывание этой мощи. Слышишь? Она медленно так поворачивается с боку на бок, лет, поди вон, сколько, и все конфузится за нас, ее детей: сколько натворили. Ей уже и повернуться-то не так легко, а она все вращается. Скрипит себе, но дело свое знает, все вертится и вертится, боже ее сохрани!

Здорово, кажется, получилось, все и вправду синее. Я и хотел именно так сделать. Теперь и попеть не грех. Надоел мне, правда, бродяга со своим Байкалом, хочу вот другое. Да что-то все не веселое вспоминается. А, вот. «Эх, дороги, пыль, да туман, холода, тревоги, да степной бурьян. Знать не можешь доли своей, может крылья сложишь посреди степей». Далась мне эта степь. Все она, родимая, и она. Ну да, я ж все про землю размышляю, о ней все пекусь и пекусь. «Может, крылья

сложишь...» Сильная вещь. Тяжело, видать, мужику было, если такую глубину копнул. Мне не легче, вот и набрел на эти слова. У, красотища синяя моя, ну, мужик, ты и даешь. Видела б тебя твоя благоверная, небось, от радости затанцевала бы вся, засветилась, запела. Здорово она, конечно, пела. Особенно эту: «Не брани меня, родная, что я так его люблю». Странное все же дело, что ей виделось в этих словах, что хотела передать? Даже непонятно: такая вся из себя современная, а любила только романсы, причем, все больше старые, ну совсем старинные какие-то. Ласточка моя. Нет, что это я? Глупости одни, никаких тут ласточек, все больше воробьи и вороны, иногда встречаются коршуны. И точка, и никаких соплей, ясно? Слышь, Североморск? Это я себя так иногда называю, чтоб помнилось то время морское, чтоб не сдрейфить, если что. Понятно? То-то же. Вольно.

Вот так, стало быть, вольно. Поэтому приступаю к следующему этапу психологической реабилитации. Где моя многострадальная карта бывшей огромной страны? Хорошо хоть, карта сохранилась. Страна — тью-тью, очертания еще живы. Есть идея. Где у нас тут знаменитая Вологда? Вот она, вот. И леса рядом, стало быть, все в порядке.

Идея проста как брюква. Потянуло на подвиги, в путь. Значит, выполняем. Рюкзак, масло, спички, консервы, прочая привычная экипировка и припасы. Засиделся, надо бы по лесу прогуляться. Давненько вынашивал мысль: а не найти ли тот старый-престарый хутор, где церквушка стояла заброшенная? Все описание, все приметы — есть. Надо только записи заветные достать и освежить рассказы Захария. Четыре года назад была моя последняя вылазка, правда, эти места не удалось захватить. Но рассказ помню, как сейчас. Тетрадка заветная, план — все сохранилось, вот радость-то. Надо действовать. Билет нынче — не проблема, главное в другом. Оторваться от этого дома, наконец, и понять, что цель — повыше синей картины. Над собой прежним бы подняться. Да никакая не патетика, про-

сто человек так устроен: худо ему, плохо, скис совсем. Проходит время, плечи расправляет и дело делает. Слабак не потянет. Так что остается? То-то же. Значит, иду. Других мнений нет. Вопросы будут? Вопросов нет. Дом запрю, благо — чистота, порядок, уют, по ее словам. Но уже не тяну я этот уют, пора. Прощаюсь с тобой, дом. Без эпитетов, просто «дом». Жди меня, я вернусь. Стой себе и жди.

Тяжела ноша, но своя, стало быть, не тянет. Курс ясен, цель принята, что же еще? Идем, значит. Хорошо, что засветло добрался, а то, не приведи Господи, ночью в эти места явиться. Все, пропадешь. Вспомню старый опыт: ночевку в лесу, рытье норы для ночлега, не так уж много времени прошло после последнего вояжа. Не пара же десятков лет. Ночь. Иммануил — не знаю, как величать дальше, — но святое имя помню на всю оставшуюся — Кант. Как у нас здесь со звездным небом? Все в порядке, все звезды светят и располагаются прямо над нравственностью в себе самом. Что еще здоровому мужику нужно? Только звезды, только путь, только... Да что там еще, кто это может знать? Знать-то, может, кто и знает, да кто ж вслух скажет, если это знание, а не трепатня какая? Кажется, я все уже знаю про себя хотя бы. Что я жив и почти здоров, что я — несвихнувшийся пока мужик, который хочет доказать себе и людям, что можно не ходить в казенные учреждения и продолжать жить. В смысле полезности и какой-никакой миссии. Осталось только дойти, на это нужно суший пустяк: световой день. Отыщу, завтра же отыщу и что еще может быть нужно? В каком она теперь состоянии, эта церковь? Есть ли колокол? Скорей бы завтра. Спать.

А-а-а. Кто бы мог... Уйди, ты что, сдурел? Ты же спать должен, в берлоге своей лежать. Ты что путаницу в природу вносишь, наступаешь на законы эволюции и естественного развития? Ты че? Совсем псих? Да больно же, а-а-а. Ну, держись. Раз так, я не поща-

жу ведь. Черт, где он, а, вот. На, получай, на тебе, еще, на. Во кровящи-то. Чья: его, моя? Больно, однако. Хорошо еще, что все видно, звезды спать пошли. Ах, как дерет. Все равно пойду. Как же я просмотрел, как? Дурья башка. Надо же, след даже стелется, как в той песне про Щорса. Помню про Щорса. Но не вытянуть куплет. Школу помню, утренник, «след кровавый стелется по сырой траве». Тут тебе не травка, а белая пушистая синь. Только бы доползти, увидеть. Сколько Маресьев полз, сколько там дней не ел, не пил? По части «пил» — все в порядке, снега навалом, но с едой... Да нет, и здесь пока не напряг.

Ведь что я, дурень, удумал, Господи? Дойти и не просто поклониться, но остаться там, у храма, хоть и разрушенного, хоть какого, но остаться и начинать дело делать. Большое, длинное. Наверное, за самоуверенность свою и схлопотал, не так ли, Господи? Помоги мне только увидеть ее, не помирать же, в конце концов, в этой пустыне? Тоже мне, геолог хренов, куда намылился? Зимой на медведя напоролся, это кто поверит? Ничего, силы есть, еды хватает, только бы доползти, людей увидеть, а там все само делается.

Куда же все пропадает, где я? Тихо, как же здесь тихо, красота. Кра-со-тища-а-а! Вот она, вот она, мленькая. Да что ж тебя так бросили, так осквернили? Хам все-таки человек. Не его, так и не надо. Но ведь теперь не так? Нельзя сказать, что не его, не человека? Куда мы вернулись, что так все запродали, от всего отвернулись?

Господи, слышишь меня? Прошу тебя, дай еще немного сил, совсем немного, чтобы добраться и руками потрогать. Вот ведь человеческая наглость: то просил только увидеть, теперь уже руками хочется прикоснуться. Знаю, что и это не предел: жить захочу, строить, позвонить. Изверги, небось и колокол уничтожили. Да вроде бы что-то просматривается, только брошенное, на боку. Ладно, Господи, только не покидай сейчас, вот именно в эту минуту. Мне еще надо успеть, мне так

многое надо успеть. Ты не знаешь, где моя Ася? Молчишь? А кто это в белом платье, не она ли? Да могла, конечно, тоже в Вологодские края пожаловать, но чтобы тут, рядышком оказаться — нет, не похоже на правду. Ась, ты меня слышишь? Я вот что-то встать не могу, куда-то ноги запропастились. Нет, они вот они, я их вижу, но какие-то непослушные. Или голова не слушается? В общем, что-то не то. Слышишь? Ушла.

Господи, спасибо, я все вижу, я даже руками прикасаюсь, я все понял. Ты считаешь, что мне пора? Нельзя повременить? Нет? Ну, что же, я готов. Это Асю свою я мог не слушаться, Витька, еще кого. Но тебя — нет, не могу. Скажу тебе правду: а хотелось бы. Знаешь, я хотел бы тебя послушаться и остаться. Я все бы выдержал, ты же веришь мне, Господи, все. И одиночество, и работу, и колокол поднять. Что ж такого я сотворил, что не позволяешь? Что? Неужели столько грешил? Знаешь, я знаю главный свой грех. Знаю.

Но думал по наивности, что все мне уже скопилось, что за временем забылось. Видно, ошибался. Это ж лет двенадцать назад было. Ох, и не любил я этого мужика. Все учил, как жить. Сам ни бельмеса не знал, не понимал, а все поучал. И в той последней экспедиции он ушел один в тайгу. Ночь, нет его. Все ждут, кто пойдет и когда. Никто его не жаловал. Вызвался я, думал благородным быть. Но кишка тонка оказалась, не нашел я его. А, может, не очень и хотел найти. Короче, без него в лагерь вернулся, один. Но помню об этом все годы. Грех это мой, знаю.

Еще что? Да кроме Аси и нет ничего. А кто скажет, грех это или просто божье наказание: любить и страдать, верить и подозревать? Нет, это за грех, за вину свою принять не могу. Прости, Господи, мою гордыню, знаю, что глупость спорол. Ася — мой самый главный грех, мой самый главный палач, мучитель. Она — мое все, понимаешь, Господи? Я крепился, я гнал мысли о ней, я изживал ее в себе, но все напрасно. Где она теперь, Господи?

Вот опять показалось, что она мелькнула в белом платье. Холодно же, не простудилась бы. Защити ее, Господи. Даже если мне уже не суждено будет ее увидеть, защити ее, помоги ей. А, может, и прости. Я же простил. Я все простил. Значит, и правда помираю, если мысли самые светлые. Я еще здесь, еще живой? Кажись, да. Значит, соображать могу. Чего это — все? А, может, совсем и нет? Поборемся? Все ясно и хорошо видно, все помню, ничего не путается. И ты все же... Да-да, понимаю, Господи, не вечно же мне сопротивляться. Думал, что, мол, тридцать три перешел, значит, второе дыхание открылось, значит, еще долго протяну. Ничего, почти сорок натянул уже, тоже неплохо.

Ладно, скажу главное, за что ты меня. Это сын, Ванька. А что я в ту пору мог сделать, чем помочь? Бился, через суды прошел, не один год бился. Но потом, правда, отступил, не выдержал, плюнул на все, Асю встретил. Прости.

Да нет, ничего я не вымаливаю, я пытаюсь вспомнить все прегрешения и этим-то снова совершаю грех. Как можно вспомнить все? Это невозможно. Каждый день — грех и радость, боль и легкость. Шел сюда и верил, все смогу. И надо же, в чужих краях каюк приходит. Никогда не думал, что буду все так явственно осознавать, соображать и даже сопротивляться. Как там, Господи, пора, или есть еще время? Молчишь? Вот и Ася молчит. А я нет, не все еще сказал. Или спел. Наверное, тот мужик из песни тоже вот так же полз, полз и замерз где-нибудь под своим Байкалом. А потом и появились эти самые дороги, где пыль, да туман. А то, что «холода» — это точно. Вижу вот снег, соображаю, что, наверное, холод, но мне тепло, мне даже временами жарко. Не веришь? Да вот, я и куртку скину. Все легче.

Когда это было? Дашь еще чуток времени? — я вспомню. А было в апреле, когда все зелено уже в южных краях и когда у Аси в полный рост аллергия начиналась. Мать ее там жила. Вот и оказались мы в

тот год у нее. Ох, и хороша была Ася тогда. Да и все бы ничего, если бы не бесконечное чихание и насморк, ужас. Шли мы с ней на базар, на чудесный южный базар, проходили мимо каких-то кустов, где особенно резко пахло свежим весенним духом и тут Асе совсем стало худо: не останавливаясь, раз сто чихнула. Но что значит молодость и беспечность! Мы хоть и расстроились, но не поддавались отчаянию, еще не знали, что с подобным можно и в больницу загреть, что потом, кстати, и случилось, но уже в нашем цивилизованном городе. А тогда было прекрасно, шли, смеялись, накупили всяких фруктов и опять той же тропинкой домой возвращались. И вновь этот куст. Асе снова плохо. Опять стоим, корчимся от смеха. Сопливую и чихающую, как же я любил ее в эти минуты!

Ась, ты меня слышишь? Я знаю, знаю, что да. Ничего, крепись там, пой свои романсы. Бусы твои в той же коробочке, ты найдешь, а зимнее все сложил и пересыпал. Знаешь, такая смешная бабулька продавала лаванду в метро. Представляешь, именно в метро, не где-то. Я купил, все твои тряпочки зимние переложил, так что моль пусть отдыхает. Не унывай, Ась, все будет хорошо, главное — будет, ты так и знай. И — верь мне. Я никогда тебя не покину, даже, если сейчас и не выкарабкаюсь, все равно буду с тобой, не дрейфь. Смирно, госпожа. Витке привет передай. Слышишь? Ася-а-а...

Знаешь, чем пахнет, Господи? А тем кустом, у которого мы стояли с Асей тогда, в апреле и долго-долго смеялись. Как же чудно пахнет этот куст!

*23 ноября — 5 декабря 2003 г.
г. Москва*

Конец.

ЭЛЕКТРИЧКА

ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мужчина, **Кононов Иван Ильич**

Маша

Петр

Офицер

Капитан

Главный военный

Добрый пассажир

Храбрый пассажир

Баянист

Контролер

1-ый военный

2-ой военный

Обычный вагон пригородного поезда. Поздний вечер. Пятница. Лето. Уже много свободных мест, народ рассасывается. Говорят, выпивают. На сиденье рядом Маша и Петр. Мимо проходит отлучавшийся покурить хмурого вида мужчина.

Мужчина. Холодно, окно закрыть бы. (*Сам и закрывает*). Чего смотрите? Холодно, говорю.

Молодые люди кивают, но в разговор не вступают.

Ну, что ж, молчите себе. Я везде позакрываю.

Добрый пассажир. Здесь оставьте, еще не так холодно, пусть ветерок...

Мужчина. Ветерок ему... А ничего больше не хочешь? (*Он почему-то выставил кулак и тряхнул им пару раз*).

Добрый пассажир. Отчего же, можно кое что. Например, музыку бы хорошую, а не эту, что уши закладывает совсем. Вы это напрасно кулаками, я человек мирный.

Мужчина. Знаю я этих мирных. Все они одинаковые. (*Раскладывает продукты из сумки, ест кусок колбасы, запивает чем-то из бутылки*). Навидался.

Добрый пассажир. Это заметно.

Мужчина. Чего это заметно? Молчи лучше.

Добрый пассажир. Вы сами разговор затеяли, я молчал.

Мужчина. (*Угрожающе*). Сейчас вот окно закрою...

Добрый пассажир. Да закрывайте себе, что с вас возьмешь?

Мужчина. Это ты брось, «возьмешь». С меня еще много чего можно взять. Например, вот часы, видел? «Ронсон»?

Добрый пассажир. Да не «Ронсон», а...

Мужчина. Да не учи меня, сам знаю, что «Слава»,

но тоже блестят. Не учи меня, я, знаешь, какой ученый! Насмотрелся. Теперь все, еду вот.

Добрый пассажир. И куда же вы? До Александрова? Неприятные, скажу вам, там места.

Мужчина. Ты это брось, это мои места, родимые, можно сказать. Семь лет без них маялся. Вот, со «Славой» возвращаюсь.

Добрый пассажир. А-а, теперь понятно.

Мужчина. Ничего тебе не понятно, ясно? Думаешь, все понял про меня? Зря. Ошибаешься.

Добрый пассажир. Можно, я помолчу немного, подумаю? Это, знаете, никогда не вредно.

Мужчина. Нет уж, не помолчишь. Говорить хочу. И даже петь. Слыхал новую песню «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь?..» Не знаешь, не слыхал? То-то. «Да здравствует созданный Богом народов единый могучий Советский Союз».

Поет все громче, провоцируя пассажиров обратить на себя внимание.

Маша. А нельзя ли потише?

Петр. Разорался тут. Смени мотив.

Мужчина. Я тебе сейчас вывеску-то сменю. Будешь тут вякать. Про Советский Союз ему не нравится. А что ты можешь знать, что? Хорошо тебя мамка в сад-школу водила при Советской-то власти? Забыл, неохота вспоминать, что с колбасой трудности были? Да, теперь ешь — не хочу. А где твоя мамка отдыхала в последний раз? В огороде кверху карнизом, свои три кило огурцов собирая? Про Майями, небось, мечтаешь?

Петр. Слушайте, мужчина, вы мне надоели.

Мужчина. Без тебя знаю, что я — мужчина. Ты-то вот кто? Раз надоел, дай по морде и разговор короткий. Молчишь? Песня тебе моя не нравится? Спой,

давай спой какую-нибудь. Ну, к примеру, «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает, врагу не сдается наш гордый Варяг», пощадь никто не желает». Молчишь, слушать не желаешь?

Петр. Да, представьте. Устал, а вы тут со своим патриотизмом нелепым.

Мужчина. Ты, вошь болотная, что ты знаешь про это? Нелепым патриотизм быть не может. Знаешь, как Писарев сказал? Он сказал, что может любить отчизну, но не с закрытыми глазами. Думаешь, они у меня закрыты? Нт, браток, у тебя сузились, видеть ни черта не хотят. А видеть есть что.

Петр. Угу. Ясно, что вы лично видели.

Мужчина. Ты мне намеки брось, я все вижу, куда ты заворачиваешь, но ты ошибся, я не из зоны. Хотя этот опыт имею. А тебе попасть туда — раз плюнуть. Ты Родину любить не умеешь.

Петр. Слушайте, как это вы все ловко распределили: любить — не любить. Не мешайте, в самом деле, молчать.

Мужчина. Нет уж, я тебе помешаю, ты мне песню еще исполнять будешь. Слышал стих «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут?» С Украины еду.

Петр. Понятно, пошабашить решили? Теперь все просто: На Ярославское шоссе и как девочки на Тверской, предлагай себя. Рабочий день у буржуев — 8 долларов. Это в лучшем случае. А так — и трех не дадут.

Мужчина. Нет. В буржуям мне не надо, я домой еду, в славный город Александров, слышал про такой?

Маша. Петь, давай пересядем.

Мужчина. Сиди, девушка, не прыгай, лучше скажи, в каком платном вузе учишься? На юриста — экономиста или так, про рекламу все будешь знать?

Маша. Вам-то что? Может, балерина я?

Мужчина. Шутить изволите, сударыня. Балерины так не разговаривают и уж точно не стоят. Очень уж у вас плечики опущенные, да и фигура не та. Так вот.

Петр. Черт-те что... Пошли отсюда.

Мужчина. Сядь. Открой окно, дыхни жизнью. Весь запотел вон. Небось, из нигилистов? Да вы разве про них знаете?

Добрый Пассажир. Мужчина, вы, конечно, человек начитанный, но, может, как-нибудь в другой раз поговорим? Поздно уже.

Мужчина. Понимаю. Ладно, молчу.

Маша. Отвязался. Чего он, как ты думаешь? Сидел что ли?

Петр. Не обязательно. Так, выпендривается. Но вообще что-то в этом есть. Все настроение испортил.

Маша. Тебе это просто.

Петр. Не лезь, хватит уже, сегодня уже три раза ругались., помолчи лучше.

Маша. Как ты думаешь, будут контролеры?

Петр. А кто их знает? Нам-то что, заплатим и ладно. У тебя сколько осталось?

Маша. Ничего Ровным счетом. Сам знаешь.

Петр. Забыл. Ну ничего, выпутаемся.

Маша. Что его так разобрало? И пел гимн даже. Только слово одно здорово заменил.

Петр. Ты не отвлекайся от темы. Я сотый раз спрашиваю: правда то, что сказала Любка?

Маша. А ведь и правда, ночь прозрачна и звезды блещут.

Петр. Еще больше часа ехать. Ты была с ним, говори?

Маша. Вот здесь говорить, при гудящих вагонах? Я устала. Я хочу спать. Я хочу домой.

Петр. Одно «хочу» каждый день, надоело.

Маша. Ты отстающий студент, Петр, и не знаешь, что

человек так и балансирует всю жизнь между «надо» и «хочу», а главное, что определяет все — это потребность в удовольствии. Чья теория, господин прогульщик?

Петр. Плевал я на твоих Маслоу с компанией. Я знаю одно: все женщины...

Маша. Не переноси проблемы на меня. Фильм с подобным названием имел отношение к мужикам, ясно? И это правильно, как говорит тетя Тамарочка.

Петр. Не хочешь отвечать? Ну, ладно, это тоже ответ.

Маша. Как ты мне надоел со своей ревностью, со своим Александровым, со всеми вместе.

Петр. Тебе бы такого! *(показывает на мужчину, который притих и смотрит в окно. Вдруг тот оборачивается).*

Мужчина. Напрасно вы, юноша, волну гоните.

Петр. Это в каком смысле?

Мужчина. Не притворяйтесь, сами соображайте.

Петр. Мы вам, кажется, не мешаем?

Мужчина. А ты слабак, скажу я.

Петр. Знаете что?..

Мужчина. Ну? Ну? Давай, размахнись, рука, разудишь, плечо. Слабо? Стихи пишешь о неверной любви? А она верная вообще-то бывает?

Петр. Вам ли об этом судить?

Маша. А вы, гражданин, кто по профессии будете? А то всех учите, учите, пропагандой занимаетесь. Кто вы?

Мужчина. Доктор Живаго. Слыхала? С войны еду.

Петр. Маш, давай пересядем.

Мужчина. Сядь. Смысл жизни, знаешь, в чем?

Петр. Интересно будет послушать.

Маша. Смысл жизни — в отсутствии этого смысла.

Мужчина. Нет, девушка, загнули вы. Даже в жизни есть смысл. И, надо сказать, он прост, как песня соловья. Но вам его не понять, вы не любите.

Маша. Я?

Мужчина. Да это присказка у меня такая: «Вам не понять, вы не любите». Вы-то, может, и любите, а — нет, так какие ваши годы? Полюбите еще.

Маша. Вы себя лучше утешайте.

Входят с двух сторон выгона контролеры. Маша толкает Петра, показывает на вошедших.

Маша. Я боюсь.

Петр. *(берется за сумочку на поясе)* Я с тобой. Только молчи. Говорить буду я.

Подходит контролер.

Петр. Уважаемый, мы не успели, вот, возьмите. *(протягивает деньги).*

Контролер. Да ты что, за двадцатку сто верст решил махнуть?. Нет уж, давай отсюда, пошли.

Петр. Послушайте, уже поздно...

Контролер. Спать хочется, понимаю. Вставай.

Маша. Не трогайте его, возьмите вот, бусы.

Контролер. А они, часом, не из золота? *(рассматривает бусы. Отдает их девушке)* Нет, никаких финтифлюшек, вставай.

Маша. Да мы вместе.

Контролер. Вместе и пойдём. Вперед.

Мужчина оборачивается, приподнимается, делает шаг к сидению, где стоит контролер, и падает.

Мужчина. Тихо....

Сначала все растерянно смотрят несколько секунд, затем Маша наклоняется, берет мужчину за запястье, смотрит на зрачки, пытается делать искусственное дыхание. Контролер тоже наклоняется, замечает в нагрудном кармане удостоверение, достает его, читает:» Кононов Иван Ильич, подполковник милиции Очаковского района...»

Контролер. Ого!

Маша. Вызывайте скорую, делайте что-нибудь.

Контролер. Будет станция, разберемся. *(Он достает мобильный телефон и говорит начальству.)* Слушай, Василий, определи тут скорую, мужчине плохо. С сердцем, наверное.

В это время подходит к мужчине добрый пассажир, склоняется над ним.

Добрый Пассажир. Секунду, девушка *(прикладывает ухо к груди, достает из кармана пиджака таблетку, подсовывает упавшему под язык.)* Скорее всего, сердечный приступ. Ритм нарушен, отчетливая экстрасистолия. Нужна помощь, тут нитроглицерином не обойтись.

Маша. Сделайте что-нибудь, он же вон, серый какой.

Контролер. Граждане, без паники, сядьте на места. Меры приняты. *(Идет в другой вагон.)*

Петр. Сколько хоть до станции? Куда вы?

Контролер машет рукой, уходит.

Контролер. Даст бог, дотянет.

Добрый пассажир. *(все так же склонившись над мужчиной)* Вы меня слышите? *(Продолжает профессионально делать искусственное дыхание.)* Так, чуть лучше. Еще, еще немного. Дышите, ну же. Вы словечко скажите, скажите, боритесь, тут бороться надо.

В это время в вагон входит припозднившийся баянист, из тех, что собирают в шапку. Поет.

Баянист. «С неба звездочку достану и на память подарю...» Черт, слова забыл. А, вот: «Про меня все люди скажут: сердцем чист и не спесив, с неба звездочку достану, та-та-та-та-та-та». Напрочь забыл, заработался. Граждане пассажиры, будьте милосердны. Час поздний, домой надо, не до звезд мне уже. Подайте кто сколько может.

Пассажиры явно недовольны действиями вошедшего. Наконец и он замечает неладное в другом конце вагона.

Баянист. Да, тут не до песен, это ясно.

На этих словах Мужчина открывает глаза и не может понять, где он и что с ним случилось.

Мужчина. Поют.

Добрый пассажир. Вам лучше? Вы слышите меня? Вы таблеточку проглотили? То-то. Теперь другую вот под язык.

Мужчина. Язык надобен не для таблеток.

Маша. Ну, все, оклемался.

Петр. Может, воды хотите?

Мужчина. Жить — да, а воды... можно и воды. *(Пьет).*

Добрый пассажир. Сейчас, уже скоро станция, вам помогут, не отчаивайтесь.

Мужчина хочет что-то сказать, но сил нету.

Пассажир. Вам надо постараться увидеть точку, цель, за которую можно ухватиться, удержаться надо. Тащите себя сами, помогайте себе.

Мужчина. Тащу, всю жизнь тащу. Ловись, рыбка, большая, ловись и маленькая.

Баянист. Он у вас с юмором тут. Значит, оправится. Хорошо еще, что не с товарами тут шастают. Со

мной все же веселее. Товарищ, не стесняйтесь, говорите. Я и стихи могу. Вот слушайте, «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...»

Добрый пассажир. При чем тут тучи? Успокойтесь пожалуйста.

Мужчина. *(Неожиданно)* «Не боишься никого, только бога одного.»

Баянист. А вы говорите! Я же знаю. Давайте, мужчина, возвращайтесь к жизни, хватит. Там делать нечего. Здесь веселее. *(Берется за баян).*

Добрый пассажир. Погодите вы с вашей музыкой, успеете еще. Дайте сосредоточиться.

Маша. Кажется, подъезжаем.

Действительно, поезд останавливается, но никаких врачей не видно. Девушка бросается к выходу, убеждается, что никто не подъехал.

Петя делай же что-то. Иди к кнопке машиниста, объясни.

Петя. *(Подходит к переговорному устройству.)* Вы меня слышите? Але? Здесь человеку плохо, надо врачей. Але! Не слышат. Сейчас побегу к первому вагону. Ну и порядка, кошмар. *(Бежит в другой вагон).*

Мужчина. *(Лезет в карман, пытается нащупать удостоверение, но его там не оказывается.)* Весело! Свистнули, выходит?

Добрый пассажир. Вы не волнуйтесь, это контролер. Он по ошибке, наверное, забрал. Да куда он денется?

Маша. Какие черствые, господа, что же делать?

Добрый пассажир. Успокойтесь, девушка, гражданину легче, его бы посадить. *(Обращается к баянисту).* Поможете? Вот парень сейчас вернется. Человека надо поднять с пола.

Маша. А, может, не трогать до приезда врачей?

Добрый пассажир. Тоже верно. Но подстелить все же неплохо бы. Что он так-то, на полу?

Граждане отдают кто – газету, кто – тряпку, которой грибы-ягоды были накрыты. Подкладывают мужчине под голову. Он открывает глаза.

Мужчина. Его величество жизнь распорядилась так, значит. Ладно пошутили и будет. *(Пытается встать, его удерживают.)*

Добрый пассажир. Это лишнее. Вам нельзя шевелиться, потерпите.

Мужчина. А, это вам я думать мешал? Виноват. Где тут музыкант? А, вот, вижу. А можешь цыганочку? Или нет, «Амурские волны»?

Баянист *(охотно).* Я все могу, только живите себе. Хотите, вот, «На сопках Манчжурии»?

Мужчина. Валяй *(пытается даже подпеть в такт играющему).*

Поезд, простояв на станции несколько секунд, двинулся, врачи не появились, ситуация сложилась абсурдная. На полу человек, рядом – то ли фельдшер, то ли просто понимающий что-то в медицине человек, баянист с песнями, немногочисленные пассажиры. Возвращается Петя.

Петр. Бесполезно. Сказано – ждать до конечной станции. Здесь никаких скорых не дозовешься. Слышите, мужчина, держитесь.

Мужчина. Значит, приказано выжить? Ясно. Исполним.

Неожиданно входит контролер и склоняется над мужчиной.

Контролер. Вот ваша краснокожая, господин подполковник. Что же вы так? Нельзя, не по уставу. Надо доехать. Какие теперь ночью врачи? Вы уж не подведите нас, живыми доезжайте. Слышите? *(кладет ему в карман удостоверение).*

Маша. Какой же вы черствый человек. Неужели нельзя что-нибудь придумать? Ну, просто скорую вызвать, без инструкций?

Контролер. Что вы понимаете, деточка? Без инструкций даже в вагон заходить нельзя, не то что экстренные действия предпринимать.

Петр. А если бы это был ваш родственник, вы также себя вели бы? Зачем-то вы бумагу его куда-то носили? Что она вам далась?

Контролер. Возьму еще тут с вами. Указание у меня, значит, есть. Ищем мы тут одного. Очень уж похож. Но это информация служебного порядка, не для всяких там. Через час, даже меньше, будет станция, я все подготовил, машинист в курсе. У нас тут свое ЧП: останавливаться не можем, и так еле тянем. Такие дела. Все сошлось. Что еще? Но человек этот... да, ладно, не о том речь. *(уходит)*.

Мужчина. «Прощай, свободная стихия, в последний раз передо мной...»

Баянист *(задетый не на шутку)*. Это вы бросьте. Давайте я вам душевную спою, все равно уже не зарабатывать. *(поет)*. «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина, головой склоняясь до самого тына?» Все хотел узнать, что за тын такой?

Добрый пассажир. Понятное дело: долу, земле. Поете, а не знаете.

Баянист. А вы много о себе понимаете. Небось, только пилюлю и можете положить, что еще-то? Нет, чтобы укол какой поставить. Граждане наркоманы, есть тут такие? У кого шприц есть?

Добрый пассажир. А содержимое определите вы?

Баянист. Не один на свете этот вагон. Добудем, только скажи, чего надо. Анальгин там, пирамидон?

Добрый пассажир. Если вы серьезно, надо папаверин, но-шпу, еще неплохо бы аппарат добыть для измерения давления. Здесь иногда ими торгуют.

Баянист. Так бы и сказали, а то один форс. Ждите

меня, я вернусь. Только музыку мою посторожите. *(уходит)*.

Маша. Действительно, что медлить-то? Может, и правда, что найдется у кого-нибудь? Петь, ты бы тоже поинтересовался. Хотя, ладно, музыканту скорее отдадут. Нет, пойдя все же за ним, так лучше, все же двое вас будет... Мужчина, вы пить хотите? Натя, попейте. Да не сомневайтесь, все будет хорошо, только верьте, вы же сильный. Вспомните фильм какой-нибудь хороший или что-то из личного. Держитесь.

Мужчина *(пытается приподняться)*. Фильм — да, это хорошо. «В шесть часов вечера после войны». Ах, не знаете? «Сегодня была война». Тоже не слышали?

Маша. Да что вам одна война в голову лезет? Вам позитив сейчас нужен.

Мужчина. Я же говорю, с войны я. Доктор Живаго. Вы не Лера случайно? Нет? А жаль.

Добрый пассажир. Очень уж вы разговорились, не тратьте силы зря. Да и разговоры теперь не уместны. Лучше правда, сосредоточьтесь на самом значительном и приятном. Вы в лесу давно были?

Мужчина. Я и сейчас там.

Добрый пассажир. Это правда. Но я не образно, а буквально. Представьте себе трели птиц, зеленые деревья, голубое небо. И— дышите. Вдох — носом и животом, выдох — ртом. И звук «у», очень помогает настроиться на хороший лад. И успокаивает. Попробуйте.

Мужчина. У-у-у. Смешной же ты мужик, ей богу.

Маша. Ему напряжение сейчас вредно А вообще-то это звук хороший, гармонизирующий. Он собирает энергию, его труднее произносить, правда, нежели «и» или «а», но что он очень ценен, это так.

Мужчина. А звук...? Впрочем, об этом позже, Лера.

Маша. Никакая я не Лера, оставьте ваши выдумки, отдыхайте.

Петр (*оказавшись рядом*). Теперь понятно, как ты можешь в душу влезть. Скажи сейчас, перед лицом страшного: ты была с ним? Отвечай.

Маша. Была.. Отстань. Мне сейчас не до признаний. Приедем — поговорим.

Петр. А что теперь говорить, если главное сказано?

Маша. Ты мне надоел, отстань... Отпусти мою руку, слышишь? Ой, больно.

Добрый пассажир. Молодые люди, все это не вовремя.

Петр (*взрывается*). А у вас все по рецептам? Все по распорядку? А где же он, воздух жизни?. Где? Вот, был человек — и все, баста.

Добрый пассажир. Полегче, что значит: был? И будет, уверяю вас.

Петр. Не хочу я вас слушать. Вот, вы все, равнодушное отродье современности: сидят, отвернулись, дело, мол, не мое. Что молчите? Может, и доктор здесь едет, а сам думает: на черта мне связываться, домой бы скорей, еще в ментовку заберут. Так ведь? Отвечайте, гражданин, так? (*Берет одного из пассажиров за рукав, но тот неожиданно разворачивается и сильно толкает Петра. Он отлетает, затем быстро встает и угрожающе подходит к сидящему.*) Так, значит? Ты доктор или кто? (*Тот снова сильно швыряет Петра и тогда и тогда он внезапно хватает что-то из заднего кармана, делает короткое движение и бросается на сидящего. Крик Маши не останавливает его, а только подстегивает.*) Говори, кто ты, говори. (*С этими словами он пытается ножом полоснуть мужчину, тот уворачивается, нож падает, завязывается борьба и Маша успевает подхватить нож. Крики пассажиров, суета, кто-то вскакивает с места и пытается пробраться к началу вагона. Образуется свара.. Вбегает баянист, видит все это безобразия, хватается за баян и оглушительно выводит.*)

Баянист. «Наверх вы, товарищи, все по местам, пос-

ледный парад наступает, врагу не сдается наш гордый Варяг, пощады никто не желает».

Ошалелые люди утихомириваются, Петр опускается на корточки, закрывает лицо руками, плачет.

Мужчина. Сядь. Сопляк. Туда же. Где Лера?

Петр (*утирает слезы*). И вы туда же. Я сам не знаю, где. Ей все равно. Всем все равно. Убью.

Мужчина. Кишка тонка.

Петр. Болееете себе — болейте, милиционер вы наш. А разговариваете как из зоны.

Мужчина. А я и есть из зоны. Ты тоже оттуда. Помнишь, зона отдыха, зона любви, да сколько их! Все — зоны! Все мы из зоны. А что говорю так — так ты умеи вглыбь смотреть, а не только прибаутки улавливать.

Добрый пассажир (*он все время не отходил от больного*). Разговорились вы очень. Не к месту это. Опасно. Вот, кажется, музыкант кое-что принес.

Действительно, баянист передает медику сверток, из которого торчат «медицинские уши», ампулы, шприцы. Пассажир измеряет давление, качает головой, набирает в шприц лекарство и хочет ввести его мужчине.

Мужчина. Может, и зря. Хотя лежать так — не здорово, это точно.

Добрый пассажир. Не уговаривать же мне вас, давайте вашу руку.

Мужчина. Валяйте. А где Лера? Куда подевалась? Ее мальчишка обревелся весь.

Маша (*входит медленно в вагон и приближается к мужчине на полу*). Я здесь. Вам лучше? Сейчас, скоро будет, посмотрите.

Мужчина (*ему сделали укол*). Плохо вы смотрите за любимым.

Маша. С чего вы взяли?

Мужчина. Что «с чего»: что плохо или что любимый?

Маша. Все шутите. Я тоже хочу на войну. А почему вы сказали. Что с Украины едете? Мне кажется, все это не так. А они, нет, правда, они не вас ищут? Контролер тут всякого наговорил.

Мужчина. Может. И меня, кто знает? Да только зачем я им сдался? Хотя...

Маша. Вот именно.

Мужчина. Вы — Лера. Вы это потом поймете. Не смотрите, а то я тоже заплачу, как ваш Ромео. А я пострашнее буду, почти Отелло.

Маша. А В Чечне вы тоже были? Я заметила большой шрам, когда укол делали.

Мужчина. В детстве в казаки-разбойники играл. Споткнулся, упал — гипс.

Маша. Опять вы. Это не с детства. Это недавний.

Мужчина. Лучше стихи почитайте.

Маша. Разве вы от этого бедлама еще не устали?

Мужчина. Помните? «Печаль в моих песнях, но что за нужда, тебе не внимать им, мой друг, никогда. Они не прогонят улыбку святую с тех уст...» Вы — Лера.

Маша. Молчите, вон, у вас глаза сами закрываются. Вам отдохнуть надо. Ехать еще долго.

Баянист ушел в другой вагон, пассажир-медик закемарил в углу, Петр так и остался между скамейками один, а храбрый гражданин вышел покурить в тамбур. Образовалось некоторое затишье. Вдруг дверь резко распахнулась, вошел контролер и еще один человек в штатском.

Человек в штатском. (наклоняясь к лежащему). Вы — Кононов Иван Ильич? Так. Год рождения? Вы меня слышите?

Мужчина. Год рождения? А с чего он вам?

Человек в штатском. Не догадываетесь? И все же лучше отвечайте. Я — капитан Овчаров Виктор Евгеньевич. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы откуда направляетесь, куда и с какой целью? Что у вас в сумке? Где бумаги, которые, как я полагаю, должны быть при вас? Вот примерно то, что мне нужно знать.

Мужчина. «Светит месяц, светит ясный, светит ясная луна...» ...Слова забыл. Хочу на равных быть, мне бы сесть. Вот, так-то лучше.. А вы, небось, опасаетесь, что я прямо из-под носа вашего в окно вылечу, что такую оперативность проявляете? Не волнуйтесь, капитан, давайте ваши вопросы. Год рождения круглый, как счастье — 1950, место — поселок Ашукино Московской области, образование... Впрочем, понимаю, не о том речь. Ладно. Поговорим.

Ясно, что сказанное далось мужчине с трудом, но он все же сопротивляется боли и нелепой ситуации, в которой оказался.

Человек в штатском. Вы давно покинули мордовский лагерь?

Мужчина. Слушайте, что ж это такое? Где субординация, в конце концов? Какие танцы, какие валенки?

Человек в штатском. Валенки? Вы о чем?

Мужчина. О глупости, которую вы пытаетесь усугубить. Про уши вокруг ничего не слышали?

Человек в штатском. Шутите? Ваше дело. Но по прибытии нам с вами надлежит проехать в военную комендатуру.

Мужчина. Надлежит! Вот и поедем, все лучше, чем на полу в поезде лежать полуживым. Вы сами-то знаете, что такое лагерь, хоть в одном из них бывали?

Человек в штатском. (он смутился от неожиданного вопроса). В лагере я был в качестве проверяющего. В Воронежской области.

Мужчина. Вы меня не поняли. Я не на допросе. А пока что хочется не об известных областях, а о детстве, пионерлагерях. Вы наверно, хорошо учились и вас награждали поездкой в Артек или что-то похожее. Так? И еще: в вашей семье, ну, у мамы вы один? Правильно, я так и думал. Но нынешнюю свою работу что ж так не любите? Ну совсем она вам не по душе. Что вы, что вы, я не хотел вас обидеть. Просто надо... а, впрочем., о чем это я?

Человек в штатском. Вы бы помолчали лучше. *(он начинает понимать абсурдность ситуации и нелепость своего рвения, с которым он принялся расспрашивать больного человека).* Извините, но я должен...я...

Мужчина. Не тушуйтесь, все нормально. Раз должны, будете знать. Главное — хотеть знать. А там дорога сама выведет. Закурить бы. Но... Ладно, дайте, я покручу хоть. Спасибо. *(берет у капитана сигарету, мнет ее в руке).*

Человек в штатском. Так вот, все может быть. В том смысле, что... Нет, вы не думайте... Слушайте, граждане, в виду чрезвычайной ситуации просьба переместиться в другой вагон. Все слышат меня?*(обращаясь к контролеру)* Помогите пассажирам перейти.

Возвращается храбрый пассажир.

Храбрый. Никуда я отсюда не пойду. Подслушивать не собираюсь. Лучше выведете поскорее этого сунка *(показывает на Петра).*

Тот поднимается с пола и сам направляется к выходу. Маша медлит. Смотрит в сторону мужчины. Иван Ильич Кононов оборачивается в ее сторону.

Мужчина. Лера, а вы останьтесь, чего там? Может, что понадобится? Как, капитан, оставим Леру? Ну. Вот эту милу. Гражданку? Вдруг потребуется капли

подать или рукав засучить? А добрый пассажир может быть свободен. Верно, господин начальник? Ну, все. Кажется, все разошлись. Что вас интересует кроме места рождения, что по существу?

Маша находится в другой части вагона, контролер стоит тоже у противоположной двери. Остались двое: гражданин Кононов и капитан в штатском.

Человек в штатском. Вы находились в лагере до 18 августа. Каким образом и с чьей помощью вам удалось покинуть его?

Мужчина. Вам бы на рыбалку теперь собираться, а вы с расспросами вынуждены приставать. Я вот только не понял, вы это серьезно или вам план нужен по сбору преступников? Вы как, на фамилию только ориентируетесь или располагаете другими, более существенными данными?

Человек в штатском. Вынужден заметить, что хотя мы и не в кабинете, а можно сказать, в чрезвычайных обстоятельствах, я хотел бы все же выслушать вас.

Мужчина. Предлагайте последовательность. Вам, верно, обычный разговор не вполне по душе? И здесь предпочитаете букву впереди поступка, интуиции, чего там еще?

Человек в штатском. У меня есть определенные основания предполагать, что вы и есть тот человек, который два дня назад самовольно покинул лагерь.

Мужчина. Поделитесь своими основаниями.

Человек в штатском. Нет. Не туда вы заворачиваете. Знаете, у нас в академии принцип был: сомневаешься, не души, отыщи аргументы. Я не то. Что сомневаюсь, меня смущает, прямо вам скажу, ваша странная манера держаться. Отчего это вы так уверены в себе?

Мужчина. Давно в органах? *(капитан неуверенно качает головой, давая понять, что вопрос не по существу).*

Ясно. Не хотите — как хотите, черно с белым не берите, вы поедете на бал? Заметьте, да и нет не говорите...

Человек в штатском. И все же. Ваш бал только начинается, разговор еще впереди. На станции, до которой осталось 30 минут, подоспеет, разумеется, и сопровождение, и помощь...

Мужчина. А в чем помогать-то? Я вроде никуда не бегу, да и ситуация к этому не очень располагает. Как вы на это смотрите?

Человек в штатском. (*приближающейся Маше*). Девушка, не надо, не подходите. Что вы хотите?

Маша. Я хочу сказать, что... Позвольте, я все же скажу (*подходит ближе*). У нас на 3 курсе есть один чудесный преподаватель. Он говорит, что первоначальное и — заметьте — самое подчас точное мнение о человеке можно составить в первые 4 секунды знакомства. У меня уникальная интуиция. Этот человек не может, просто не способен сделать ничего страшного. Обратите внимание на его руки и еще на... форму уха. Да, да, не улыбайтесь, это очень важно.

Человек в штатском. Я учту ваше пожелание, а пока...

Мужчина. Пока, Лера-Маша, может, скажете что-то лирическое, такое, чтоб за душу, а?

Маша. Не знаю, не идет ничего, знаете ли. А вообще постойте. Вот мы едем сейчас, вам плохо, нас еще почему-то выпроводили. У меня такое чувство, что происходит глобальная ошибка. Она вот, творится, совершается прямо сейчас. Вас приняли не за того, за другого человека. А у вас характер такой, ну. Словом вы всерьез только дело можете делать, а говорить, — тем более не по сути — серьезно не можете, поэтому и возникают у людей сильные подозрения. А вы соберитесь, плюньте на характер и скажите, как есть... Все скажите. Пусть отстанут от вас.

Мужчина. Как же я на характер плюну? Я его, может, как зеницу ока берегу?

Маша. Вот, вы опять.

Человек в штатском. Девушка, Маша, кажется, я вас понял, ваше намерение. Оно весьма похвально. Но мы должны продолжить разговор. Уж позвольте.

Маша. Хорошо, я уйду, только прошу вас, не наломайте дров, ему же плохо.

Мужчина (*весело*). В голове пусто, как в Таганроге. Хорошее лекарство ввел пассажир-доктор. Ни мыслей, ни памяти — ничего. Лера, вы идите, все будет хорошо, вот посмотрите. Идите. Вы на Украине-то были, все собираюсь вас спросить? Как, нет? Напрасно. Мы еще поедem туда с вами. Или, в крайнем случае, на Чукотку. Там не хуже.

Маша. Вам опять хуже. Я вижу.

Мужчина. На сей раз промашка, Лера. Фронт где-то там, а здесь — сплошные белые ирисы. Знаете, как они растут? Капитан, цветы такие видели? Хотя, да, в киосках их не продают. Я вам еще расскажу о них.

Человек в штатском (*убедился, что Маша отошла*). Понятное дело, я по-другому бы себя вел, если б не это: дорога. Но есть и еще кое-что, что не дает покоя. Скажите, вы в 2000-м попали в лагерь? Вы не ответили ни на один мой вопрос. И ваша группа была и в Чечне, и в Средней Азии. Вы не только руководитель, но и стратег, моральный организатор. Где эти люди, что с ними стало?

Мужчина. Как не ответил? А год рождения свой счастливый назвал.

Человек в штатском. Ерничаете, понимаю. Вы и говорить не хотите, и уйти не можете. Вам хуже, чем мне. Хотя и мне хреново.

Мужчина. Вот первое ваше человеческое слово. Про лагерь — ни звука. У нас еще в запасе почти 20 ми-

нут. Остальное сделают граждане в других погонах. Вы, правда, в Артеке бывали? Ну, или просто в захолустном счастливом лагере?

Человек в штатском. База отдыха, вот где я бывал.

Мужчина. А вы не замечали, как спутаны у нас понятия: база отдыха, овощная база, база научная, еще там какая? Зона, база — все едино. У вас наручники с собой есть? Как, забыли? Это вы зря. А то заковали бы. Прокол вышел.

Человек в штатском. Скрутить вы меня не сможете, да и куда выскочишь отсюда?

Мужчина. С воображением у вас плохие отношения. Почти как с начальством, наверно. Выскочить можно везде и всегда. Не был я ни в каком мордовском лагере, равно как и в других отечественных зонах. Ездили когда-то по обмену опытом в Сан— Франциско, но там, поверьте, я ходил не в наручниках и уж точно по эту сторону камер. А вообще-то они там молодцы. Даже кондиционеры есть. Ничего, у вас еще все впереди, съездите, даст бог. А вот вежливые — ну почти как вы. Только вы — от неуверенности, а там — просто обученные.

Человек в штатском. Да, другой бы говорил с вами по-другому.

Мужчина. А почему, не скажете?

Человек в штатском. Потому что нарушивший, преступивший не может быть как все.

Мужчина. Может, хорошие у вас преподаватели были, да только не учитывали одного: прежде, чем учить инструкцию т всякий там официоз, хорошо бы поразминать Достоевского, поискать причинно-следственные нити, покопаться в подтекстах. Вот это — академия. А то сразу: к стенке, зевакам разойтись. А где поиск? Чего? Да чего угодно: истины, ошибки, мотива. Разве мало?

Человек в штатском. Вот вы говорите, не были,

но вас точно видели в 20 километрах оттуда, вы пересекали район Синея речки. И одеты были иначе, в руках большую сумку несли. Не она ли лежит на полке? Позвольте взглянуть.

Мужчина. Вы вчера вечером что делали? Ну, ужинали, футбол смотрели? А делали что? Нет, не отвечайте. Валяйте, берите сумку. Ничего, не ошибаетесь, все по уставу делаете? Все, как полагается?

Капитан берет с полки сумку, раскрывает ее и оттуда выпадает обрез. Молчание. Гражданин Кононов не двигается. Капитан берет в руки оружие, рассматривает, видит надпись. Читает: «На память истинному другу».

Человек в штатском. Это ведь как посмотреть. Да и кто друг — тоже трудно сказать. Вы ли, другой человек? У меня такое чувство, что я никак ухватить нить не могу. Не только в разговоре, но главное — в вашем характере.

Мужчина. Дался он вам, мой характер. Давайте лучше о грустном. Слышали когда-нибудь орган? Не самый лучший инструмент, но все же. Бывают в его звучании такие глубокие, такие бархатные, такие низкие провалы, что думаешь: вряд ли счастливый человек создал его. Вот со скрипкой, с роялем — вроде бы понятнее, там музыка звучит, а здесь — нет, не ноты, не музыка, а какая-то сакральная человеческая боль. Вы какую музыку любите? Уж простите.

Человек в штатском. Я гитару уважаю, а из такого... Ну, гусли, например. Я в Белоруссии родился, в селе. Там на гусях любили играть. И еще на мандолине... А вас правда видели и это правда были вы. Уж очень точно описали. И походку, и прическу, и это движение рукой, которое вы все время делаете. Не замечаете?

Мужчина. Плюньте вы на ваши инструкции, давайте эти оставшиеся минуты послушаем музыку. Слы-

хали, к примеру: «Начинается плач гитары, разбирается чаша утра. О, не жди от нее молчанья, неустанно гитара плачет, как вода по канавам плачет, как...» Вот вам ваша гитара.

Человек в штатском. Это не наш, не русский написал.

Мужчина. И все равно, забирает сильно

Человек в штатском. Если вы в лагере не были, то почему так прямо не скажете: не был, мол, ошибка вышла и все такое?

Мужчина. Любил я в школе двоечников. Они думать заставляли. Сидишь себе, видишь, за что им кол влепили и грызешь себя: учи, протестуй. Вы как к протесту относитесь, вообще ко всему тому, что вопреки?

Человек в штатском. А я не любил ни двоечников, ни отличников. Хорошистом был. Не догадывался, что истина не всегда посередине.

Мужчина. Вот девушка эта ищет истину в споре со своим сердечным другом, мы с вами— в отступлении от закона...»Как цветок раскаленный плачет над прохладой пяти камелий...»

Человек в штатском. Вы...вы не надо так: мы. Мы еще не знаем, мы или не мы. Пока мы — порознь.

Мужчина. Вот это уже рассуждение, это уже и послушать не грех. А собственному чутью как, не доверяете?

Человек в штатском. Хотите меня убедить, что вы хороший, что не все лежит на поверхности? Это можно и просто сказать, не мудрить так. Я к ясности больше склоняюсь. А вы все уходите от нее.

Мужчина. Ясность, молодой человек, есть в двух местах: на звездном небе и в себе самом. Не бойтесь, это не я сказал. Философ.

Человек в штатском. Откуда у вас обрез?

Мужчина. Не трожьте.

Человек в штатском. Такие надписи, да еще с подобным символом делают в весьма определенных местах. В зонах.

Мужчина. Именно там.

Человек в штатском. Стало быть, оттуда идете — шагаете?

Мужчина. Остыньте, капитан.

Капитан наводит обрез на Ивана Ильича, желая проверить затвор и неожиданно нажимает на него. Раздается выстрел. Подполковник хватается за плечо, оседает.

Мужчина. Всё, как у Чехова: если ружье, значит, стреляет.

Человек в штатском (*бросается к нему*). Черт, как же, как же так?! Контролер, вызывай скорую. Что значит «нельзя»? Можно все. Вызывай, беги к машинисту. Нет, свяжись с ним так, из вагона. Да делайте, в конце концов что-то.

Контролер (*подбегает*). Ну, ты даешь, генерал! Что ты натворил? Теперь что делать будешь? (*Кричит машинисту.*) Петрович, тут у нас ЧП, давай по своей важной связи дави куда и кому надо. Что «что»? Убили, почти убили человека. Этого, то ли полковника, то ли преступника. Действуй. Сил моих нет, ну и поездочка. Постой, у тебя там экстренная остановка не предусмотрена? А то уж точно помощь нужна. Да знаю я о вашей поломке. Все одно к одному.

Маша, услышав выстрел, влетела в вагон, склонилась над мужчиной.

Маша. Что с вами сделали? За что?

Мужчина. Было бы за что, совсем убили бы.

Маша. У них даже аптечки нет, звери. (*Отфырывает ку-*

сок ткани от подола юбки, прикладывает к ране.) Господи, ну что за жизнь! Сейчас, потеряете.

Мужчина. Успокойтесь, без паники. Рано вам еще на жизнь гневаться (*откидывает голову, борется с болью*).

Человек в штатском. Вот, возьмите, у меня тут рулоны бумаги. Она мягкая, хоть кровотечение остановит. Нужен жгут. Ну, дела! Дайте, дайте я сам. (*Пытается сделать из подручного материала перевязку.*)

Маша (*вдруг сильно, с размаху бьет капитана сумкой по голове. Тот успеваает удивленно посмотреть и тоже оседает на пол*). Граждане, где вы все? Давайте у кого что есть, дайте бинты, марлю.

Контролер. Стоп, куда вы все? Назад, не подходить! Прорывается Петр. Он подбегает к Маше, пытается оттащить ее от капитана.

Петр. Плюнь, отойди, ты видишь, куда все заворачивает? Давай смываться.

Маша отвечает и ему сумкой.

Маша. Слабак. Какой ты слабак. Отойди от меня, вообще пошел прочь. Давай, беги, беги, а то заберут, мамка заругает.

Петр. Дура! Какая же ты все-таки непроходимая дура. Ты была с ним, была, я это точно теперь знаю.

Между ними завязывается борьба: парень хочет оттащить ее от лежащих людей, тянет к выходу, Маша сопротивляется, бьет его, остается. Петр уходит.

Мужчина. ... «Так плачет закат о рассвете, так плачет стрела без цели, так песок раскаленный плачет о закатной красе камелий. Так прощается с жизнью птица под угрозой змеиного жала...»

Маша. Какой ритм! Кто это? (*Обнимает Ивана Ильича, гладит по голове.*)

Мужчина. Это Лорка. Слышите, как танцует его стих? То-то. Я вам потом по-испански почитаю.

Маша. Кто вы?

Мужчина. Я же говорил уже. Вы же Лера, да? Запомните, вы — Лера.

Маша. Хорошо, я согласна, но что теперь будет, что? Страшно. Разве вам не страшно?

Мужчина. А чего бояться? Вы — со мной, капитан, надеюсь, выживет после вашего рукоприкладства. Если что, то заметут вместе. Вот и начнем осваиваться. Правда, там не очень уютно, сразу предупреждаю.

Капитан постепенно приходит в себя, поднимается.

Человек в штатском. Красивые девушки всегда так. Сначала взгляды, уверения, затем — удар. Вы находчивая. А что у вас в сумке? Дипломная работа? Вы, наверное, прилежная студентка, больше всех написали. Да еще и переплели, наверное, гранитной крошкой. Мраморной, на худой конец. Хорошие стихи, Иван Ильич. Нам испанский дама одна преподавала, оттуда. Так она даже подтанцовывала, когда что-то складное говорила или читала. Я и Пабло Неруду знаю. Он все в любви к поэзии объяснялся. Как к женщине. Вам не лучше? Что теперь будет?

Граждане пытаются заглянуть, протиснуться вглубь вагона, но железный контролер стоит на страже. Однако некоторые все же пробираются, один передает пакет с перевязочными материалами.

Случайный пассажир. Я доктор, дайте, я пройду, хоть рану обработаю. Я все слышал.. Пропустите меня.

Контролер нехотя отступает, давая возможность пройти пассажиру. Тот помогает Ивану Ильичу, делает все оперативно, мастерски.

Мужчина. А где же наш фельдшер? Куда запропастился? Столько тут интересного, а его все нет.

Маша. Я видела, он спит в соседнем вагоне.

Мужчина. Крепкие, видать, нервы у человека.

Человек в штатском. Никогда не знаешь, где тебя стукнет.

Маша. Убила бы! Что вы наделали? Теперь вот сами отвечать будете. Пристали к нормальному человеку.

Человек в штатском. Нормальные с обрезками не ездят.

Мужчина. Мешают нам, однако, стереотипы: могут — не могут. Что вы можете знать, вы, молодой кэп, юноша двадцати пяти годов?

Маша. Не заводитесь, вам вредно. Молчите, еще силы нужны.

Человек в штатском. Причинение вреда по неосторожности. Тянет только на это. Я не хотел.

Мужчина. Да не переживайте вы так, все образуется, успокойтесь.

Маша. Вы — доктор Живаго, я знаю, вы что-то такое таите важное. Но пусть, ваше дело. Скажите только: вы ведь хороший, правда?

Мужчина. Девушка Лера, вы когда в шестой класс перейдете? Вы такая маленькая. Где ваш Ромео, кстати?

Маша. У Леры был не Ромео, его звали иначе.

Мужчина. Грамотная. Это хорошо. Книжки надо любить. Вы вот кого любите?

Маша. Боюсь, вас...

Мужчина. «И в полночь, на край долины увел он жену чужую, а думал, она невинна...» Там большим грехом считается, если девушка невинного юношу так жестоко обманывает. Я — невинен. Вы поняли? Я — юноша, которому от силы 17. И я — невинен.

Видно, что ему совсем плохо. Маша сидит, обхватив голову руками, покачивается. Выхода нет: все ждут станцию

Контролер (входя). Осталось 10 минут, надо продержаться.

Человек в штатском. Стихи, может, и помогают, только я бы сейчас на гусях что-нибудь сыграл.

Появляется заспанный баянист.

Баянист. Стоит отлучиться, всех перережут. Кого убили? Опять вас?... Специально для вас. Заказ принимаю. Что хотите?

Мужчина. Я хочу бутерброд и 50 грамм текилы.

Маша. Я тоже.

Мужчина. Как, и вы экзотику не отвергаете?

Маша. Я в Испании была, там впервые попробовала. А бутерброд — это я вам быстро организую.

Баянист. Испанию я не посещал, но Бэ са мэ могу (*играет и поет*).

Появляется Петр, ищет Машу, которая отлучилась в поисках бутерброда.

Петр. Где она?

Мужчина. Вы, юноша, о Лере?

Петр. А вы... Все из-за вас. Вы...

Мужчина. «У слабого всегда безвинный виноват...»

Петр. Бессильный.

Мужчина. Безвинный. Хотя как сказать.

Петр. Вы книг-то, наверное, не читаете совсем?

Мужчина. Почему же Букварь — он всегда меня по жизни вел. А вас, наверное, другая литература.

Петр. Да уж... Подумаешь, философов знаете. А известно вам, что все страшные злодеяния совершались просвещенными людьми?

Мужчина. Вроде вас, вероятно?

Петр. Все вы, все из-за вас. Маша, она хорошая, простая.

Человек в штатском. Да уж...

Мужчина. Это и к лучшему. Терпите, юноша, какие ваши годы!

Петр. Вас сейчас заберут, а мы останемся, так что вы напрасно стараетесь.

Мужчина. Вы у нас кто по профессии?

Петр. Я буду философом.

Мужчина. Философом не становятся, это — образ мыслей. А у вас образ... Вам бы лучше на место капитана. Может, получится? Хотя и там нужны думающие, да и философы тоже. Кстати, капитан, я не обижаюсь. Вы умеете думать. Вот и думайте, кому и зачем понадобилось мне передавать обрез. Есть версии? Поделитесь. Видите, я почти живой. Так что, валяйте.

Человек в штатском. Есть.

Вдруг поезд резко тормозит, останавливается, люди от неожиданности кто падает, кто еле удерживается на ногах, а в вагон входят трое в военной форме и сразу направляются к Ивану Ильичу Кононову. Главный среди них делает резкое движение рукой, похожее на приветствие и тут же приступает к делу. Поезд трогается.

Офицер (представляется) Воронов Сергей Петрович. Вы — Кононов, я полагаю? Вам лучше или... Говорить можете?

Иван Ильич пытается сделать ответное движение приветствия, это дается ему с трудом, он опускается снова на сиденье и еле сдерживает стон.

Мужчина. Да. Это так.

Офицер. По какой надобности в Александров?

Мужчина. Домой.

Офицер. Нам надо решить задачу: либо вы — тот, за кого себя выдаете, либо — не тот, и тогда возникают большие сложности. Нам известно многое, но требуется ваше пояснение.

В это время его помощники отводят в другую часть вагона капитана и там беседуют с ним.

Офицер. Вы встречались с Егоровым на территории лагеря и он передал вам ружье, точнее, обрез от вашего земляка, известного в преступном мире по кличке Клещ. За что честь такая?

Мужчина. Скажите, а ситуация такая скверная, что необходимо вот теперь, сию минуту отвечать, решать все разом? Кто убит, схвачен? Ненароком сбежал, повесился?

Офицер. Живы не все, это вы правильно заметили. Застрелен из похожего обреза житель соседней деревни, что в 20 километрах от лагеря и где вас видели тоже. Причем, без всякого сопровождения. Что вы там делали?

Мужчина. Навещал мать друга. А обрез ко мне попал, можно сказать, по ошибке. Предназначался он совсем для другого человека. Но его уже нет. А я вот пока остался. Пока.

Офицер. Говорите загадками.

Мужчина. Трудно уловить вашу тактику.

Офицер. Высадить вас теперь мы не можем, ничего приличного медицинского поблизости нет, придется эти оставшиеся десять-пятнадцать минут провести именно так.

Мужчина. Может, по прибытии и поговорим? Там меня, а может, и вас как раз и поджидает тот сюрприз, то доказательство, что многое способно разрешить.

Офицер. Так человек или обстоятельство?

Мужчина. Думаю, и то, и другое.

Офицер. Однако все же. Кто этот друг, почему зона? Не в гости же вы туда наведывались?

Мужчина. Представьте, в гости.

Офицер. У вас есть соответствующее разрешение?

Мужчина. Вот моя сумка, там бумаги, все остальное. Смотрите. Без всяких ордеров. А я устал что-то.

Офицер. Все это и мне самому не очень-то и нравится. Но видите ли, случилось убийство, причем, поначалу думали, одного человека, оказалось — двух. Один — наш сотрудник, военный, в чине.

Мужчина. Что же он там делал?

Офицер. Искал. «что»! Вот и нашел свой конец.

Мужчина. Офицера не видел, это точно, но вот мужика странного — да, припоминаю. Да кто в этой деревне не странный? Одеты все черт-те как, то ли с огорода, то ли из шахты повывезали.

Офицер. Вот именно, непонятно. Но что он делал, как шел, во что был одет?

Мужчина. Ничего особенного, все серое, до чрезвычайности. Смутила, пожалуй, сумка непонятного вида. Такие в деревнях не носят.

Офицер. Какая же?

Мужчина. Слишком приличная для тех мест и для ее обладателя. Она выбивалась слишком. На ней еще символ, знак какой-то был. Вроде иероглифа.

Офицер. Так-так. А на голове?

Мужчина. Сейчас. Да, вроде маленькой шапочки что-то. Похожее на тибетейку. Это я заметил.

Офицер. А куда он шел, заметили? И вообще, как он двигался? Спешил, осматривался?

Мужчина. В том-то и дело, что никуда он не торопился. Это было совершенно очевидно. А вот осматривался? Пожалуй, тоже нет. Было вообще впечатление, что места эти ему хорошо знакомы. Вот только, пожалуй, сумка и необычный головной убор.

Офицер. Понятно. Сумка-то объемная была?

Мужчина. Обрез поместится.

Офицер. Ну, ладно, с этим будем еще разбираться. Вы-то, вы? Почему, зачем, расскажите.

Мужчина. Можно (*медлит, мнет все ту же сигарету, совсем раскрошил ее*). Однако поезд задерживается. Еще когда сказали о двадцати минутах. Вспомнил, что-то там разладилось на путях? Уж очень медленно ползем. ..Друг у меня был, еще в середине 60-х. Хороший, волевой. Имелся у него один недостаток: вспыльчивый не в меру. Это его и подвело. Банальная в сущности история. Он —уже офицер, стал разнимать дерущихся солдат, здорово, надо сказать, дерущихся. Один был с оружием, у карального экспроприировал. Ребята, понятное дело, в ход его и пустили. Выстрел. Тогда и он, замечательный мой Арсений Павлович, вынужден был вмешаться. Не выдержал, выстрелил. Ни ругань, ни уговоры не помогали, они боролись насмерть, эти два солдата. А время — это вам не 90-е, когда диалог и все прочее стало возможно. Пальнул и попал. Попал крепко. Парень не выжил. Разбирательство, трибунал — и, конечно, итог: лишение свободы на 8 лет. Думали, больше дадут. Никто не хотел вникать, что все по большей части случайно вышло, что офицер воспользовался только своим правом, но... годы! Сами знаете, какие. Словом, посадили. Но я не оставил это дело, как мог, боролся. Сначала дали ведь вообще по всей катушке — 15, затем на три уменьшили и только спустя два года изменили на 8. Другом он мне продолжал оставаться. Однако по своим каналам я узнал, что он затеял неладное: побег. Я и поехал. Все очень просто. За кого уж меня приняли, не знаю. Ну и тащимся же мы...

Офицер. Красивая история. Благородная. Но вопросы есть в вашей части сказали, что вы уехали значительно раньше, чем оказались в той деревне. Где же подзадержались? Понимаю, вам не очень-то комфортно здесь, но все свои вопросы я обязан задать.

Мужчина. Ну, знаете, это вовсе не обязательно отвечать на все и вся. Есть ведь вещи приватные. Проверьте, ваше дело.

Офицер. Вы вот о матери упомянули. Почему-то странная случайность выявляется: друг сидел всего в 20 километрах от своей матери? Он что, из тюрьмы обрез увел?

Мужчина. Не все так просто. Мать жива, вернее, еле жива. Держала этот предмет для... Впрочем, нет, не могу больше.

Офицер. Продолжайте, пожалуйста, это самое главное.

Мужчина. До главного сами докапывайтесь.

Офицер. Я еще раз вам говорю: продолжайте.

Мужчина. Послушайте, офицер, вы в каком чине? Вот так, вспомните о субординации, господин майор.

Офицер. Я помню. А вот вы, вероятно, забываетесь. Хоть понимаете, что вас ожидает?

Мужчина. А мне плевать уже (*откидывается, пытаясь превозмочь свое плохое самочувствие*).

Офицер. Годы, говорите, изменились? Ничего не менялось в глубине системы, понимаете, ничего.

Мужчина. Вот это уже кое-что.

Офицер. Едете себе с неположенным оружием, ведете себя...

Мужчина. Продолжайте, ну что вы. Да еще и заставляете в себя стрелять должностное лицо, так, да? До чего только не договорится человек!

Офицер. Прекратите! Отвечайте на вопросы.

Мужчина. Хорош орать (*сам кричит что есть силы*).

Офицер. Надо и поору.

Мужчина. Эх, вмазал бы я тебе с удовольствием, да вот, обстоятельства.

Офицер. Я это запомню, господин раненый подполковник. Что вызывает мои сомнения.

Иван Ильич приподнимается, делает над собой усилие и дотягивается до физиономии офицера. С размаху бьет. Офицер от неожиданности отстраняется, затем хватает Ивана Ильича за воротник, трясет и приговаривает:

Офицер. Вы за все ответите, за все.

Мужчина. Непременно, если будем живы.

Поезд начинает тормозить, в середине вагона постепенно собираются все участники драмы. Нет Петра и случайных пассажиров, которых выпроводили в другие вагоны. Вбегает Маша.

Маша. Вы? Как вы? Я вижу, вам худо, совсем. Ну ничего, осталось немного. Если меня не подпустят к вам, знайте, я все равно вас найду (*дает ему бумажку*). Вот мой номер телефона, вы выкарабкаетесь, я знаю.

Заглядывает Петр, хочет проникнуть внутрь. Его не пускают, он силой прорывается, подбегает к Маше, хватая ее за руку.

Петр. Прости меня, слышишь? Только не оставляй меня, прошу, не бросай.

Мужчина. «Вернись, я все прошу...» Лера, вы слышите призывный клич? Откликайтесь! Вы еще так молоды.

Петра выпроваживают, Маша успевает задержаться на мгновение и сказать.

Маша. Не слушайте его. Только меня. Я чувствую вашу правоту, у меня, знаете, какая интуиция? Я до последнего буду на платформе (*уходит*).

В вагон входят два человека в штатском, приближаются к Ивану Ильичу, отдают честь.

1-ый. Иван Ильич, сейчас вас отвезут...

Мужчина. В комендатуру?

1-ый (замешкался). ...Отвезут в медсанчасть. Здесь есть приличная.

Мужчина. Вопрос в другом. Вот майор, он обиделся. Я прошу...

В этот момент, когда его пытаются поднять и в вагон вносят носилки, он еще удерживается, еще стремится стоять прямо и не упасть. Однако удается ему это с трудом.

2-ой. Дурацкая вышла история. Мы разберемся, он выздоровеет. (Укладывает Ивана Ильича на носилки.)

Подходят к капитану, говорят с ним тихо, уводят. Выносят подполковника к двери. У вагона оказывается Маша.

Мужчина. А, Лера...

Больше ничего он не может сказать.

Маша. Иван Ильич, вы... Да что вы?! Вы слышите меня? Где тут врач? Господи, одни военные. Где врач?

Подходит врач, наклоняется к мужчине, затем быстро приподнимает веки, делает движение рукой и говорит.

Врач. Нужна реанимация. Срочно.

Маша. Вы слышите меня? Миленский, слышите?

Подходит самый главный в прибывшей группе людей, достает бумагу, читает.

Главный. «Считать подполковника Кононова Ивана Ильича главным в группе по задержанию Бажова Виктора Николаевича, 1946 года рождения, уроженца поселка Ашукино Пушкинского района Московской области, осужденного сроком на 8 лет, который 18 августа с.г. самовольно покинул территорию СИЗО № 16\85 и числится в бегах. Предписано задержать и обезвредить преступника, имеющего при себе оружие. Срок исполнения — трое суток с момента подписания приказа. 19 августа 2000года. Подпись: полковник Крижанец В. И.» Вот так, значит. Что делать будем? Доктор, как там, плохо? Понимаю. Сейчас должна быть реанимационная машина.

Маша подходит к главному, тербит свою сумочку и спрашивает.

Маша. Позвольте, я с ним?

Главный. А кто вы ему будете?

Маша. Я ему буду... жена я ему.

Главный (оценивающе смотрит на девушку, что-то пытается оценить, высчитать, быть может). Давно вы ему жена?

Маша. Давно. Много лет.

Главный. Вам самой-то совсем... Я бы даже сказал, вы — почти девочка, ребенок.

Маша. А вы знаете хотя бы, сколько было лет женам декабристов, да и им самим тоже?

Главный. А, понятно, вы — спасительница. У вас — миссия?

Маша. Не стоит иронизировать в такой ситуации. Я — и декабристка, и просто волжанка, и — случайная попутчица. И — жена! И — вы слышите — я буду, я стану его женой, пустите меня, очень вас прошу.

Главный (разводит руками, смотрит внимательно чел на девушку и неожиданно произносит). Все кончилось,

понимаете, все трагически закончилось, и вам нужно время, чтобы прийти в себя. Произошла, можно сказать, трагическая ошибка. Разбираться и разбираться здесь. Его ранили, ему до того было худо. Словом, все сошлось. Эта его акция к тому же. Что, зачем он пошел на этот шаг? Кому нужно было это спасение человека против всех возможных правил и норм?

Маша. Спасибо за откровенность. Но он — такой. И он может заблуждаться. Значит, он считал, что так нужно. Я не военный человек и то понимаю, что заблуждение — часть человеческого интеллекта, воли, природы. Лишь бы не преступить. А разве он преступил? Он хотел предостеречь. Спаси, вот и все. Я не все знаю, но могу, видите ли, проникать в суть вещей... Мне так кажется. Возьмите меня на работу, я многое могу, правда. Вы Пастернака читали? «Во всем мне хочется дойти до самой сути, до оснований, до корней, до сердцевины...»

Главный. Вы вот нападаете, а понять не можете простой вещи. Кстати, вы только-только подступаетесь к истинам поэта, пока на пути к ним. Так вот, Иван Ильич преступил не закон, по всей видимости, а превысил свои возможности, свое видение ситуации. Существует соподчиненность причинно-следственных отношений. Он и друга пошел вразумлять, но, оказалось, опоздал, поздно, и к матери его двинулся, думал, причем, логично думал, что сможет настичь его там. Однако... Да что говорить... Цепь нелепых случайностей привела к трагедии. Такие вещи в одиночку не делают. Вот вы девочка еще, небось, литературу, психологию изучаете. Так вот, нелепости и несовпадения свойственны, скорее, комическому, но отнюдь не трагедии. Здесь же все наоборот, поправы, так сказать, законы жанра. Не замечали, что человек и руководствуется, как правило, самыми праведными, самыми лучшими намерениями. Вот — один из итогов.

Маша (*плачет*). Вы что же, вы думаете, что это конец? Нет, скажите, прошу вас, не молчите... Куда вы?

Главный отходит отдавать распоряжения, Маша садится на корточки, раскачивается из стороны в сторону, плачет.

Маша. Что, что теперь делать? Почему все так?

Храбрый пассажир становится возле Маши. Рядом — баянист, медик.

Баянист. Сейчас бы марш какой. Да вот ведь горе, куда подевалось мое оружие, в смысле борьбы с буржуазией?

Добрый пассажир. Мне кажется, вы его так и оставили на лавке, но теперь туда нельзя.

Появляется Петр с баяном, протягивает его баянисту.

Петр. Вот, почему-то оказался на полу. А я находился именно там. Время коротал таким образом. Впрочем, как и жизнь. (*пытается не смотреть на Машу и не обращаться к ней*). Беды, они как страусы. То голову подожмут, то лапку. Или как у них это называется? А вылезать все равно приходится, вот и накрывает тебя. Причем, самое удивительное, в неизвестном тебе месте и при самых нелепых обстоятельствах.

Храбрый Гражданин. Вы бы меньше рефлексировали, больше бы позитивом занимались.

Петр. Спасибо, я так и буду делать. (*Баянисту.*) Теперь уж сыграйте что-нибудь.

Баянист (*берет с нежностью свой нашедшийся инструмент, гладит его, сдувает пыль, прижимает к груди и начинает выводить забытую мелодию. Все замолкают. Звучит песня.*).

«Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет...
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут и плачут,
И плещут о борт корабля
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

*Поднимается с земли Маша. Подходит к подъехавшей реанимационной машине, молча стоит. Мнет свою смешную шапочку. К ней осторожно, неуверенно приближается Петр. Остаются на авансцене двое: добрый пассажир и храбрый, двинувший в дороге Петра. Уводят капитана. Офицер из поезда отдает распоряжения, командует Главный. Все это происходит без лишней суеты. И только Иван Ильич Кононов, теряя последние проблески сознания, произносит спекшимися губами:
«ЛЕРА».*

21-30 августа 2004 года.

Конец.

СЮР

ПЬЕСА

Трагикомическое развитие сюжета, в основе которого — давнее предательство и сегодняшняя драма с элементами мистики.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Олег — преуспевающий испанист, профессор

Зайков Филипп Геннадьевич — бывший сокурсник, друг-недруг, непреуспевающий и не испанист

Амалия Андреевна — жена Зайкова

Неля — любимая женщина Олега

Инга — девушка 18 лет, дочь Олега

Теодор Францевич — нотариус

Старик, Федор Савельевич — отец Олега

Старуха, Стефания Васильевна — мать Олега и одновременно Голос, который участвует в пьесе, время от времени возникая в ней

Горничная — она часто появляется по ходу действия, так и не успевая произнести в ней ни слова

Врач

Помощники врача

Посреди большой комнаты, которая используется как гостиная, стоит закрытый крышкой гроб. В комнате никого нет. Повсюду в вазах цветы, но складывается впечатление, что к тому, что является таким тревожащим и по существу главным в окружающем пространстве, они не имеют отношения, стоят сами по себе, олицетворяя покой и радость и даже преддверие чего-то торжественного.

Через некоторое время в комнате появляется человек, но такое впечатление, что он не входит, а именно возникает ниоткуда. Во всяком случае, трудно проследить, где та точка, откуда он взялся. Минует стоящий гроб, он останавливается и, стоя, пишет. Затем выпрямляется, окидывает взглядом комнату, потирает довольно руки и наконец идет по направлению к главному предмету, но тут его отвлекает голос.

Голос. Я все вижу, я вижу, что ты нервничаешь и что тебе не так уж все безразлично.

Олег приостанавливается, поднимает вверх голову и ничего не отвечает, так и оставаясь на месте и не дойдя до... гроба.

Голос. Что же ты не решаешься? Страшно? Всем страшно, но все живут по-другому. Ты — трус, ты беспощадный трус и нечего делать вид, что ты так спокоен.

Мужчина поворачивается на месте, не делая никаких шагов, затем решается.

Олег. День сегодня особенный. Ясный и без дождя. Целых три дня лил себе и лил.

Голос. И именно поэтому ты предпочитал не выходить из дома. У тебя была причина. Ты думаешь, что такой храбрый, что пробыл один на один со скорбью? Просто ты боишься дождя.

Олег. И пора выходить на улицу.

Слышится смех. Ясно, что смеются над его словами.

Олег. *(берет со стола колокольчик внушительных размеров и резко трясет им)* Сколько можно ждать?

Появляется женщина соответственно одетая и похожая на прежних горничных. По крайней мере на голове у нее какое-то подобие чепчика и вдобавок она в фартуке. Она даже делает книксен и молча останавливается.

Олег. Сколько можно звать? Смените воду в вазах. Уже третий день никто ничем не занимается.

Горничная кивает, подходит к вазе, поднимает ее с трудом и выходит.

Голос. Замашки! Как ты любишь эти барские замашки. Скоро, очень скоро придется распрощаться с ними. А день и правда ничего себе. Что же ты не звонишь Неле? Господи, какое противное все же имя. Была же Амалия, да мало ли кто был. Теперь — Неля. Никакое имя.

Олег. *(кажется, что он не слышит такого резкого, такого сильного голоса и действует и говорит вне этих реплик).*

Сколько пыли и это несмотря на влажную погоду. *(снова звонит в колокольчик и снова появляется горничная с вазой. Она ставит цветы и, не произнося ни слова, смотрит на мужчину).*

Олег. Я не раз просил вас убирать более тщательно, посмотрите, сколько пыли.

Женщина кивает, берет следующую вазу и удаляется.

Голос. Надоело, как же все надоело. Представляю, каково тебе. Выпей, тебе сегодня можно. Где твои виски?

Мужчина игнорирует сказанное, подходит к окну, отдергивает занавеску и на мгновение замирает, затем резко отворачивается и словно прячется за портьеру, чуть ли не впечатываясь в нее.

Слышится смех, принадлежащий женщине, говорящей откуда-то сверху.

Голос. Вот так-то. Еще не то будет. Скоро, совсем скоро.

Мужчина выходит из своего убежища, хватая со стола пепельницу и замахивается ею вверх, в сторону голоса. Однако снова не произносит ничего, что выдало бы его какую-нибудь связь с этим человеком.

Слышится резкий звонок, он повторяется и повторяется. Он все длится и кажется, что этот мерзкий звук не кончится никогда.

Быстро входит горничная и выжидающе смотрит на мужчину.

Олег. Что вы смотрите? Неужели не понятно? Никого не выпускайте, не смейте ко мне впускать.

Женщина кивает и берет следующую вазу. Уходит.

Голос. Боишься? Понимаю. А ты открой, открой, станет легче. Посмотришь.

Мужчина закрывает уши руками, пытается завернуться в портьеру и избавиться от душераздирающего звука вонка.

Дверь распахивается и в комнату вбегает разъяренная женщина. Как же она хороша! На секунду она приостанавливается, не видя мужчину, который так и замер в занавесках, оглядывается и подходит к гробу. Только теперь она стягивает перчатки и опускается на колени. За ней следом стремительно входит горничная, но понимает, что выпроводить вошедшую уже невозможно. Женщина стоит на коленях и смотрит на гроб. Она не плачет, не причитает, а только пытается справиться с волнением.

Неля. Вот и все. Все, все. Больше ничего не будет.
Ах...

Мужчина медленно выходит из своего укрытия и пристально смотрит на гостью.

Олег. Это все ты. Ты одна во всем виновата. Я ненавижу тебя. Как ты посмела прийти сюда?

Неля. *(поднимается с колен, теревит перчатки и говорит).* Это ты, только ты все сотворил и ты за все ответишь.

Она поворачивается, чтобы уйти и тут снова возникает Голос.

Голос. Вот и поговорили. Славно. Как теперь легко препираться: Ты — не ты... Бесстыдники.

Олег. Ты так ничего и не поняла, ты всегда думала только о себе. Уходи, уходи и больше никогда не появляйся.

Женщина громко, вызывающе хохочет, демонстративно поворачивается в каком-то странном танцевальном позы и бросает хозяину гостиную.

Неля. Давай-ка налей мне моего любимого питья, грамм эдак... да что там, сам знаешь. Вот так-то лучше. И уйми свою сумасшедшую. Я буду делать только то, что я хочу *(берет бокал и медленно и долго пьет золотистый напиток).*

Олег. Не приходи, понимаешь...

Неля. Все — то ты врешь. Ты же ждешь моих приходов, меня, ждешь. И я приду, когда захочу, ясно? А теперь я пойду. Но это я так хочу. Понятно? И приду снова, я вымучаю тебя, я загоню тебя самого в гроб, но будет по-моему. И молчи, молчи всегда, не смей мне перечить. *(Она хватая свою сумочку, колкает перчатки и, смеясь, удаляется).*

Голос. Слышал? «И не перечь» *(смеется).* А когда-то ты был хозяином положения. Правда, совсем недолго. Но был.

Олег поднимает голову и хочет что-то сказать, но сдерживается и отходит к окну. Вдруг распахивается дверь и снова влетает женщина. Она быстро подходит к мужчине, порывисто обнимает его и приговаривает.

Неля. Ну, ладно, все, все, я больше не буду, помучаю и все. И не плачь, все проходит, ты же знаешь. Я же хорошая. Ну, или почти хорошая. Что ты молчишь? Скажи же хоть слово, только не молчи. Ты опять начинаешь злить меня. Понимаешь, только два дня назад, как все случилось, а расклеилось ведь давно, совсем давно. Не из-за его ухода. Да и какой это уход, так, божье наказание одно. Ты скажешь слово или я...

Олег. *(отстраняется от нее, утирает лицо и тихо, медленно произносит)* Я все делал не так, не так, как нужно. И вот, всех потерял. И его, и тебя... Скажи, я ведь потерял тебя?

Неля. Что за глупости, какие потери? Ты себя не теряй главное. А он *(она указывает на гроб)* что ж делать, так случилось.

Олег. Но так не должно было быть.

Неля. Кто знает, как должно...

Олег. Это мы все, мы вынудили его... Он не хотел... Дележки, дом, недвижимость. Слово-то какое мерзкое: недвижимость. Вот пусть и стоит себе, не двигается. А мы ее все раскачиваем, все теребим, все пытаемся растащить в разные стороны. И за это получаем. Грех — он и в помышлении тоже. Стоит только подумать что-то несправедное, не благое — все, тебя тут же и прихлопнет.

Неля. Хватит причитать. «Благое»... Тоже мне, заговорил на каком-то языке. Раньше надо было думать, а не сводить всех с ума. Все, я пошла. Мы с тобой

после обо всем договорим. Не теперь. Сейчас мне не до этого.

Голос. Тебе всегда было только до себя.

Неля. Замолчи, старуха, я ненавижу тебя. Когда ты уже исчезнешь?

Олег. Не трожь ее, успокойся.

Неля. Это ты меня не трожь. Не дом, не семейство, а одни сумасшедшие. Сплошные больные люди. Я не могу больше и никогда не могла. Все, не удерживай меня. *(она снова вырывается и выбегает).*

Слышно, как сверху скрипуче поворачивается на петлях дверь. Медленно и ужасно скрипуче. Слышны и такие же то ли шаркающие шаги, то ли еще что. Входит горничная с вазой и собирается что-то сказать, но Олег нетерпеливо машет рукой и снова отходит к окну. В это время распахивается дверь и входит средних лет мужчина, держа в руках шляпу. На нем намотан несуразно длинный шарф, он в очках и время от времени снимает их. Он не сразу замечает, где прячется хозяйин гостиной и, увидев его наконец, произносит.

Зайков. Ты, Олег, брось эти штучки. К тебе не попасть, прямо барство какое-то. Развел тут горничных, черт-те что. Куда все подевались? Где Инга, зачем-то сейчас выскочила как сумасшедшая Нелька. Где остальные?

Олег. А кого тебе надо еще? Кстати, здравствуй. Вот, видишь ли, такие дела. Ждем-с. Должны вот-вот подъехать. Получается несуразица страшная. Впрочем, как всегда. Он *(указывает на главный предмет в гостиной)* здесь, а внутри никого. Его и ждем. Что-то там с бумагами не ладится. *(он почему-то начинает смеяться и нелепо выбрасывать вперед руки).* Это и правда не дом, то есть, дом, конечно, но не жилой, а с придурью. Одни бестолочи живут. *(Он еще делает движение корпусом какие-то побалетному и задирает вверх голову)* И там тоже. Ну, это давняя история.

Зайков. Остановись, остынь. Ничего трагического не случилось.

Олег. А, вот первое важное слово. Трагическое, говоришь? А что, смерть может быть комической или реалистической, какой там еще? Ты же у нас спец по жанрам и вообще... литератор.

Зайков. Дай слово сказать. Ты в гневе, это понятно. Но ему было восемьдесят семь, это цифра и с ней не поспоришь.

Олег. Что значит это твое «было»?

Зайков. А то и значит, что все кончено, что человека больше нет и что придется решать насущные и неотвратимые формальности, заполнять бумаги, куда-то ездить, с кем-то договариваться. И не то теперь время, чтобы так раскисать.

Олег. Раскисать, говоришь? А ты разве забыл, что мы оба должны были сделать, что он нас обоих ждал и не дождался? Ты помнишь об этом или только учить уму-разуму можешь?

Зайков. Отстань ты с этим. Ну, обещали. Не жизнь же, в конце концов, мы обещали.

Истерически хохочет Олег и все пытается развязать галстук, который никак не поддается.

Олег. Это ты брось. Все умерло, все. Нет его, нет в живых меня, ушла Неля, с ума сошла старуха, горничная не произносит ни слова; шок какой-то, а Инга... она тоже.

Зайков. Что тоже? Что ты всех хоронишь? Инга придет, она мне звонила. Что ты все события переводишь в какой-то запредельный ряд. Тоже мне Ибсен. Переключайся на дела, на конкретные, понимаешь, дела.

Олег стремительно подходит к Зайкову, хватая его за длиннющий шарф, тербит его.

Олег. Ты зажрался, ты один ни в чем не виноват. Только я ищу в вас всех и в себе тоже ошибку, вину, что угодно, А ты ерничаешь и... Как бы я врезал тебе сейчас.

Зайков (*усмехаясь*). Ну, врежь, что ж ты медлишь? Сюрреализм какой-то. Черт-те что. Отдай мой шарф. И вообще — иди ты со своими бабами, с деланными мечтами, этим бесконечным комплексом вины. Лучше бы не мучался, а при жизни живых вел себя иначе. Отдай мой шарф, подлец.

Олег. (*скручивает на шее у пришедшего его шарф все сильнее и тот уже вырывается и кричит*).

Зайков (*захлебываясь и делая конвульсивные движения*) А-а-а, пусти, дикий, пусти, урод...

Олег. Нет, не пущу, нет, задохнись давай, сдохни со всем.

Вбегает горничная с цветами, видит, что происходит, закрывает лицо руками и кричит: «А-А-А-А-А». Олег наконец отпускает Зайкова и опускается на корточки. Зайков поправляет шарф, волосы, потом подходит к Олегу и сильно бьет его. Тот падает и так молча и тихо лежит, не делая никаких движений. Зайков направляется к двери, но что-то его все же останавливает и он снова подходит к лежащему и снова бьет его.

Олег. Ты всегда был подлецом. Даже смешно: лежащего! Но ты прав, безусловно прав.

Зайков разворачивается и уходит. В дверях, однако, он сталкивается с молодой особой, которая робко и бочком пытается пройти в гостиную, но видит конец всей картины, где поверженный на полу мужчина лежит, закрыв лицо руками.

Инга. Как вы могли, что же это делается? Папа, ну встань, что тебе принести? Господи, как же все страшно.

Голос. Никому ничего не страшно. Все идолы и крокодилы.

Олег (*медленно поднимается, садится на полу, смотрит на Ингу*). Я не видел тебя целых сто лет. А, может, триста. Ты похорошела.

Инга (*она замечает впечатанную в дверь горничную и кричит ей*). Что вы стоите? Принесите мокрое полотенце, воды, еще чего-нибудь. Сумасшедший дом. Папа, вставай, что ты лежишь, идиотизм какой-то. А вы... (*она подбегает к Зайкову и трясет его*) Вы.. вы зачем? Скажите, что вам нужно? Отец и так намучался, а вы...

Зайков. Помилуйте, а что я?

Инга. Вечно вы со своими старославянскими штучками.

Зайков. А вот и ошибаетесь, нормальный слог грамотного человека.

Инга. Никакой вы не грамотный, а так. Выпендрей идиин. Все философов цитируете, а сами не по-христиански живете. Вы зачем его, зачем били?

Зайков. Девушка, отстаньте, милая, никто не бил, а дать в морду — это иногда и полезно. Впрочем, я пошел. Приведите его хоть вы в порядок. Действительно, черт-те что, не люди, а изуверы.

Инга (*подбегает к нему снова и трясет за его знаменитый шарф*) Это кто изувер? Это мы? А вы, кто вы? Нет в вас сердца, ничего нет, я всегда это замечала. Папа, вот, возьми, попей. (*берет из рук горничной стакан воды и прикладывает к его лбу полотенце*). Ни в ком нет сердца. Даже теперь, в эти дни... (*она плачет и в эту минуту возвращается собравшийся было уходить Зайков и присаживается рядом*).

Зайков. Глупая вы девочка, все образуется, все поправится, всем полегчает.

Голос. Скрытный какой, ужас.

Зайков (*помедлив и глянув вверх. Напевает слова известного романса*). «Уймитесь, сомнения, страсти».

Все хочу тебя спросить. Неля была, что сказала? Ведь наверняка сказала.

Олег. *(приподнимается, смотрит на Ингу и говорит ей одной).* В каждом сердце что-то есть, не печалься. Мы выберемся отсюда. Уйдем из этого замка с привидениями. Сплошные сюрреалисты. Сверху оракулы, из подворотни тоже. Все вещают и предсказывают. А никто не подумал, что время требует простых и ясных слов, отношений. Неужели все так запутано, что все обострилось и все поколачивают друг друга? Братцы, да что с вами, куда вы котитесь? Помните, как незабвенная Ольга говорила «коти-тесь»? Вот и вы. Или мы. Зайков, сними свой пошлый шарф, рассупонься, остынь, вели накрыть стол, пораспоряжайся, если уж ты такой умный. Хоть какой-то толк от тебя будет. Позвони, спроси, когда придут, чего там еще делать надо? Может, бумаги подвезти, может что? Давайте, займитесь в конце концов делом. А вы что замерли *(говорит горничной)*, крестьянка Лиза? Где ваш хозяйственный пыл? Только бегаєте и суетитесь. Пока не прикажешь, ничего не делается, ну ни-че-го.

Голос. Слова не мальчика, но мужа. Только Гертруда, где она? Вся вышла. А наемни ведь была.

Зайков *(рассупонивая свой шарф и подходя к Олегу).* Прости, вставай, я все сделаю. Скоро три и все соберутся. Я не уйду, поднимайся. Знаешь, у меня такое чувство, что что-то неожиданно переменится, что все вообще образуется.

Олег. *(усмехается)* А у меня такое чувство, что я пребываю в глупейшей комедии, которую ломают чужие мне люди.

Инга. Папа, ты это напрасно. Я могу тебя понять, но не перебирай. Я вот давно хочу тебя спросить. Нет, правда. Ты любил когда-нибудь?

(Олег заходится в приступе смеха, все никак не может остановиться, но наконец затихает и говорит.) «Степь да степь кругом, путь далек лежит. В той степи большой замерзал ямщик».

Зайков. Фальшивишь.

Олег. *(продолжает)* «Путь далек лежит...». Эх, ямщика бы, или на худой случай карету! И — долой все!

Голос. Нет счастья на земле...

Олег. В прежние времена я вызвал бы тебя на дуэль.

Зайков. Я же извинился.

Олег. Не за сегодняшнее. За давнее.

Зайков. Да что ты о прошлом. Забыл поговорку?

Олег. Я-то ничего не забыл, а вот у тебя, видно... память не особенно.

Зайков. Послушай, все сегодня на взводе, давай отложим наши распри до лучших времен. Стреляться, так стреляться, я не возражаю. Мне самому жизнь обрыдла. Или ты не на пистолетах предпочитаешь?

Олег. Я бы убил тебя с удовольствием, это точно, как самого близкого друга. Который еще и жену увел.

Зайков. Попрошу не передергивать. Ты ее сам бросил. Она вообще была никому не нужна или точнее... Впрочем, Олег, оствим и правда все. Это же твой отец, как ты можешь.

Олег. Я — могу. Представь, я все могу, даже это. Я не видел его целых пять дней, даже в морг не пустили, все было закрыто. Господи, как это все жутко. Я даже не знаю, какой он теперь и что толком произошло. Ну, авария, ну... Я толком не знаю, как это случилось, никаких нормальных свидетелей не нашлось. Что, ты думаешь, стоит? *(указывает на гроб).* Ведь по-нормальному, все должно было бы быть наоборот. А тут — стоит пустое пристанище для усопшего, но ни его нет, ни ясности, словом, ничего. А стол уже вынесли, так что садиться будем прямо здесь, вокруг. Сюрреализм и правда. Когда уже этот чертов нотариус придет?

Во все время разговора Инги в комнате не было, она приводила себя в порядок в ванной. На последних словах отца она появилась, облокотилась о стену и стояла, теребя занавески. Она все слышала. Только не поняла до

конца, как не ясно и читающим пока, что за тайна пролегла между двумя мужчинами, что их так ожесточает, мучает и в то же время роднит? А то, что роднит – это несомненно.

Инга. Все хотят покоя, но все делают для того, чтобы его лишиться. Что вы все делаете? Кого?

Олег. Вот именно.

Зайков. Помолчи, хоть сегодня не начинай.

Олег. А я и не трогал все двадцать лет происшедшее. Иногда экстремальная ситуация все проясняет. Хочется докопаться до истоков, до мотивов и причин.

Голос. Не закопайся. Дождь пошел. Карета едет.

Олег. *(закрывая голову руками)* Я не могу. Я не могу находиться в этом пространстве. Когда все кончится, я сбегу.

Зайков *(насмешливо)* Далеко?

Инга. Замолчите, хватит, как вы можете?

Зайков. Значит, говоришь, Неля была.

Олег. Я ничего не говорю, ты ее видел сам.

Зайков. Да уж. Выскочила как ошпаренная. Это ты ее обидел?

Олег. *(подходя к Зайкову и снова беря его за шарф).* Ты когда выбросишь эту чертову тряпку?

Инга. Папа...

Голос. Ты, девочка, кринолин одеть забыла. А карета, она вон уже.

На ее слова вроде бы и не обращают внимание, однако действительно вскоре раздается все тот же резкий звонок и входит горничная. По обыкновению она снова не успевает ничего сказать и никого объявить, как в дверях появляется грузного вида человек с тростью. Он выглядит очень несовременно, чем-то напоминает господина из другого, давнего столетия, впрочем, как и многое в этом доме. И многие. Он кивает, раздевается и горничная уносит его пальто, так и не произнеся ни слова. Вошедшего зовут – Теодор Францевич, он из немецкого рода, обрусевший уже человек.

Теодор Францевич. Однако стало холодать, а день предвещал столько тепла. Как вы, уважаемые дамы и господа, готовы?

Олег. Не все еще собрались.

Теодор Францевич. Ну что ж, не будем спешить. Да уж *(он косится на гроб)*, ничего хорошего. Однако дело есть дело и ничего не попишешь. Придется действовать. Вы ведь все знаете, что волю покойного требуется объявить – по его желанию – именно теперь, пока он не ушел совсем.

Теодор Францевич располагается неподалеку от гроба, осматривается, куда бы пристроить свои бумаги и выжидающе поглядывает на окружающих: как это усядутся они. Кто-то идет за стулом, кто-то придвигает кресло, Инга, оценив обстановку, делает круговое движение и садится прямо на пол. Даже наверху становится совсем тихо. Все замирают в ожидании. Настолько очевидна нелепость ситуации, когда люди должны рассаживаться вокруг объекта, таящего таинственный и вместе с тем трагический смысл. В этот момент слышен тот же самый резкий звук звонка и, опережая горничную, медленно входит женщина. Это Амалия, бывшая жена Олега и нынешняя – Зайкова. Здесто-то и кроется одна из загадок сложных отношений мужчин, то ли закадычных друзей, то ли...

Женщина стоит молча, не здороваясь и не делая попыток обратить на себя внимание. Она так красива, что этого и не требуется. Понятно, что появилась просто королева.

Инга. Что же вы, проходите.

Олег. Присаживайся, тут у нас, видишь вот, что...

Амалия все так же молча останавливается у стула, не садится, а только держится за его спинку.

Зайков. Ты на машине? Да не молчи, пожалуйста, и так тошно.

Голос. Вот, куда текут реки. Вода-то все стынет и стынет.

Амалия. Вы нарочно не топили? Может...

Олег. Ты хочешь камин? Я понял. Но мы боялись, что в этих условиях просто нельзя, жары нельзя.

Амалия. А тут и правда не так зябко. Я сначала ошиблась.

Зайков. На вот мой шарф.

Женщина иронически смотрит на протянутую вещь, но не касается ее даже, а отворачивается. Этот шарф, видно, надоел всем.

Амалия. Как у тебя, Инга, в училище, хорошо рисуешь?

Инга. Я не знаю, не мне судить. Но я так люблю это дело. Вот нарисовать бы вас сейчас всех тут, но это не мой жанр.

Амалия. Вы *(она обращается к нотариусу)* не даром, видно, нас собрали. Это что, правило такое нынче?

Теодор Францевич. Это воля Федора Савельевича.

Амалия. Но это против всех норм, правил. Почему теперь? Он же еще...

Теодор Францевич. Вы не волнуйтесь так. Это желание требует и нормального человеческого понимания, и имеет законную силу. Все не так просто. Это не моя прихоть, отнюдь.

Олег. *(он звонит в колокольчик, приходит вскоре горничная и он что-то тихонько говорит ей)* И все же подброшу дров, как-то совсем уныло.

Зайков. Могла бы потеплее одеться, а то...

Инга. А вообще-то я люблю пейзажи. В городе с этим не просто, не потому, что их нет, а любопытствующие мешают. Но я умудряюсь где-то затаиваться и вдыхать все вокруг. Вы не представляете, что можно увидеть. Недавно наш педагог сказал, что все простое вокруг и это надо видеть. Что чаще бывать в зоопарке, например. Но я туда не очень люблю хо-

дить. Меня больше увлекает, что вокруг. Как ведет себя природа, как какой-нибудь листочек может так зарядить тебя на целый день, просто идешь и словно джина выпила.

Теодор Францевич. А между тем воля вашего драгоценного *(сверху слышится нервный смех)*, вашего батюшки, мужа, родственника заключается в очень простом. Он просит объявить вслух, при всех собравшихся семейную тайну, а самое главное — чтобы произошло наконец примирение. Совершенное и окончательное. Это первое. Второе... о втором вы узнаете чуть позже, уже после главной неприятной процедуры прощания. Так что, вот так, миритесь, господа. Жду. Хотя, понимаю, сделать это очень трудно.

Олег. Если учесть к тому же, что мы только что отошли от драки, да и на дуэль собрались. И думаю, это не самый архаичный способ выяснить до конца отношения. А их нужно прояснить. Так что волю, вами объявленную, не принимаю.

Теодор Францевич. Тогда вы лишаетесь, и это следующая часть завещания, каких бы то ни было прав на имущество, сбережения, а их, надо сказать, предостаточно у усопшего, более трехсот тысяч в американской валюте. Решайте, вам выбирать. Причем, это в большей степени касается вас, уважаемый Олег Федорович. Ваши действия повлекут за собой все остальное. От них будет зависеть и благосостояние Инги, Амалии Андреевны, а также ваше, Филипп Геннадьевич. То есть, главным распорядителем всего и вся становится Олег Федорович, сын покойного.

Инга. А что же бабушке?

Голос. А дальше — тишина.

Инга. Нет, правда, что с ней? Не может же она вот так сидеть в этом доме и без конца сходить с ума.

Зайков. Это вы хорошо сказали: без конца.

Олег. А куда прикажешь ее девать? В сумасшедший дом отправить? Здесь ее дом

Амалия. Они в чем-то схожи: ваш и государственный.

Олег. Не к чему язвить. Тем более теперь. Вам хорошо тут злословить, а решать предстоит мне. Вот мое условие и моя воля, в конце концов. Я мог бы сыграть окончательное и бесповоротное примирение, но где критерий его окончательности и истинности? Как это проверить? Ну, пожали друг другу руки, поделились долларами и все? Что есть мера дружбы?

Теодор Францевич. А вот что. Он был очень умен, ваш батюшка. Мера одна: открыть тайну Инге, еженедельно собираться здесь, в этом доме на чаепитие и совместное открытие частного учебного заведения, куда, собственно, и предназначаются деньги. Инга должна учиться в самых хороших условиях.

Амалия. И много там еще пунктов? Вы как-то по частям нас потчуете.

Теодор Францевич. Ах, голубушка, что я могу сказать? Такова моя участь, ничего не поделаешь. Есть последовательность и планомерность действий. А старик был с хитрецей, этого не отнять.

Голос. Гвадалквивир струит свои воды, мне не напиться больше воды.

Олег. Сумасшедший дом. Замолчите вы, испанская дева Мария. Я больше не могу, хватит.

Амалия. Стоит ли так волноваться, когда ясно, что ничего не изменишь. А не сказано там, господин нотариус, что мы еще и поселиться все вместе должны?

Теодор Францевич. Вы почти угадали. Кое-что похожее есть.

Зайков. Не шутите так грустно.

Теодор Францевич. Представьте, несколько не шучу. Продолжим. Свою жену, Стефанию Васильевну он ни при каких условиях не соглашается отдавать в дом престарелых или в нечто похожее.

Олег. А никто и не собирается.

Теодор Францевич. Кстати. Все хочу вас спросить, почему вы называете вашего отца на «вы»? Он же ваш настоящий отец?

Олег. Это к делу нынче не относится.

Теодор Францевич. Так вот, что касается отцовства. Не знаю даже, как подступиться к этому деликатному моменту... Может, вы сами (*он обращается к Олегу*) скажете? Хотя, и вы, может статься, не все знаете. Девушка, Инга, не соблаговолите ли выйти на минуточку?

Инга. Я никуда не пойду, я тоже хочу все знать и нечего меня щадить. Я взрослый, совсем взрослый человек.

Теодор Францевич. Тогда позвольте мне. Ровно 18 лет назад Амалия Андреевна сошлась с вашим отцом, забеременела и вскоре должны были появиться вы. Однако Олег Федорович не готов был в то время жениться и все обернулось неожиданным образом. За ней давно, нет, не ухаживал, но был в нее попросту влюблен господин Зайков. Можно сказать на старинный манер, сходил от нее с ума, готов был на все.

Зайков. Послушайте... Что вы такое говорите?

Теодор Францевич. Понимаю, время делает свое неумолимое дело. Что, поулеглась страсть-то?

Зайков. Это вас не касается, это наше частное дело.

Амалия. Я не могу, позвольте мне ...

Олег. Останься, ты должна принять все, никуда уходить не надо. Здесь настолько все свои, что кажется чудовищным, как мы все еще живы и не поубивали друг друга.

Инга. Прошу вас, продолжайте.

Теодор Францевич. Так вот, прошло почти двадцать лет и девочка только сегодня узнает правду о своей жизни, вернее, об истинном рождении. Все

ваши действия, господа, всегда сопровождала тайна. Пора настала... Словом, придется многое раскрыть, иначе сами понимаете: все дело и в деньгах, конечно.

Амалия. Почему старик, которого и нет уже, должен распоряжаться моей частной жизнью? Он и тогда вторгался во все и вся. И теперь губит все. Господи, ну что такое, все устоялось, все были на своих местах. И всё.

Олег. Амалия, давай выслушаем и примем все. Пойди хоть когда-то до конца.

Амалия. И это говоришь ты? Ты, который испугался отцовства, который бросил меня и так и остался ни с чем? Ты чего тогда испугался? Да, моя девочка, он — твой отец, но что это теперь меняет? Ничего, все взрослые люди и все останется по-прежнему.

Олег. Амалия, Филипп, вы все запутались. Мне даже смешно. Инга прожила со мной...

Зайков. Стоп. Сколько она с тобой? Последние пять лет? А ты не задавал ей, себе вопроса, что она делала почти десять лет при живой матери, но без своего истинного дома?

Олег. Замолчи. Не задавал... Знаешь ты, что я задавал, а чего нет. Все вы тут теперь умны не знаю, каким умом.

Инга. Молчите, мне уже все все равно. У меня есть отец. Однако я не знала, что обрела еще и мать. Ведь называла вас, Амалия Андреевна на «вы» и по имени-отчеству. Как же вы жили, как могли без меня? Стало быть, могли.

Голос. Над всей Испанией безоблачное небо.

Зайков. Как вы тут существуете, с этой вечной испанкой, лишенной своей колыбели, фантазии? Она иной раз попадает удивительно в жилу, ну просто фору всем дает. Может, она вовсе и не сумасшедшая? Чего вы ее там держите? Изверги.

Олег. Изверги. Посмотри на себя.

Теодор Францевич. Так, уважаемые, мы никогда не дойдем до сути. Будем только ссориться и выяснять отношения. Хотя, конечно, я предполагал, что чтение и анализ этого странного документа так скоро не закончится. Ладно, готовы ли вы пойти дальше?

Все понемногу успокаиваются, однако затишь это только временное.

Олег. Я, наверное, должен подать чай. *(звонит в колокольчик, входит горничная)* Принесите на всех нас хорошего крепкого чая. *(Женщина молча уходит).*

Зайков. Выискался для всей испанской литературы один русский, который смерть как необходим был тамошней науке. Все изучал сидел.

Олег. Ты вообще лучше молчи. Что сделал ты, чтобы Инга была, осталась с тобой?

Зайков. Сделал я только одно: спас женщину, которая нуждалась в помощи, причем, не только в материальной, но и во всякой другой. Да, именно ее душевное состояние было таково, что в какую-то минуту она не выдержала, отказалась от ребенка, но, повторяю, она была больна. Страшно больна.

Амалия. Нет, это не так, что вы все ищите мне оправдание? Нет его, да и быть не может. Молода была — вот и вся причина. Жить хотела, гулять, наряжаться. А больна... что ж, может и так, да только никому из вас не понять, как потом мне жилось, что я-то испытала, отказавшись... да, Инга, отказавшись от тебя. Вот тебе и любимая твоя тетя Амалия. Прости, но я и не знала, что это ты. Клянусь, не знала. Как это вездесущий твой папаша это откопал, не знаю. Но я... нет, клянусь, — ни сном, ни духом. Что теперь мои слезы, уверения? Дело сделано и кто знает, кто более других виноват во всей истории?

Амалия отворачивается от всех, но не рыдает, не выставляет напоказ свое душевное самочувствие, а только молча смотрит куда-то в сторону. Инга тоже на какое-то время замерла, затем она встает и стремительно выбегает из комнаты.

Олег. Судьи! Ах, какие собрались судьи! Так и хочется воскликнуть и завопить?: «Играем Чацкого!» Вот и я «не образумлюсь, виноват...» Гений был мастер. Представляете, он в одном предложении и оправдывается и винится одновременно. Он не обрушивается с критикой на всех, он наблюдает и оценивает.

Зайков. Заговорил наш литературный исследователь. Что-то я не слышал, чтобы ты русской классикой интересовался.

Олег. Не меньшая классика, как ты выражаешься, и в том, господа, что у нас невольно соблюдено единство. Единство времени, места и действия. Вот-вот оно будет разрушено, так как предстоит отправиться по скорбным делам. А сейчас мы едины в этом страшном ожидании неизбежного. Хоть и не любим, хоть и враждуем, а — вместе. Вот ведь штучки жизни. Чего только не преподаст!

Входит Инга и медленно направляется к Амалии.

Инга. Так, выходит, вы — моя мать?

Та оборачивается и медлит: то ли ей прикоснуться к девушке, то ли встать и уйти, то ли закричать от ужаса известия, которого она не ждала целых 18 лет. Она в замешательстве. Все прилично воспитаны для того, чтобы не поддаваться искушению впасть в транс индийских страстей и мексиканского развития действия. В жизни — они сознают это — бывают ситуации покруче и никуда не деться от необходимости принять свалившееся известие. Доходит постепенно смысл того, что, вероятно, обо всем знал еще и Зайков, иначе откуда у него это враждебное чувство любви к своему другу-врагу? Что он не сумел, не довел, не сделал, что он пособничал тому, что ребенок окажется в интернате. Оправдывает его

единственный мотив: что он, якобы, помогал Олегу в поисках Инги. Они оба нашли девочку и знают об этом и тот и другой.

Олег. Успокойся, Инга, теперь все выяснилось, сколько еще можно было тянуть? Ты же со мной, что же еще? Ну, правда появляется в этом квадрате мать... Но мы и без нее проживем, не так ли?

Инга. В джазе есть тоже «квадраты». Но они совсем не подтверждают какую бы то ни было безупречную законченность. Ведь джаз — это сплошная неизвестность. Тетя Амалия, почему вы тоже любите джаз? Это что, у меня от вас?

Олег. Инга, ты ничего, не распускайся. Все остается на своих местах.

Инга. В джазе даже нет четко закрепленных мест, а ты про жизнь. Сплошные синкопы...

Зайков. Инга, я не собираюсь, в отличие от отца, утешать и тютюшкать тебя. Считаю, что появились еще более близкие люди, чем прежде.

Инга. Ах, так? Еще более близкие? И это говорите вы сейчас, когда свалилось такое известие? Я готова к импровизациям, но чтобы получить еще и вполне реалистическую пропажу? Это против всех джазовых правил. В реализм не верю. Отец, почему бы тебе всех не прогнать?

Общее смятение нарушает голос.

Голос. А где же Неля?

Это настолько неожиданно и даже нелепо, что старая женщина, которая живет в странных вымыслах и картинках то из прежней испанской жизни, то просто пребывает во власти кошмаров, и кажется, что реальность текущих дней ее несколько не затронула. Что она не знает и не помнит никого. И вот — надо же. Все, наконец, обращают внимание на сказанное и смотрят вверх. Но там — тишина.

Олег. Неля должна вот-вот прийти. Где она, я не знаю. Впрочем, может и не придет. Мы ссорились, потом мирились, потом...

Голос. Все реки текут и текут и не знают, что они текут. Просто текут себе и все.

Зайков. Послушайте... *(он обращается к старухе, но его перебивает Олег).*

Олег. Не лезь. Ты ничего не знаешь. Она тоже ничего не знает. Она и не поймет, не трожь ее.

Зайков. Да почему я должен тебя слушаться? *(он хочет подняться по лестнице).*

Олег *(подбегает к Зайкову и резко разворачивает его)*
Стой, я говорю –стой, мерзавец!

Зайков. Что? Это ты мне? По какому случаю?

Олег. По такому *(бьет его, валит с ног)* Давай, действительно давай, я больше не выдержу. Назначай вид оружия, секундантов.

Слышится смех, громкий, долгий. Это – сверху. Мужчины продолжают бороться, женщины отступают, остаются сидеть на месте только Теодор Францевич. Кричит Инга: «Папа, прекрати, да что же вы делаете? Как вы можете? Перестаньте!»

Она бросается к дерущимся, пытаясь их разнять.

Зайков. Это ты теперь такой чистюля. Как же: и ребеночка забрал, и профессор он у нас. Забыл, за чей счет и по какому праву?

Олег. Опять за старое?

Зайков. Это «старое» между нами все двадцать с лишним лет стоит. Если бы не твоя окаянная подлость еще там, в институте, а еще раньше, в 11 классе, — не бодались бы мы так. Ты и тогда все сделал, чтобы быть первым, чтобы не поступил я.

Олег. Ах, эти ваши рефлексии. Ну ты же поступил. Стал кандидатом...

Зайков. Да, но только не тех наук, в которых ты. Не

философских. И здесь ты обскакал, все связи использовал, все боялся, кто-то задушит, обойдет.

Олег. Прекрати, ничего я не боялся и не я виноват в твоём провале. Сколько еще лет ты будешь казнить меня этим? И потом, что все так в лоб, зачем? Ты не можешь интеллигентнее, аристократичнее, в конце концов? Так вот, с тросточкой по жизни? Можешь, думаю; прожили вы ведь с драгоценной Амалией без детей. Кстати, почему? Все хочу тебя спросить тебя об этом.

Зайков. Ты негодяй.

Олег. Ах, ваши нежности. Извольте, молчу. А было бы интересно узнать. Да, вот еще. А что такого, собственно, я сделал в тот год? Что за вину ты все вешаешь и вешаешь на меня?

Зайков. Ты обратил внимание, что никогда не упоминаешь моего имени, вообще не зовешь меня по имени? Значит, не все у тебя в порядке, что-то гложет. Что же?

Олег. Двадцать лет вражды за то, что кто-то один поступил на год-другой раньше в престижный вуз. Делов-то...

Зайков. Делов. Какой ценой? Тут именно стоимость вопроса играет роль. Не время и не годы. А кто виноват. Ты стремился прожить слишком чистенькую, незамусоленную жизнь, а внутри...

Олег. *(он снова подбирается к Зайкову с явными намерениями ударить, схватить).* Сколько же ты будешь доставать меня, сколько? Когда кончится этот кошмар? Можешь вообще выкатываться отсюда *(все же притягивает его к себе и едва сдерживается, чтобы не ударить)*

Зайков. Я убью тебя.

Олег отпускает его и обреченно вздыхает.

Олег. А я, дурак, думал, что друг у меня все же есть.

В момент, когда Олег собирается снова бить Зайкова, раздаётся звонок, вбегает встревоженная горничная и, опережая ее (впрочем, как обычно) входит Неля.

Неля. Чудно, это просто замечательно! А мизансцена-то — ну просто умора! *(она хлопает в ладоши)* Что же вы, господа, поаплодируйте, такая экзотика: гроб, семья, сумасшедшая старуха наверху и дерущиеся соперники.

Браво, Олег! Виват, королева Гвадалквивира! Слава тебе, изумительная потаскушка! *(это она Амалии)*. Борзой самец, приветствую тебя! Брось их всех, Инга, дорогая, пошли жить ко мне. Здесь — не жизнь. *(Она подходит к девушке, обнимает ее и та, наконец, утыкается в нее и плачет)*

Постепенно борющиеся приходят в себя, отползают друг от друга, ибо заговаривает нотариус.

Теодор Францевич. Итак, уважаемые, продолжим. *(даже веселит его невозмутимость и покорность жизненным превращениям)* Хочу заметить, что это еще не все. Именно пришедшая дама была в самых искренних, самых добрых отношениях с...*(он запинаятся, не зная, как назвать усопшего. Назвать ведь в сущности, очень просто, а он почему-то не решается и не решается. Значит, что-то удерживает его. А, может так только кажется)*.

Итак, идем дальше. Что касается будущей профессии Инги, ее обучения. Можно, конечно, в благословенную и дорогую вашему сердцу Испанию, там, кстати, хорошо готовят дизайнеров. Но вот ведь незадача: старик хотел создать собственное учебное заведение. Историк искусства есть *(он указывает на Олега)*. Практик — тоже *(оборачивается к Зайкову)*. Что же до знатока интерьера, дизайнера — это наша экстравагантная госпожа Неля. Конструктор у вас есть тоже. Вот она: и проектировщик, и архитектор и многое другое. Не так ли, милейшая Амалия Андреевна? Так вот, этот пункт требует проработки и дотошного просчитывания. Я же о другом. О жен-

щине, которая так скорбит о прежних годах, о прошлом. Ее нужно возвращать к жизни. Причем, совершенно буквально. Не держать, первым делом, наверху, общаться, не видеть в ней только пугало и все такое прочее. Это тоже весьма важный и развернутый пункт. Но как, скажите, вы получите свои доли, если даже теперь, узнав о необходимости полного и искреннего примирения, вы продолжаете враждовать и предъявлять друг другу счет? Пожалуй, вы так и останетесь с горсткой испанских песо или что там у них в ходу? Вы же все разорены, я-то знаю. Вам необходимо примирение, понимаете? Хотя бы во имя вашего же будущего.

Неля. Ничего не может быть необходимее правды. *(обращаясь к Олегу)* Позови ты свою молчаливую прислугу, вели дать хоть чего-то. Ни чая, ни вина, ни чистого, в конце концов, полотенца, — ничего. Иди умойся.

Олег *(отдуваясь и тяжело дыша)*. Я не могу выйти из комнаты. Таковы правила.

Неля. Правила заводим мы, как заводим любовь, неправду, ненависть. Мы и отменяем. Иди, умойся, поменяй свой фрак.

Зайков. Как вы круто берете.

Неля. С волками жить — по рыбины плыть.

Зайков *(приводя себя в порядок)* Нет ничего смешнее дерущихся при дамах мужчин. Не так ли?

Амалия. Мне не жалко, мне вообще ничего не жалко.

Зайков. Это мы давно поняли. Себя-то хоть пожалей.

Амалия. В чем? Что я такого сделала, чтоб жалеть? Была молода, да. Глупость бушевала. Что мне теперь, в петлю что ли?

Зайков *(иронически)*. Ну, что ты, моя милая, какая петля? Ты сама по себе — уже хорошая петелька. Крепкая такая. Да не сердись ты, я же не со зла. Что попишешь, ну что? Дело сделано, все в прошлом. Теперь надо искать выход. А он может быть един-

ственным и без всякого волеизъявления автора послания: надо продолжать жить, как ни банально это звучит. Вот и решай для себя: с кем ты, госпожа дизайнер? С кем вы, господа? Я, например, за то, чтобы убить моего дорогого Олега, завладеть его домом, мамашей, дочкой и — послать всех к черту. Славно?

Голос. Настанет день... И день настанет.

Возвращается Олег, который за время отсутствия успел что-то надумать и принять решение.

Олег. Сейчас подадут чай.

Неля. Неужели?

Олег. Представьте себе. Я обо всем договорился.

И действительно, входит все так же молчаливая горничная с подносом, но почему-то останавливается, не дойдя до середины и озирается. И вправду, куда же его ставить? Не на гроб же! Женщина слегка клонится в сторону, ее подхватывает Зайков, успевает забрать поднос и только тогда горничная благополучно оседает на пол.

Неля. Помрешь тут! Столько всего: и этот ящик, и завещание, и девочке сногсшибательные новости, и эти двое дерутся, нашли, где и когда. Есть от чего свалиться в обморок. (Она подходит к лежащей женщине, обмахивает ее, сажает, поит принесенными чаем и тихо покачивает как маленькую девочку.)

«Разрядись, уберись, в свой наряд голубой и на плечи накинь шаль с каймой расписной, и на плечи накинь...». А ты (она обращается к Амалии)... Я всегда это знала, я всегда думала, что способна на черт-те что. Вот, оказывается, какие пироги: мамаша ты у нас. «Как мне мило теперь любоваться тобой. Как весна хороша, ты, невеста моя...» Тошно мне с вами, ох, как противно. Зажрались, одним словом. Что теперь-то?

Амалия. Откуда ты знаешь обо всем? Ты ведь не слышала, что в завещании?

Неля. Слышать не слышала, но видеть ... Впрочем, слышала. Но не от этого господина, который утомил уже невозможно. Послушайте, любезнейший, там остался всего один пункт. Сколько еще ждать? Нельзя ли ускорить этот жуткий процесс?

Теодор Францевич. Есть такая мудрость...

Неля. Ах, оставьте...

Теодор Францевич. Так вот, говорят не даром, что время и камни, а главное ... ну, словом вы все прекрасно знаете и про разбрасывать и про собирать. Выходит, сейчас время уборки урожая. Вижу, вы все устали, пора и правда передохнуть.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната и так же посередине стоит тот же гроб. На краю его сидит уже очень пожилой человек и смотрит куда-то вдаль. Постепенно высвечивается лестница, которая ведет наверх, но там никого нет.

Старик. Вот тебе и единство, в смысле времени и места действия. Все те же и с теми же. Только вот я откуда взялся? Разберемся.

Слышен шум, голоса и видно, как появляется Олег и Инга. Они смотрят на привидение (по крайней мере им так кажется, что они видят именно его) и молча останавливаются.

Олег. Ты... ты откуда... взялся?

Инга. Дедушка, что с тобой? Ты жив?

Старик. Еще как!

Олег. Что, что произошло, я ничего не понимаю.

Старик. Вопросы в сторону, скажи, ты что, расстроен?

Олег. Даже теперь ты не можешь без своих штучек.

Инга. Дедушка, это правда ты?

Старик. Миленькая моя, иди сюда, дотронься, ты все еще сомневаешься.?

Инга. Но почему ты сидишь на этом?..

Старик. Ты хочешь сказать «гробе»?

Инга. Да, почему?

Старик. А ты бы предпочла, чтобы я находился внутри?

Инга. Здорово. А ты там не был?

Старик. Избави бог. Да и вам не советую

Олег. А что же это за мистификации?

Старик. Помнится, что мистификация — это намеренное введение в заблуждение. Так вот, я — не намеренно. Так вышло, что в нашем благословенном обществе такие происходят ляпы, что меня определили по разряду усопших.

Олег. Но ведь нам сказали... подожди, я даже не могу толком сообразать. Нам сказали в точности и твою фамилию, и что случилась авария, и что туда, ну, в морг нельзя. Зачем это все?

Старик. Спроси что-нибудь попроще.

Олег. Ну, хорошо, а где ты-то был на самом деле?

Старик. Все просто до безобразия. Я по нелепой случайности и правда попал в аварию и два дня находился не то, что без документов, но просто без сознания.

Олег. А как же тогда фамилия? Ведь мы назвали и нам ответили, что да, такой имеется, но говорить уже не может, что занимайтесь ритуальными делами. Мы и к начальству ходили и вообще. Единственное, что смущало, так это то, что нас не допустили вовнутрь. Но мы отнесли это за счет того, что такие правила, да, честно говоря, и сами-то не очень настаивали. А где твои документы?

Старик. Мне было, когда я уже понял, что живу еще на этом свете, до чертиков обидно, что обо мне никто ничего не спрашивает, не ищет, что я

два дня пролежал как бедный родственник, а не как дипломат, полжизни проведенный в благословенной Испании.

Олег. Но что в конце-то концов? Не могли же тебя через двое суток выпустить?

Старик. Это ты напрасно: «выпустить». У нас насильно держат только, пожалуй, в буйном отделении. А меня из реанимации перевели в нормальную палату, я попробовал встать — получилось, сделал пару шагов — гляжу, иду. Тогда я взял и пошел дальше. Правда, бельишко, как видишь, не мое, государственное, придется вернуть. А с этим (*он указал на гроб*), кто его знает, что делать? А впрочем выход всегда найдется. Может, еще пригодится?

Олег. Как ты можешь? Что ты такое говоришь?

Старик. В жизни, Олежка, всякое может быть. Иди, обнимемся. Я правда живой.

Мужчины обнимаются, при этом Олег несколько неуверенно это делает, не в состоянии поверить до конца, что отец жив и что все предшествующее уже не имеет никакого значения

Олег. Господи, что только в жизни не случается! Напиши что-то вроде пьесы, осудят: скажут, перебор, такого в жизни быть не может. А вот — на тебе, оказывается, может. Ты голоден? Да ты еле сидишь. Тебе надо лечь. Что у тебя болит?

Старик. Ничего. Разве только немного вот здесь (показывает на грудь и намекает явно на душу). Расстроился. Все-таки боялся, что так меня и не признают, не найдут. И вот, решился сам прийти, самовольно, не ждать их распоряжений.

Олег. Пап, ты помнишь, как в шестом классе я сбежал из больницы? Ну, с аппендицитом тогда? Я же отовсюду сбегал. Только в Испании подзадержался. Так вот, я уже к воротам подошел, уже через проходную двинулся, а меня — и повязали. Что же

за время, если старик в больничной одежде осенью выходит, а ему ни слова, ничего? Что с нами?

Старик. Ох, батенька, это вопрос к себе. В мои годы этим вопросом уже не задаются, мне уже больше пристало воспользоваться этим предметом.

Олег. Прекрати. А если напрашиваешься на жалость, то напрасно: ее не будет. Мы тут все с ума посходили...

Старик. Так переживали?

Олег. Не иронизируй. Мы измучались и собой, и тем, что ты затеял с этими бумагами. Ну что ты такое придумал насчет дележки, учебного заведения, этих тайн, которые теперь раскрыты?...

Старик. Побывал все-таки Теодор? Умница, вот оперативность. Так ведь и ему кое-что причиталось.

Олег. Ты не можешь без штучек, это ясно. Но скажи (*смотрит на Ингу и жестом предлагает выйти ей*), кому нужно было, чтоб все раскрылось? Мы с Зайковым чуть не убили друг друга.

Старик. Ну, положим, это перебор: оба убиты быть не могут, стало быть, неправда. Вы что же, стреляться хотели?.

Олег. Так боролись, грудь на грудь, стихия на стихию.

Старик. Негоже. Уж если что не так, лучше по всей форме. А как Неля себя вела?

Олег. Лучше всех.

Старик. Я серьезно. Как?

Олег. Я и говорю. Ты спроси лучше, что с Ингой, каково ей?

Старик. Спрашиваю. А молчу лишь потому, что в первых, сам вижу, что ничего страшно трагического не отпечаталось на ее личике, а во-вторых, время и впрямь пришло. Как ни банально это звучит. Надо собрать было вас всех и все разложить по полочкам.

Олег. Стой. Ты сказал, надо было собрать. Откуда же ты знал, что мы соберемся, если лежал, непризнанный и неузнанный? Вообще никакой?

Старик. Очень просто. Прошло два дня, может, уже три. Я понял, что Теодор хотя бы из любопытства поглядеть на все это не откажет себе в удовольствии оповестить всех вас. Вот вы и поддались на это, собрались. Так ведь?

Инга возвращается и несет на подносе деду чай, булочку, что-то еще.

Инга. Кушай. Видишь, мы и стол подевали куда-то. Папа, его можно наконец вернуть, раз никто не умер?

Олег. Подожди еще.

Старик. А что, есть предположения?

Олег. Да оставь свои хохмы, идем, я отведу тебя в спальню и, наверное, надо пригласить врача, как ты считаешь? Это было бы разумно.

Старик. Я никогда не жил разумно. Все ваше функциональное терпеть не могу. В жизни, как, впрочем, и в смерти должен быть полет, горение. Знаешь, как я летел эти два дня? С перерывами, правда. Было в этом борении со смертью что-то неистовое, притягательное даже. Что-то похожее и на близость с женщиной, и на воздушное колесо, которое трясет и подбрасывает. Непередаваемое ощущение. Где-то внутри застряла мысль, что оттуда не хочется назад, что это так прекрасно и захватывающе и что твой хилый разум едва-едва поспевает за твоим сопротивлением, однако все же опережая его.

Олег. Видишь ли, у меня такое мерзкое предчувствие, что вот-вот что-то случится, произойдет. Во всяком случае, я не могу найти себе места после многих сложных выяснений с Зайковым. Он чего-то хочет, но чего? Мы не можем простить друг другу одного и того же: предательства, неготовности любить.

Старик. Успокойся, что ему может быть надо от тебя? Твоих научных лавров? Вы — по разные стороны баррикад в этом. А что до полученного известия, так он все знал и до того. Новым является только одно: что обо всем узнала Амалия. Вот ее реакция и может представлять для него опасность. Но опять-таки, какую? А посему кажется, что страхи твои преувеличены и что нет никакого резона возводить их в абсолют. Знаешь, я так счастлив, что нахожусь здесь, дома, с тобой. Что могу, вот, пить чай и вообще...

Олег. А мне не по себе. Ты здесь, это прекрасно, но внутри меня какой-то черный зверек точит лапки и все нашептывает про чувство вины. Где она, в чем? Ну, ясное дело: уехали за границу, Инга была в интернете. Но в ту пору-то мы и не догадывались об этом.

Старик. Не там ищешь. Страх твой давний и связан не с сегодняшними событиями. Не дает тебе покоя лишь одно: ты, именно ты, а не Зайков оставил Амалию, а, значит, и неродившегося ребенка. А Зайков — что же, он на высоте, как же, женился, спас, родил. Думаю, вы оба повинны в такой судьбе девочки, на вас обоих — вина. Один бросил тогда, другой — позже. Что ж тут непонятного?

Олег. Если бы я не поехал в тот март в Испанию, если бы не карьера...

Старик. Да уймись ты, какая теперь польза от твоих стенаний?

Олег. А вот какая. Исправить — да, теперь уже ничего не изменишь. Но разве не есть хотя бы частичное искупление от сознания, от полного осознания твоей причастности к драме, к искалеченной судьбе? Вот и я стараюсь хотя бы приблизиться к этому постижению вины и правды. А что до Зайкова ... нет, не готов его простить. Ведь он многое тогда мог. Мог известить, в конце концов, мог дать знать, что Ингу нужно забрать, что ей вообще кто-то нужен. Свой.

Старик. Ах, эти рефлексии. Как теперь удобно заниматься самобичеванием и казнить за совершенное и не сделанное. Что ж ты думал тогда, что чувствовал 17, нет, 18 лет назад?

Олег. Разве упомнишь? Один страх и одно желание: освободиться. От пут, от нелюбви к женщине, от глупостей возраста. Но все эти годы я помнил об этом, я знал, что сделал, я пытался дать ответ на мучающее меня. А вина? Она не теперь, не вдруг сформировалась. ... Я убью Зайкова.

Старик. Попробуй, если сможешь.

Олег. Не язви. Я все смогу. Вспомни Испанию.

Старик. Я все помню.

Олег. Видишь ли, ничего во мне не умерло, ну, то, юношеское, во что верил, чего хотел, как намеревался жить. Мне сорок два, а кажется, что я уже глубокий старик. Или — что значительно реже — юноша. Какая-то незавершенность, что-то такое, что саднит и саднит, мучает и давит, присутствует во мне и жжет. Порой мне кажется, что все дело в неустроенных отношениях с Нелей, что они не во всем сошлись с Ингой. Но когда я люблю ее жизнелюбивой натурой, когда вижу ее стремительную походку, все во мне радуется и восстает против самого себя же. Я так хочу любить, но чисто и светло, без примеси вины и обмана.

Старик. Кого же ты обманул? Уж не Зайкова, правда? Да и что ты все время ропщешь? Ты процветающий ученый, испанист, не каждый в твоём возрасте — профессор. Объездил полмира. Вот, дочь обрел. Теперь и меня не потерял. Ну, больна мать, действительно горько, но вспомни, сколько ей. Надо же, я еще не видел ее. Помогите мне, надо подняться, что-то ослаб.

Олег поддерживает отца, ведет его к лестнице и тут появляется женщина, которая, как мы понимаем, все время что-то странное говорила, перелегая свои выс-

казывания то испанскими впечатлениями, то просто своеобразными умозаключениями. Двое старых людей идут навстречу друг другу и вдруг женщина произносит:

Стефания Васильевна. Я знала, я все прекрасно знала.

Федор Савельевич. Что ты могла знать, голубушка моя?

Стефания Васильевна. Моя жизнь — это...

Федор Савельевич. Успокойся, я же здесь, с тобой, не плачь.

Стефания Васильевна. На моем роковом пути кто-то сеет зло впереди, а я его собираю.

Федор Савельевич. Мне иногда кажется, что не Олег у нас испанист и историк, а ты пропахала так всю испанскую литературу, что ее образы не дают тебе покоя. Вот что ты твердишь про эту, которая пустырем и так далее? Ну, идет себе женщина, пусть идет. Это не про тебя, пойми. У тебя все другое: жизнь, прошлое, характер. Любовь, в конце концов.

В какую-то минуту понятно, что ему становится плохо, он делает какое-то неуверенное движение и опускается на пол.

Стефания Васильевна. Кто-нибудь, он лег...

Олег (*подбегая и подхватывая отца*). Сейчас вызову врача, что я медлил, безумец, сейчас, подожди. Галя, скорей, сюда.

Вбегает горничная, видит лежащего на полу хозяина и дальше не может ничего: не действовать, не предпринимать что-то. Она просто напросто остолбенела.

Олег. Помогите, держите, дайте валидол. (*убегает вызывать скорую*).

Второй этаж, сама лестница постепенно погружаются в темноту и мы снова видим, как в гостиную начина-

ют собираться участники драмы. Гроб все также занимает свое почетное центральное место и, осмотревшись, герои рассаживаются, но уже на другие места, поскольку в комнате все поменялось. Люди заходили, переставляли стулья, только центральный объект так и остался стоять посередине. Его, правда, пытались сдвинуть, однако ввиду тяжести и всех дальнейших перипетий этого не получилось.

Амалия. Когда уже это все закончится?

Зайков. А тебе не приходила в голову мысль, что виной всему — ты?

Амалия. Знаешь, мне за всю жизнь так надоели твои потуги в поисках виноватых. Это твоя вечная стезя — прикреплять ярлык вины к кому-нибудь из участников события. Ты без этого не можешь.

Зайков. Дорогая, все дело в том, что ты и сама прекрасно понимаешь расстановку сил... Ты бросила Ингу.

Амалия. Замолчи. Прежде бросили меня. Да и сколько можно терзаться тем, что было? Никто из вас не подумал о том, что и как дальше. Сидите тут, ждете своих барышей.

Теодор Францевич. Это, правда, называется по-другому, но вы правы в том, что все собрались именно за тем, чтобы узнать последнюю волю покойного и жить дальше. А уж как — дело каждого. Вы ведь тоже пришли сюда не пьесу послушать, а решить какие-то вопросы, даже и материальные.

Амалия поднимается, хочет что-то сказать, показывает на лестницу и без сил опускается на стул. Все смотрят на лестницу и наконец замечают что-то неладное. Тут раздается привычный резкий звонок, входит врач, его встречает Олег и они отправляются наверх.

Зайков. (*тоже убегает из комнаты, затем возвращается с чашкой и дает Амалии выпить*). Пей, успокойся, хватит этих нервов.

Теодор Францевич. Осень уже, а все не топят. Хватит, голубушка, что теперь сделаешь? Да ничего. Зато сколько ясности: и дочь ваша нашлась, и *(указывает вверх)* вот старик вернулся. Даже не знаю, как в таких обстоятельствах работать.

Зайков. Поскольку все изменилось, может, завершить все эти покаянные откровения? Что теперь поделаешь, все, слава богу, живы...

Теодор Францевич. Не скажите.

Амалия. Можно, мы уйдем?

Теодор Францевич. Вот так вы всегда. Стоило начать чему-то проясняться, как вы тут же в кусты. Нехорошо. Надо добыть до конца.

Зайков. До какого конца?

Теодор Францевич. Хотя бы до логического.

Зайков. Послушайте, вы-то сами отчего так заинтересованы в продолжении спектакля, что вам-то от всего этого?

Теодор Францевич. *(усмехается)* Мне? А об этом чуть позже.

Амалия. Вы хитрый.

Теодор Францевич. Не без этого. Ну и что ж? Это ничего не меняет. Я выполняю волю покойного.

Зайков. Какого покойного, если все живы?

Теодор Францевич. Еще не вечер.

Голос. Одни яблоки на дороге. Куда все течет?

Зайков. Послушайте, я запутался совершенно, просто окончательно ничего не понимаю. Как это все могло произойти?

Теодор Францевич. Ну вам же звонили, да и внизу сказали, что усопший вернулся. Что сидел, пил чай, потом ему поплохело. Вот и врача вызвали.

Зайков. Амалия права. Какой теперь смысл в дальнейшем...ну, разбирательстве, чтении? Все изменилось, все живы.

Теодор Францевич. Не спешите, молодой человек.

Зайков. Молодым я был годков эдак двадцать тому назад. А сейчас...

Амалия. Можно я поднимусь?

Зайков. Ты у кого это спрашиваешь? Воля твоя. Только зачем? Что нового ты узнаешь? Еще раз подтвердится, что ты виновата и что должна была...ну, и так далее. А что, собственно, должна? Это, в конце концов, твое право, право частного лица на частную жизнь.

Теодор Францевич. У этого частного лица, между прочим, были обязательства, да и не что-нибудь, а родная дочь. Вот и пришло время искупления.

Амалия. Только не вам быть судьей.

Теодор Францевич. А я и не сужу. Я никого не сужу. Столько лет заниматься чужими судьбами, проблемами — тут научишься быть осмотрительным и нейтральным. Однако вы сами нападаете. Как же так? Вы хотите и получить часть каких-то средств и остаться непричастной, неуязвимой в том, что произошло, что составляет тайный смысл, внутренние противоречия этого семейства. Все завязано на вас, вам не кажется так?

Амалия. Мне кажется только одно: если я сейчас не уйду отсюда, то запросто умру. И вообще, смерть словно витает в этом доме. Все не столько живы, сколько наоборот. Сколько еще будет стоять здесь этот жуткий предмет? Почему никто ничего не делает, чтобы изменилась ситуация? Где, в самом деле, Олег? *(она резко поднимается и собирается подняться вверх. Ее удерживает Зайков.)*

Зайков. Посмотри лучше, как разгладился день, какая осень стоит и поджидает счастья.

Амалия. Не трожь меня, собрались тут чистюли. А сами...

Зайков. Говори, говори, что «сами»?

Амалия. А сами замараны хуже меня. Я все знаю. И про вражду, и про тайное желание смерти друг другу. И про юношеское, сто лет назад предательство!

Спускается Олег.

Олег. Почему же тайное? Не такое оно и тайное. Эта история в двадцать лет, когда все стали роднее родственников и так повязаны тайнами отцовства, материнства, что уже сами не знают, как из этого выпутаться и поэтому лишь одна светит мысль: избавиться друг от друга. Зайков, я ненавижу тебя, это правда, но правда и то, что не могу без тебя. Это хуже, чем с женщиной. С надоевшей, с уже нелюбимой женщиной. И вместе тошно, и порознь еще нельзя. Все банально до крайности. Но у нас с тобой крайний случай. Совсем — совсем крайний. Давай что-нибудь предпримем. Я готов действительно драться, тем более теперь... Теперь и впрямь это не грешно. Давай, решайся, что мы теряем?

Теодор Францевич. Вы, по крайней мере, теряете, можете потерять отцовство. Кто останется вообще с Ингой? Ее нашедшаяся мать? Но они не виделись ровно восемнадцать лет, с момента рождения девочки! Куда вы загибаете?

Олег. А вы вообще молчите. Писчая душа. Что вы можете знать о человеческих настроениях, ощущениях? Вы владеете только правдой факта. Да и то... Факт — это в сущности так глупо. Вот вам факт: заблудшие, запутавшиеся люди, для которых их представления о чести и запоздалое раскаяние дороже жизни и покоя одного —единственного существа. Они, то есть мы, и стреляться готовы — да. И враждовать, но вот помириться — боже избавь. Вам не кажется, господин Зайков, что мы вдоволь накувыркались в этой жизни, пора и честь знать?

Зайков. Что ты все обостряешь, что стремишься все к крайностям? Понимаю, отец, проблемы, но посмотрим на дело разумно.

Олег. Ах, разум в тебе заговорил, прагматик ты чертов. Да, не смотри, именно ты. И нечего мне приписывать того, чем полон сам. Душили, видишь ли, его в далеком далеке! Это не я, понимаешь, не я подменил билет, не я был не готов к экзаменам. Вина, в чем она? Только в том, что не подал шпаргалку, не побежал просить за тебя через отца? А сам-то ты что? Ньюни развел, пока я пробивался и изучал свою Испанию? Ты — троечник, хотя и кандидат каких-то там наук. Ты — неудачник. Ты хотел присвоить себе все мое: Амалию, нашего ребенка, мои успехи в науке. Но вышел облом. Великий вселенский облом не дал тебе многого. Я подлец? Очень может быть. А кто тогда ты? Ты, ты один знал, где находилась Инга.. Молчал? Ты кому делал хорошо? А я знаю кому. Ну уж только не мне, не девочке, даже не Амалии, — только себе. Ты не хотел хлопот, изменения привычных, устоявшихся связей, вещей. Теперь, осуждая меня, ты так вольно трактуешь события. Но это не так. Трактовка скверная и лживая. Ты один виноват во-первых, в том, что позволил Амалии остаться без детей, твоя вина в том, что девочка десять лет прожила в интернате, ты повинен и в том, что не оповестил меня... Да мало ли еще, в чем ты повинен. Ореол страдальца, избавителя давно потускнел, да и корона свалилась. Женившись на Амалии, ты спасал не ее, не дитя, а лишь себя.

Зайков медленно подходит к Олегу, достает что-то блестящее из кармана и спокойно, без лишних движений и суеты вонзает это острое и блестящее ему в бок. Тот падает, застывает и даже не кричит. Амалия успевает только охнуть и немедленно выбежать за дверь. Теодор Францевич хватается за сердце и лишь голос сверху вдруг оповещает:

Голос. Полцарства за коня. Где он все скачет?

Зайков. Уже не скачет.

Теодор Францевич медленно поднимается, на ватных ногах идет к лестнице, оттуда спускается Инга под руку с горничной и все они видят, что поверженный Олег лежит на полу. Зайков стоит в стороне и не подходит к лежащему. Женщины останавливаются и только через мгновение страшно кричит Инга и бросается к отцу.

Выбегает доктор, быстро спускается вниз.

Доктор. Там все кончено, старик не выдержал. И здесь... Принесите кто-нибудь мой чемодан, вызывайте бригаду, действуйте.

Горничная пятится к двери, не понимая до конца, что произошло. Зайков медленно выходит из комнаты и на полу остаются отец и дочь. Теодор Францевич присаживается на окаянный гроб и обмахивается платком. Шарф Зайкова валяется почему-то посреди комнаты. Тишина. И только голос сверху вдруг снова произносит:

Голос. Растает снег и уже скоро, совсем скоро.

Олег. *(делая движение подняться и слыша этот голос)*

Мама, не надо, прошу тебя, замолчи.

Голос. Совсем скоро...

Олег пытается приподняться, это дается ему с трудом и Инга помогает ему. Слышится резкий звонок и снова, впрочем, как это водится в этом семействе, опережая горничную, стремительно входит Неля и прислуга удаляется, так и не произнеся ни слова. Неля видит всю картину, бросается к Олегу

Неля. Кто это, кто, скажи, что произошло?

Олег. Не трожь его, он не хотел, ничего не надо. Уже лучше.

Неля. Что значит «лучше»? Где все? *(обращаясь к нотариусу)* Вы все сидите здесь, жизни учите? Как вы могли проморгать кровь?

Голос. Любовь — кровь...

Неля. Сумасшедшая старуха...

Олег Не смей, она потеряла мужа.

Неля. Вот-вот, а теперь еще и сына, может статься.

Кто-нибудь додумался вызвать скорую в этом доме?

Теодор Францевич. Милая, дайте мне воды.

Неля. Воды ему. А мне надо сто грамм. Где тут коньяк или что-нибудь? *(Олегу)* И тебе не помешает. *(наливает ему и себе в стаканчики и подносит)*

Теодор Францевич *(почти плача)* Я никогда еще не попадал в такую переделку. Что теперь, господа... Последний пункт осталось прочитать. Все разбежались. И Филипп Геннадьевич ушел. А он-то ох, как нужен.

Неля. Помолчите. Никто никому не нужен. Мне позвонила Инга, сказала, чтобы я приехала. Я и не собиралась присутствовать на вашем скорбном сощещании больше, надоело. А тут — такое говорит, волосы зашевелились. Как его выпустили-то?

Теодор Францевич. Теперь это не имеет никакого значения. Все кончено. Старик на сей раз и правда скончался.

Неля. И на сей раз это не розыгрыш?

Входит доктор с прибывшим врачом. Они склоняются над Олегом, шепчутся и становится ясно, что всё поворачивается каким-то иным, трагическим образом. Почему-то молчит и не ропщет Олег, замолкает и не плачет Инга, даже Неля обуздывает свой темперамент и тихо садится возле гроба. Воцаряется тишина. Иной раз она, словно странное действующее лицо проникает на подмостки, становясь важным штрихом в развитии действия. Доктора и помощники кладут на носилки Олега и выносят из гостиной. Обхватив колени руками, сидит тихо Инга. Все молчат.

Голос. Уехал Чацкий, не поклонился...

Инга. Его никто не понял. Он не виноват. *(говорит медленно, нараспев, не обращая ни к кому конкретно).*

Неля. Его спасут, его должны спасти.

Теодор Францевич. Где же остальные и что теперь с этими бумажками делать?

Входит горничная, останавливается у двери, стоит, облокотившись о косяк и ничего не произносит.

Неля. *(обращаясь к ней).* Что вы все молчите? Скажите уж что-нибудь.

Горничная разводит руками, смотрит на Нелю и не отвечает.

Неля. Я так и знала, что в этом доме когда-нибудь что-нибудь да случится. И с ним нельзя, и здесь оставаться — ад. Где Зайков, в конце концов, где его вечная пассия? Куда звонить? В милицию? Что вообще делать?

Входит Зайков, наклоняется, чтобы подобрать, наконец, свой шарф, накручивает его на руку.

Зайков. Он сам хотел этого.

К нему подбегает Неля и трясет его изо всех сил.

Неля. Это все ты, все ты, мерзкий слабый человек. Ну почему ты такой слабый?

Зайков. Оставь меня, не я слабый — обстоятельства против нас.

Неля. Обстоятельства всегда одни и те же. Их в жизни по пальцам можно пересчитать. А вот реакции на них...

Зайков. И реакции, они подсчитаны, систематизированы. По моей реакции... Сколько, кстати, Теодор Францевич, мне дадут за мою реакцию?

Теодор Францевич. Это вопрос спорный. В конце концов дело можно представить как неосторожное применение острого предмета.

Неля. Ну да, с перочинным ножиком неаккуратно обращался. Кто будет в милицию звонить?

Зайков. Это лишнее. Все сделаю я сам. И в больни-

це, и в милиции. Никуда звонить не надо. Занимайтесь лучше *(он указывает на стоящий гроб).*хлопот впереди много.*(уходит).*

Теодор Францевич. А ведь последний пункт был именно о примирении. Нужно не только пожать руки было, а совершенно примириться, совершенно. И не просто терпеть дружбу, а принять одно маленькое обстоятельство: Зайков был не только другом или недругом, он был причастен к взрослению, к жизни Инги. Все не просто так. Теперь, если Зайкова посадят, кто останется у девочки?

Неля. Вы меня совсем со счетов сбросили?

Теодор Францевич. Ну, голубушка, еще такое потрясение для молодого существа — нет, это уже перебор.

Во время их разговора Инга сидит вполоборота к ним и понятно, что она не участвует ни в беседе двоих, да и не слышит ничего. Все так же стоит у косяка горничная и теревит в руках какую-то тряпку. То ли свой фартук, то ли еще что-то. Поворачивается Инга и обводит взглядом комнату, всех присутствующих.

Инга. Не поняли, его никто не хотел понять. Я поеду к нему.*(уходит).*

В полной тишине вдруг откуда-то сверху возникает песня. Она уже звучала, когда Неля обнимала и успокаивала горничную.

Голос. Я увидел в глазах ее два немислимых деревца. Они раскачивались.

Освещается лестница и по ней медленно спускается красивая старая женщина, мать Олега.

Мать. Это они любили читать по-испански. А еще — «верде кетекьеро верде»: «люблю тебя в зелень одетой». Мы были нежны и зелены. Теперь никого нет.

Все оборачиваются, замирают, слушают.

Неля. Вам что-нибудь нужно?

Мать. Да, чтобы они оба были.

Неля. С Олегом все будет в порядке, вот посмотрите.

Мать. А тайна последнего слова в завещании проста: она уже и исполнена, кровь пролилась.

Теодор Францевич. Вы все знали... Но как об этом догадался Зайков?

Неля. О чем, что такое?

Теодор Францевич. Да, моя милая, вы не слышали этого последнего, самого последнего предписания, хотя и утверждали, что знакомы с текстом и что знаете его чуть ли не наизусть.

Неля. Какая кровь?

Теодор Францевич. Это ужасный пункт. Он гласит: «И только когда прольется чья-нибудь из них кровь, произойдет полное, окончательное примирение». Считайте, что воля покойного исполнена до конца. Да они и сами все время нарывались на это.

Мать. Зеленые еще, не все прошли. Доживут еще. Даст Бог.

Неля. Что же вы не остановили Филиппа, надо было...

Теодор Францевич. Успокойтесь, все идет, как надо, то есть по плану, по чудовищному, но все же плану. Он поедет сейчас, пока еще на свободе, к Олегу и там-то все и случится.

Неля. Как вы уверены.

Мать. Пошлите за цветами. *(поднимается, проходит мимо гроба, приостанавливается, касается его рукой и поднимается вверх).*

Неля. Невозможно поверить, что Федор Савельевич способен был придумать такое. Ну и чудовищный же был план. Зачем ему это надо было, неужели другого пути примирения не находилось? Что, только через потерю, через преступление возможно обрести друг друга?

Теодор Францевич. Вот именно. Видите ли... Старик был хитер, он не сказал прямо. Что, мол, надо бы поубивать друг друга или хотя бы попытаться. Нет, он действовал тоньше, а получилось наверняка. У него здесь даже в скобках помечено, через что такое может состояться. Например, через пролитие чьей-то крови, через огромное потрясение, через признание матери и любовь истинную к ней.

Неля. А что, разве его собственная смерть не является таким потрясением?

Теодор Францевич. Да, но он не хотел ставить себя во главу угла.

Неля. *(указывает на гроб)* Как же, не хотел!...

Теодор Францевич. Человек неглупый, он понимал, что только происшедшее буквально между ними способно как-то повлиять на них самих, изменить ситуацию. Кровь выступала в данном случае в виде некой метафоры, символа.

Неля. Ничего себе символ.

Теодор Францевич. Я и сам затрудняюсь сказать, как это он сумел предвидеть. Скорее все не так, никакого расчета здесь и не было. Все сошлось. А вот то, каким образом и почему могло так случиться, — да, в этом он был силен. Он все понимал. И их вражду, и зависимость друг от друга, и даже то, что они не смогут прожить один без другого. Но стояло между ними нечто такое, что обоими не прощалось. Вот и враждовали, хотя и любили. Вот и не прощали.

Опять возникает та изумительная тишина, которая в отдельные минуты становится своеобразным камертоном спектакля, самого действия. Все вслушиваются: каждый в свое, в то, что случилось. Появляются Амалия и Инга. Проходят, садятся. Инга снова на полу.

Амалия. Его нигде нет. Скорей всего, он у Олега. Наверное, его оттуда заберут.

Неля. Жалко стало? А тебе не было жалко твоего родившегося ребенка? Что ты, мстила за нелюбовь ее отца? Что ты со всеми наделаала?

Амалия. *(встает и жестко обращается к Неле)* Привыкла всех подряд винить? На себя бы посмотрела... Что, не очень-то это здорово — стоять целыми днями у плиты? Куда как интереснее образ вечной любовницы!

Неля. Это ты на себя бы посмотрела. Прожила прожней всю жизнь. Двадцать лет, а родить так и не удосужились.

Теодор Францевич. Девочки, не место, да и не время, оставьте ваши распри, уважайте хотя бы этот дом...

Голос. Никто не несет цветов. Все рушится. Скрипит, я слышу, как разваливаются, трещат стены.

Амалия *(вдруг начинает безудержно смеяться).* Слушай, а мы ведь вроде наших мужиков, ой, не могу, ой *(смеется).* Мы — родственники, мы все тут уже давно породнились. Нелька, я теперь в полном одиночестве буду, давай, переезжай ко мне, что тебе одной делать? Вот, через кровь и мужики наши примирились.

Неля. Как бы один из них вечного покоя не нашел.

Амалия. А что ж ты тут еще? Давай к нему, что медлить?

Открывается дверь и входит Зайков. Он закутывает свою правую руку в неизменный шарф и тихо говорит.

Зайков. Олег будет жить.

Неля сползает на пол, Инга молча поворачивается к Амалии, затем поднимается, подходит к ней и говорит.

Инга. Так значит, вы — моя мать? Не просто тетя Амалия, а мама? У вас такое красивое, такое необычное имя. Я вас всегда любила.

Амалия. А что же теперь, теперь-то? Любить что ли не будешь?

Неля. Надо собираться, я, пожалуй, пойду. *(Поднимается, собирается уходить. В дверях приостанавливается возле Зайкова, смотрит на него и говорит.)* Помнишь, как сказано у одного пролетарского писателя? А говорил-то не с народом, с прослойкой. «Пойдем продолжать нашу жизнь». Сказать мне тебе нечего. Но если Олег не выживет, я тогда...

Зайков. Что? Что тогда?

Неля. Да не бойся, просто убью тебя. Чего уж там? Что останется?

Неля уходит и вдруг в гостиной появляется горничная, очень прибранная, в приподнятом настроении и с цветами. Их много, она расставляет их по вазам, внимательно разглядывает, поправляет. Она целиком во власти этого занятия. Все смотрят на нее и движения прислуги действуют невероятным образом. Все понемногу начинают склоняться к мысли, что жизнь и правда продолжается, что надо выживать из болезни Олега, что происшедшая драма только укрепила их странные, их дружеские и враждебные связи. Нарушено только одно: ушел из жизни старик, отец Олега, но случившееся с самим Олегом лишь прояснило многое во взаимоотношениях всех участников. Пусть даже и такой жестокой ценой. Высвечивается лестница и мы видим наверху красивую старую женщину, которая тоже устанавливает в вазе цветы и собирается спуститься вниз.

Голос. Надо, пожалуй, вынести этот гроб. Рано еще.

Теодор Францевич. Осторожнее, мадам, вы бы не спешили.

Голос. Галя, пожалуйста, поднимись ко мне, надо поправить цветы. Здесь их тоже много.

Горничная слышит внятное неожиданное предложение и очень осторожно начинает подниматься наверх.

Инга. Я даже не знаю, как вас теперь называть. Мне еще многое надо обдумать. Но сейчас — нет, не могу. Давайте выйдем, хотя бы подышим воздухом, здесь так душно.

Уходят. Остается стоять Зайков, которого они осторожно и молча обходят. И остается главный предмет всего действия — гроб. Сцена пуста и только сверху, на слегка затемненной лестнице мы видим одиноко стоящую старую женщину, которая долго молчит и наконец произносит:

Голос. Все реки текут и текут. Куда уходит вода?

Сцена постепенно погружается в темноту и становится понятно, что каждый остался сам по себе, но как прежде, у него уже не будет. Что-то вошло в жизнь такое, что потребует долгого и неспешного осознания.

24 октября 2004 г. — 6 ноября 2004 г.

Конец.

**ПРИВЕТ, ФАРАОНЫ,
или
ВРЕМЕНИ НЕТ**

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семья Багрянцевых:

Бабушка, Елизавета Петровна

Ее дочь, **Капитолина Антоновна**, египтолог

Зять, **Игорь Святославович**, ученый, геохимик

Их сын **Коля**, студент театрального института

Дима, друг, однокурсник

Надя, подруга, однокурсница

Тихон Сергеевич, психоаналитик

Клеопатра, царица Египта

Антоний — ее супруг

1-ый воин

2-ой воин

3-ий воин, ставший жрецом

Гостиная, стилизованная под старину с вкраплениями ультрасовременных деталей. Особенностью обстановки является наличие черных масок, других аксессуаров, выдающих привязанности хозяев. Здесь под одной крышей живут, и иногда уживаются разные поколения. За круглым столом под длинной на цепи люстрой сидят Елизавета Петровна и ее дочь Капа. Мать чистит столовое серебро, дочь не делает ничего, хотя, впрочем, принимается сразу за несколько дел: то грызет орешки, то, бросая их, поправляет занавески на окнах, то переставляет вазы и другие предметы на старинном буфете, то попросту мешает матери, время от времени забирая у нее одну или другую вещь и рассматривая ее. Женщины прислушиваются к любому звуку: ждут кого-то — это ясно. Слышится шум, видимо, очень привычный, распахивается дверь и в комнату врывается молодой человек, которого зовут Колей и который учится на ворах курсе театрального института.

Коля. Коня, коня, полцарства за коня! Что вы обомлели, слуги, свита, моя королева? *(делает поклон в сторону немецких женщин)* Где ваша доблесть, честь? Где мой обед, в конце концов? *(хватает орешек и грызет)*. О, да, вкус дивной маслины, египетского финика, хотя и почему-то жесткой. Дьявольски твердой, я бы сказал. Ах, как мне нужно оседлать коня. Но где, где, скажите, взять его?

Женщины постепенно приходят в себя.

Капитолина Антоновна. Мир перевернулся. Нет, что происходит? Это всё — египтяне. Начали путать все они. То рыли чуть ли не б2 склепа, то меняли входы-выходы. Вот так и живем в вечном лабиринте.

Елизавета Петровна. Только Петюшу, жеребчика, запомнила. Дед еще держал. Много их было, целая конюшня. А этот тихий такой был, даже грустный. А тебе зачем? Куда теперь с конем-то? Слава богу, здесь нам есть, где повернуться, а лошади... ну, не знаю.

Коля. Ба, ты такая моя глупышка! Ну просто сразу веришь в предлагаемые обстоятельства. Нам бы так на курсе. Я репетирую, сечешь?

Елизавета Петровна. Сечь — нет. Никогда не секла: ни сама, ни меня. Не принято было.

Капитолина Антоновна. Иероглифы — великая вещь. Один из сыновей Рамзеса похоронен так особенно, причем, его первенец. В гробнице помещены сразу два царских сына. Подобного никто не видел. И это в долине, где выпадает всего 2 мм осадков. Лошадей, по-моему, тогда просто не было. Ну, не припомню. И чтобы возник такой торг — конь или часть царства — это что-то непостижимое.

Коля. (*Обнимает мать*). Очень образованный человек рискует остаться в темноте. Ты, мамуль, темнота. Так и не вылезает из своих египетских подземелий. Они тебе ближе и роднее, чем самый что ни на есть родной сын. Где, кстати, главный Тутанхамон? Где обед? Ах, да, в той 465-ой комнате, которой в свое славное время владел фараон. Бедные, как же они жили? Тут пару линий в ГУМе обойдешь — обалдеешь, а там — четыре сотни. Спрашивается, на что им такая лихость? Чтоб комфортно хоронить? Они и не жили, в сущности, а все готовились и готовились к смерти. Она для них становилась главнее самой жизни.

Елизавета Петровна. Голубчик, несущ тебе супчику и еще кое-что. Так что, Рамзес, готовься! Слезай со своего коня и поди помой руки. Помешались все. (*Уходит*).

Капитолина Антоновна. У жрецов непременно были изысканные одежды. Желтый цвет очень почитался. Ты где так вымазался?

Коля. Спасибо, уважила, заметила. Как это ты оторвалась от своих склепов? Даже на склепе сына Рамзеса написано: «Родной сын царя». Представляю! Мам, ты у меня — брэнд эпохи. Как они там, ну, твои египтяне, все больше в подземных царствах, так и ты: скоро про нашу жизнь уже и понимать

ничего не будешь. Ты вот, кстати, знаешь, почему нынче хлеб? Понятно. Я так и знал. Шучу, тебе это ни к чему. Главный наш знает все. И слава богу!

Капитолина Антоновна. Вопросов всегда больше, чем ответов. Долина царей — это вам не черноморский пляж.

Коля. А ты была, кстати, там?

Капитолина Антоновна. Пляж — циничное место. Мое место там, где жили избранные.

Коля. Ты, мамуль, не заморачивайся, я тебя понимаю. Сам бы не вылезал из мастерской, так бы и репетировал. Представляешь, буду делать кусок из «Ричарда». Ну, скомпануем целую сцену. Макароныч сегодня вызвал Долгополова и говорит: «Пробуй. Не надо сразу про коня, давай так: у меня есть одна бутылка пива. У меня есть две бутылки пива. У меня... и так до десятка. Сечешь? Нет, это не я, это он — Мишке. Тот как завопит: «У меня есть двадцать бутылок пива». Все так и покатались, даже орали: «Где, где? Чего врешь? В общем, не поверили. А я вышел, стукнул кулаком по стене, глянул на всех и только раз сказал: «У меня есть три бутылки пива». Тишина была безумная, Макароныч хлопал себя по лысине и приговорил: «Будешь Ричардом. Пойди на ипподром, поговори с лошадей». Так что, я убегаю, мне эту роль ни в жизнь нельзя потерять. «Коня, коня!»

Капитолина Антоновна, которая стояла все это время, присаживается в кресло и открывает огромную толстую книгу. Кухня — не ее стезя, у нее свой египетский миф. Тихо. Иногда слышно, как за окнами проезжает трамвай. Так же тихо входит Игорь Святославович, смотрит на жену, вздыхает.

Игорь Святославович. «Все — как всегда, все, как и прежде. Напрасно лыщу себя надеждой...»

Капитолина Антоновна. Ах, не надо надежд. Я рада, иди на кухню, там суп и еще кое-что.

Игорь Святославович. Как наши фараоны? Есть что-нибудь новенькое?

Капитолина Антоновна. Столько лет между Рамзесом и Тутанхамоном — это миг. А я не видела тебя вечность. Где ты был?

Игорь Святославович. Представь себе, на работе. В отличие от твоей трагической миссии у меня — сплошная проза: пробирки, сплавы, реактивы. Их судьба не так насыщена и почти прогнозируема. Но именно «почти». Мой никель сегодня такое отчебучил: прямо в пробирке, вступив в незаконную — по академическим меркам — связь с кадмием, выродил нечто такое, что страшно сказать. Словом, можешь готовиться к Швеции, шить платье. Говорят, нас троих выдвинут и это уже не шуточки.

Капитолина Антоновна. Черный цвет мне совсем не к лицу. Я, пожалуй, надену бирюзово-золотое, с выраженным геометрическим рисунком. Вот, смотри, примерно так (показывает книгу). Да, на голову... на голову надо... Впрочем, до этого я еще что-нибудь придумаю. Типа змейки или обруча.

Игорь Святославович. Это уже слишком. Какая змейка? Церемония проводится сто лет, при чем здесь бирюза и золото? Только черное, в крайнем случае — бело-черное. Есть нобелевские традиции. Куда без них?

Капитолина Антоновна. Только бы не пересечься: мне надо дней на восемь к моим египтянам. Как ты думаешь, успею в Швецию?

Игорь Святославович. Да-да, это такая игра: тебе — в склепы, мне — к элементам. Но там и там — мир, его начало, развитие и все такое.

Капитолина Антоновна. Платье пусть будет бело-черное, я согласна, но на голову — непременно змейка. Да и год подходящий. Так успеем?

Игорь Святославович. Помнишь, отец предостерегал: не стройте лишних планов, а ведь он был почти из твоих, из этих, Родригесов.

Капитолина Антоновна. Рамзесов.

Игорь Святославович. Какая разница?

Капитолина Антоновна. Он был Рамзесом, значит, важно.

Игорь Святославович. Надо же, услышала. Ты когда вылезешь из своих склепов? Тебе и впрямь надо лично посетить гробницы. Иначе — всё, кранты, как говорит мой чудный аспирант Сережа.

Капитолина Антоновна. Чаю хочешь? Я сегодня купила уникальные чашки. Говорят, с раскопок, ну, или старые-престарые. Но они дышат, я слышу, ты не смейся. Шумят как раковины. Наверное, их родина — где-то в районе Красного моря. Счастливый, ты там был.

Игорь Святославович. «Параллельные миры уплывают в неизвестность, прячут правду золотую в стекленеющий песок...»

«Был — не был, зря — не зря, и не позднее, чем взойдет заря»...

Капитолина Антоновна. Мне надо к психоаналитику.

Игорь Святославович. Бело-черный вариант мне нравится. Пока едем на Сашкино вручение, а там, глядишь, и наша очередь подойдет.

Капитолина Антоновна. Вот и Коля говорит: «Наверное, поздно». Я просто попробую. На утро записалась. Ты во сколько летишь?

Игорь Святославович. Мы, понимаешь, мы-ы. Ах, да, египтяне. Слушай, тысячи лет они лежали себе спокойно, пусть еще подождут. Швеция бывает раз в жизни.

Капитолина Антоновна. Чай уже остыл. Посмотри, какие чашки. Нравится? Иди на кухню, там твой Ричард.

Игорь Святославович. Как, уже Ричард? Он же был Рамзесом!

Капитолина Антоновна. Жаль, что Швеция — далеко не Египет. И что они не пересекаются. Я возьму совсем немного вещей, моя чудная аспирантка Наташка привезет билеты и бумаги.

Игорь Святославович. Так всегда: и один в поле воин. Я — один. Меня нет, не слышат, почти не видят.

Капитолина Антоновна. Никто не знает до сих пор, отчего умер фараон.

Игорь Святославович. Да какая разница! Тут в Воронежской области с начала лета более десятка человек скончалось, любителей грибов. И в воздухе трансмутации носят. Иначе — с чего бы это?! Повсюду переход элементов, мутанты, парадоксы, невероятные дожди. А она — с Тутанхамоном носится. Нет в жизни счастья!

Входит Елизавета Петровна.

Елизавета Петровна. Говорят, огурцы нынче — как поросята, только что не разговаривают. А так — большущие, кривые, с вывертом.

Игорь Святославович. У вас чай есть?

Елизавета Петровна. Чай, у нас все есть. Огурцы вот забыла купить. Ты иди к Коле-то, а то он совсем заврался, все о коне мечтает. Скалку схватил и все машет.

Игорь Святославович. Да уж, вундеркинд. А что обед, имеется или чаем обойдемся?

Елизавета Петровна. Ни за что не обойдемся и не отступим. Бывало, покойный дедушка все уговаривал: «Ты, милочка, на жизнь не рошши, дело делай». Вот ты все в пробирки заглядываешь, а на Капу и не глядишь. Она совсем замучилась, с ума сошла со своими покойниками. Подсобил бы ей. Не удивляйся: как? Словом, взглядом.

Вбегает Коля.

Коля. Вот вы, моя свита, моя нежнейшая страсть сводить все проблемы в одну пустую посудину, именуемую колбой. Па, ты как, еще без мантии? Я — уезжаю.

Игорь Святославович. И ты, Брут?

Коля. Схватываю на лету, спасибо за классику. Но я о другом. Послезавтра упорхну на Кипр — обменяемся с греками опытом по овладению системой Станиславского. А у меня нет плавок. Жду товарищей, выручат. Как считаешь, выйдет из меня Ричард? (*хватает со стола нож с вилкой, орудуя ими как булавой и скипетром, принимает царственную позу*). Отец, я всем пожертвовал ради тебя. Позолоти и мне мою руку. (*Берет полиэтиленовый пакет и подносит к отцу*). Можешь сыпать прямо в царскую личную казну. Да не оскудеет — и далее по тексту.

Игорь Святославович. (*Отмахивается*) Мне дадут в этом доме чай?

Возвращается Капитолина Антоновна с чашкой в руке.

Игорь Святославович. Как, ты уже принесла? Я и не заметил, когда ты удалилась. А больше ничего нет?

Елизавета Петровна. С парнем совсем плохо. Бредит что ли? Кипр — это где? Около Петрозаводска что ли?

Коля. Да, бабуль, почти, если провести прямую линию до моря. Ты отца бы накормила, а то он все мается. Отец, не возражай, идем, я снабжу тебя котлетой, у меня осталась.

Игорь Святославович. Все улетают. Хорошо, что бабушка дальше Карелии нигде не была, а то тоже бы запросилась на какой-нибудь малюсенький берег. Улетаю, брат, и я. Мне, пожалуй, тоже конь нужен, чтобы въехать в зал со своей проблемой. Без коня —

нет, не поймут. А так, глядишь, увидят, а, может, и услышат еще. Пошли.

В комнате мать и дочь.

Елизавета Петровна. Все вот дела, дела. Совсем замучили: то чистить, то готовить, то вот, вышивку закончить. А ты что же, в этот свой Египет собралась?

Капитолина Антоновна. Почти. Но по пути — еще по одному делу надо. Душевному. Там меня поймут.

Елизавета Петровна. Муженек твой только про ученость свою понимает, вы — как на разных островах. Один — про колхоз, другой — про овес, а третья — про границу. Одна сплошная МТС получается.

Капитолина Антоновна. Дай воды напиться, заграница. Какая Египет заграница? Она — уже почти родина. Хоть переезжай.

Елизавета Петровна. К мумиям? Не надоели они тебе? Ты вон, сама вся высохла, чахлая какая-то. Разве ж это жизнь? Один с пробиркой, другая — с толстенными книжищами. Бедный сыночек совсем один. Вон, даже лошадь запросил. Зачем ему?

Капитолина Антоновна. Репетирует. Все исполняют роли. Даже улетают все разом.

Елизавета Петровна. А МТС — это хорошо. Все работали тогда дружно, чинили, пособляли друг другу. Все — вместе. Это вы теперь дразнитесь: деревня, колхоз. А что без них, разве можно? Дед рассказывал, когда еще помещьем владел, что крестьяне рады-радешеньки были, что при хозяевах живут. Барин — он человек особенный, это понимать надо. Вы теперь сами не знаете, что вы, зачем. Глупости одни — эти ваши египетские пробирки.

Капитолина Антоновна. Тайна у меня есть. Нет, не могу, пожалуй, рано.

Елизавета Петровна. Ой, даже укололась. Ты чего это задумала?

Капитолина Антоновна. В космос слетать. Знаешь, как там? Вот и я не знаю. А очень хочется.

Елизавета Петровна. То-то я смотрю, ты все мимо вопросов норовишь проскользнуть, так тебя и тянет в какую-то сторону. И что удумала? Батюшки, неужели кто другой появился?

Капитолина Антоновна. Я — как Колька: вскочила бы на коня и — вперед. Даже и полцарства не нужны. Только покой и воля. И правда, что они только снятся.

Елизавета Петровна. Чует мое сердце, не к зубному ты собралась. Может, облегчишь душу-то, расскажешь?

Капитолина Антоновна. Нет, нечем, само все образуется. Коле — коня, Игорю — магний, мне — космос.

Елизавета Антоновна. А как же Египет? Что они без тебя-то, фараоны твои? Совсем загнуты.

Капитолина Антоновна. Совсем. Однако пора.

Елизавета Петровна. Иду со двора. Пора. Знать, всем пора пришла.

Входит Игорь Святославович.

Игорь Святославович. Человек не знает, что и когда пора, одними заблуждениями живет. И верить поэтому начинает во всякую ересь.

Капитолина Антоновна. Как ты?

Игорь Святославович. Как и ты.

Капитолина Антоновна. Еще не поздно.

Игорь Святославович. Все уже свершилось. У всех — свое. Все поздно.

Капитолина Антоновна. По прошествии тысяч лет не поздно истолковывать жизнь фараонов, а здесь — поздно?

Игорь Святославович. Фараонов — да. Но, скорее, смерть, нежели жизнь. В их смертях больше загадки, экспрессии, чем в самой жизни. Ведь еще никто из вас, копателей жизни, ни разу не произнес: кого они любили, что думали, какой режим жизни был. Одна только смерть волнует и представляет интерес и этому есть объяснение. Она, смерть, — последнее обстоятельство жизни. А все крайнее вызывает особенный интерес.

Капитолина Антоновна. Твои соединения металлов, они ближе к жизни или...

Игорь Святославович. Без «или». Именно они и есть жизнь. Без обольщений, преувеличений и допущений! И это — мир трезвый и реальный. А твой... прости, конечно. Ладно, я улетаю.

Капитолина Антоновна. Так-то лучше. Не трожь моего Рамзеса, вообще — не трожь. Ты ничего в живых не смыслишь. Сам занят элементарными чудесами, если не сказать, чудачествами. Мертвые реактивы, колбы, сплавы — в чем они могут убедить? А главное — зачем все это?

Игорь Святославович. Вот и главное сказано. А затем, чтобы тебе и твоим Рамзесам жилось и думалось чуть-чуть понятнее и комфортнее, чтобы процессы эволюции, о которых ты, кстати, печешься, совершались и длились. И так — вечность. Никакой мертвечины, сплошная жизнь. Однако волнует другое. Ты стала странной. Все отделяешься и забываешь вокруг себя колышки: не троньте, я — вне понимания. А никто и не претендует.

Капитолина Антоновна. Вот это и жаль.

Входит Коля.

Коля. О, боги и цари! Кстати, что такое царь? И почему боги были раньше живые? Их что, много было? Теперь один? Граждане родители, такое у вас любопытное чадо, все радуется жизни. А вы все хмурые

и смурные. В чем проблема? Лететь или не лететь? Что ж, остается бабуленция, тоже неплохо.

Капитолина Антоновна. Папа хотел и меня взять с собой в Швецию, на генрепетицию своей главной роли, но у меня своя миссия, меня ждут...

Коля. Да, тебя ждут бедные египтяне.

Капитолина Антоновна. Что ж они такие бедные?

Коля. А то, что они сами про себя не знают столько, сколько ты о них. Но и я кое в чем поднаторел. Вот скажи, что было, к примеру, раньше: верблюд или сам Египет? А, не знаешь. А это о многом говорит. О том, что двугорбые возникли там лишь в шестом веке, к примеру. В другой эре, естественно. И что и без них жилось в Древнем царстве неплохо.

Капитолина Антоновна. Откуда такие познания?

Коля. Макароныч рассказал. Он был даже там. И иногда мне кажется, что жил и при Рамзесе, и при князе Владимире, и летал над пустыней Гоби, и осваивал БАМ. Он знает все!

Игорь Святославович. Похвально. А никто не видел мой в клеточку пиджак? И еще галстук, такой, в крапинку синюю?

Коля. Несочетаемые вещи ведут к парадоксу. Или — к глупости. Папа, ты рискуешь прослыть безвкусным. Почему молчат женщины? Такой животрепещущий вопрос остается вне поля их внимания!

Капитолина Антоновна. Галстук прямо перед тобой. А пиджак сдался вчера в чистку.

Игорь Святославович. Как? Зачем? Что я такого сделал?

Коля. Вот-вот, в лучших традициях современной аристократии: ты не слышишь меня, я не хочу слышать, что ты и где ты, да и говоришь ли ты. Театр абсурда называется.

Игорь Святославович. Непостижимо. Законы физики работают и здесь.

Капитолина Антоновна. Пропажа пиджака и твои кластеры? Ты же обычно соединяешь металлы, а тут — наоборот.

Коля. Ребята, все прекрасно, мой смокинг как раз будет кстати. До сдачи отрывков — куча времени, а он висит, бедный, унесенный из великого театра, в шкафу, продолжая традицию несовместимости чего-то с чем-то. Вручаю! (*Передает костюм отцу*).

Игорь Святославович. Такой наряд, конечно же, преждевременен, однако, попробовать надо. (*Примеряет*). Да-а, ничего себе.

Коля. Ничего себе «ничего себе»! Великолепно! Родитель, ты просто обязан воспользоваться моим великодушием. Лети!

Наступает совсем уже поздний вечер, темнеет и за окном, и в комнате, и постепенно герои и вовсе растворяются в темноте.

Елизавета Петровна. Свет что ли погас? Придется свечку брать. Наконец-то угомонились. Ну и артисты, каждый — про свое.

Тишина. И только часы, что так уютно устроились в углу, нарушают ее своим мирным тиканьем. Поворачивается круг и мы видим сидящую Капитлину Антонову в кабинете у психоаналитика. Разговор, видимо, начат давно.

Тихон Сергеевич. А вы думали, что ваши интересы, ваша страсть к миру, прямо скажем, не реальному, давно утраченному, не вызывает у близких такого же энтузиазма и понимания? Ну что им ваш Мендес с его внезапным разорением и гибелью? Ничего до сих пор неизвестно.

Капитолина Антоновна. Наука живет гипотезами, пусть подчас и ложными. Все узнать — значит остановиться. Что-то с чем-то пришло в противоречие, вот и не вынесла цивилизация этих сложнос-

тей. Есть версия пожара, есть — падения нравов, как потом повторится с Древним Римом. Нет-нет, есть всему объяснение, надо только видеть, строить внятную линию, находить причинно-следственные связи. Не рушить, а восстанавливать жизнь.

Тихон Сергеевич. Вот у вас проблема разлада. По крайней мере, вам так кажется. В семье, в интимной сфере, во взаимоотношениях с сыном. А не приходило вам в голову, что следует вернуться к ним лицом, увидеть и услышать их проблемы, перестать нагружать сведениями о Ниле и Каире? Нет, не задумывались. Все, видите ли, очень просто: мера отдачи равна отдаваемому.

Капитолина Антоновна. Нет, неверно, я их очень люблю, но каждый занят собой, исключительно и только своими проблемами. Они вынудили меня уйти в Древнее Царство.

Тихон Сергеевич (*рассматривая ее наряд*). Вы даже одеты как-то странно. Что это у вас на голове? Косичка с цепочкой? Вы — не подросток, в конце концов! А фасон платья? Вы полностью погрузились в тот мир, в иллюзию прошлого.

Капитолина Антоновна. Мне здесь неинтересно.

Тихон Сергеевич. Вот то-то и оно.

Капитолина Антоновна. Я даже сны вижу, посвященные моим дорогим героям. Я знаю о них все: что они ели, как ткали полотно на одежду, как наряжались (а они любили это делать), какие использовали краски для макияжа. Знаете, там красились даже мужчины. И не только дабы привлечь внимание противоположного пола, но и в гигиенических целях. Использовались активно сажа и даже дезодоранты и благовония. Например, в волосы запрятывались особые шарики из воска с благовониями. Воск стекал и тело чудесно пахло. Макияжу вообще приписывался магический характер. Толстых там не было, хотя хлеб почитался и к нему относились очень учтиво. Назывался он, как и жизнь, кстати, — эш.

Тихон Сергеевич. Да-а, бедные ваши мужчины. Как они-то без шариков?

Капитолина Антоновна. У них они просто отсутствуют.

Тихон Сергеевич. Понимаю. А вот почему вы проигнорировали поездку с вашим мужем? Неужели не хотелось побывать в Швеции?

Капитолина Антоновна. Видите ли, на вручение ему я, конечно, поеду. Такое не пропускается. Но что мне Европа без верблюдов?! Там ведь ни одной, ни единой пирамиды!

Тихон Сергеевич. Плохо дело. Ложитесь, я вас послушаю.

Капитолина Антоновна. При чем тут это? Вы и так меня слышите.

Тихон Сергеевич. Сердечный ритм — это почти что ваш эш. Все в нем. А судя по пульсу, у вас с этим не все в порядке. Ну вот, правильно: 82 удара, две экстрасистолы попались — не так уж все здорово.

Капитолина Антоновна. Это у меня реакция на врача, на чужое место. Я здорова. Ой, кажется голова что-то кружится. Ой...

Врач подхватывает пошатнувшуюся героиню и осторожно укладывает на кушетку. Дает воды, лекарство, слушает пульс.

Тихон Сергеевич. Ну вот, уже лучше. Но никакого Каира. На Пахру еще можно, но в дельту Нила, к крокодилам — ни-ни. Вы слышите меня?

Капитолина Антоновна. *(утирает слезы).* Я...я... все бы узнала про мусор и... и канализацию. Кажется, ее там не было. А мусор выбрасывали за угол дома. Чудовищно. Мне надо выйти.

Тихон Сергеевич. У нас, к счастью, все имеется. Вон — дверь. Осторожно.

Садится, пишет. Кажется, он что-то придумал. Входит Капитолина Антоновна.

Тихон Сергеевич. Вот и славно. Садитесь. Есть мысль. Хотите, я свожу вас в такое место, где вы кое-что поймете. Где вам откроются некоторые тайны, где ваше заблуждение относительно истинной жизни, быть может, развеется. Хотите? Соглашайтесь, пока я добрый.

Капитолина Антоновна. Когда? Сейчас?

Тихон Сергеевич. А что тянуть? Идет?

Капитолина Антоновна. Все идет, но куда-то не туда.

Тихон Сергеевич. Правильно, и в этом есть своя прелесть. Одевайтесь!

Свет гаснет и мы снова оказываемся в квартире Багрянцевых. За столом — Елизавета Петровна. По обыкновению что-то чистит, на сей раз — самовар.

Елизавета Петровна. Совсем закоптился. Больно любят из него пить. То гости, то так, для порядка. Ничего, миленький, ототру я тебя, заблестишь. Приедут все Нобели — фараоны, а ты тут у нас — вон каков! Терпи, милый, терпи!

Звонит телефон.

И кого это раздрает? Все знают — улетели. Сразу, хором. Алло, я слушаю. Какой такой Дима? Ах, друг. А ты что, не с Колей разве? Ну заходи, чайку попьем. А Надя-то его где, не улетела разве? Вот оно что. Ну, заходи, коли секрет. Я все ваши секреты наизусть выучила. *(кладет трубку).* Секреты... у всех одни и те же. Ничего нового. Вон, жизнь, все идет, идет себе, а мир вроде бы и не шелохнется: как стоял на любви, так и стоит. Да и стоять, думаю, будет. Куда он денется?

Звонок в дверь.

Да нет, не может быть, что уже доскакал. Не на самолете ж через всю Москву облетел. Кто там? Ах! Это ты что ли? (*входит Игорь Святославович*). Что, опоздал что ли, или так, раздумал?

Игорь Святославович. Меня — раздумали. С ума сойти. Не люди, а сплошные анкеты. Меня в списке судеб не было.

Елизавета Петровна. Каких судеб?

Игорь Святославович. Обыкновенных. Чаю дашь? Все чистишь? Кто пожалует?

Елизавета Петровна. Вот ты и пожаловал. Мало ли кто еще. Время покажет. (*Уходит на кухню*).

Игорь Святославович развешивает плащ, достает вещи, раскладывает на письменном столе бумаги, что-то бормочет.

Игорь Святославович. Человека нет, есть один сплошной эволюционный процесс, где сама личность растоптана и размазана. Нас нет, одна видимость.

Елизавета Петровна. (*внося на подносе чай, бутерброды*). Все хорошо, и человеки есть, и люди, и даже очень хорошие попадают. Ты ешь себе, ешь.

Игорь Святославович. Права Капа. Она живет не здесь и не с нами, ей со своими фараонами куда лучше. И — спокойнее. От неё нет известий?

Елизавета Петровна. Взяла только сумочку, сказала: «Остальное придет само». Я так ничего и не поняла. Хорошо, думаю, что тяжести не потащила, провожать некому, все на самолетах.

Звонок в дверь. Елизавета Петровна открывает, входит Дима.

Елизавета Петровна. Не топчись, заходи, чай как раз не остыл еще.

Дима. А я вот не на Кипре: не взяли. Приветствую вас. А вы разве дома?

Игорь Святославович. Нет, это не я, я — в Швеции. Там сейчас совершается тоже некое театральное действие, такой, знаешь, театр абсурда. А я — сторонний наблюдатель, можно сказать, критик. Вижу сверхзадачу, улавливаю идею, но исполнители — из рук вон плохо. Улавливаешь? Везде свой Шекспир. Как там, кстати, наш Ричард и ваш Макароныч? Все спросить хочу: откуда такое прозвище?

Дима. Вообще он — Марк Аронович, но для краткости и выразительности — Макароныч. Он — в отличие от этих мучных изделий — толстенький, лысый и ходит, как Чарли Чаплин. Абсурд не признает, почитает Шекспира и Чехова. Первого — за страсть, нашего — за тонкость. Нет, это он так говорит, не я. Мне больше вообще фантастика нравится. Лем, например. Но его не разрешают брать в отрывки. Я хотел было океан сыграть, пластику нашел, звук, но — кранты, закрыли тему. А вы кого любите?

Игорь Святославович. Вернадского и незаслуженно забытого Ферсмана. Это — гении геохимии. А из древних? Пожалуй, Еврипида. Там тоже страсти. Да какие! Не хочешь попробовать? Медея, кажется, у вас есть. Или я ошибаюсь? Ну да, Надя. Как у них с Колей, вместе улетели? Нет?

Дима. То-то и оно: выбрали четверых. Я — за бортом. Это вам не страсти? Надя. Она ... знаете, она Настасью Филипповну здорово репетирует, могла бы и Медею. В ней есть такое!

Игорь Святославович. Понимаю. Но это ничего, разберетесь. Ты, наверное, что-то спросить хотел? Говори.

Дима. Хотел. Я о жизни у бабушки хотел спросить. Она, наверное, добрая, все знает.

Елизавета Петровна сидит все это время чуть поодаль, вяжет. Трудно сказать, слышит ли она говорящих. Она — сама по себе.

Игорь Святославович. Мама, вот молодой человек пытается жизнь постигнуть. Это, по-вашему, сложно?

Елизавета Петровна. Да чего же сложного? Живи себе, радуйся, дело, главное, делай. Хоть в пробирку заглядывай, хоть к фараонам лети, но разумением живи. Тогда все легко. Ну, когда не баклуши бьешь, а сквозь жизнь пробираешься. Вас вот с Колькой не совсем еще поняла. Что вы хотите? Дури пока много. Но тоже — свое на уме. Один рыцаря изображает, другой (*кивает на Диму*) по девушке грустит. Что удумал — грустить! Ты вот тоже коня трейбуй, как наш Колька. Что закис?

Дима. У меня другая индивидуальность, я отрывок из «Гамлета» делаю. «Быть или не быть» — для меня тоже вопрос.

Елизавета Петровна. Вы так себе и жизни досаждаете: вопросы, непонятности. А ты делай и все придет. Вишь, наш глава семейства такое изобрел в своих опытах и пробирках, что вся заграница качнулась. А Капочка моя? С виду только тихая, а так — все знает про разную древность, до капельки все вызнала. И где какие города были, и кто когда помер, и комнат сколько — все. Только вот...

Дима. Что? Говорите. А, не хотите, секретничаете?

Елизавета Петровна. Да, только вот не всегда ее фараоны в пробирках помещаются. Отсюда и вся сложность выходит. Так ведь, Игорек? Ты — со свинцом, она — с раскопками, никак не встретятся. А живут бок о бок. Только смотрят в разные окна.

Дима. Вам грустно? Да, да, я же вижу. Не волнуйтесь, у вас тоже все наладится, вот посмотрите.

Звонок в дверь. Елизавета Петровна встает, открывает.

Елизавета Петровна. Как, и ты? Что вас всех как заклонило? Ты что, тоже не улетела?

Капитолина Антоновна. Как — «тоже»? Кто еще? А, понятно (*видит мужа*). Что случилось? Не все данные захватили? Или с кислотой в самолет не пустили?

Игорь Святославович. Кислоту мы, к счастью, не возим, а только используем. А вот меня завернули как использованную единицу. Ты рада?

Капитолина Антоновна изумленно смотрит на мужа, проходит мимо стола и удаляется на кухню.

Игорь Святославович. Загадка природы не в кадмии, не в сочетании меди и серебра, а в реакции человека. Еще точнее — женщины.

Дима. Я, наверное, пойду. У меня такое чувство... Словом, почему-то Коля не позвонил. Странно. Может, еще не долетели?

Звонок телефона.

Елизавета Петровна (*берет трубку*). Вас слушают. Что значит «продолжайте»? Вы — кто? Как Коля? Коля у нас улетел в Карелию, ой, нет, в Кипр. Негодник, ты что ли? Ты где? Как в Караганде? Ты меня не смущай, этот город я знаю, это совсем не Кипр. Отвечай скорей. Встретимся? Да вы что, все с ума что ли посходили? И отец здесь, и мама пришла вся в отпаде, осталось — тебе. И Дима у нас. Открывать? Ой, ну, они с ума меня совсем сведут.

Звонок в прихожей. Елизавета Петровна, как и положено, идет открывать дверь и в комнате появляется Коля.

Коля. Вся свита в сборе? Отлично. А мой конь сбежал, так и не дождавшись меня. Упорхнул, можно сказать, с другим ездоком. Вернее, с наездницей. Чаю дадут?

Елизавета Петровна. Сейчас. Сейчас. Час от часу не легче. То улетают, то прилетают. Одно слово — семейка.

Коля. Ты, Диман, часом мне не снишься? А, о жизни толкуете? Это резонно. Тем более, что я в сильном ознобе от этой жизни. Аж круги какие-то скачут. Или кружатся. Кому — как. Ты, стало быть, здесь. Пошли репетировать.

Дима. Ты правда заболел?

Коля. Да, и опасно. Советую не заразиться. Держи дистанцию (*обнимает Дилму и пытается его побороть. Оба берутся, падают на пол, кричат, хохочут*).

Я же сказал, я — заразный, отстань от меня. Меня обсыпало вирусом искушения, страсти и славы. Все симптомы промотавшего царство царя. Вставай, «быть или не быть». Царству — быть, народу — плыть, нам — рыбу удить. Пошли, порыбачим? Куда — куда? В берега.

Дима. (*Отдышавшись*). Не могу, я больше не могу.

Коля. Что значит ваше «больше»?

Дима. А то и значит, что Надя мне все сказала. И нечего тут...

Коля. Все? Что же «все»? Давай, выкладывай, принц датский. Кто там еще горюет за королевство?

Дима. Отстань, мог и раньше сам все рассказать, теперь поздно. Я пошел.

Коля. Нет, стой, не пуцаю. Вождь, послушай, на мне правда, нет греха. Что ты раздулся? Не нужна мне твоя Офелия, владей себе.

Дима замахивается на Колю, но тот ловит его фуку.

Вы, сударь, горячитесь. Спокойно. Уберите шпаги в ножны и — молчание. Держите удар. Ясно?

Игорь Святославович сначала отступает, но любопытство берет вверх и он останавливается, наблюдает. И все же решает вмешаться.

Игорь Святославович. Мальчишки, не стоит, ус-

покойтесь. Что за страсти вы развели? Кому это надо?

Дима и Коля (*одновременно*) Нам!

Игорь Святославович. Глупости все. Лучший способ сохранить отношения — не выяснять их.

Входит Капитолина Антоновна.

Капитолина Антоновна. Вот ты и не довыяснялся. Я ухожу. Не смейтесь, я совсем ухожу, нечего на меня смотреть.

Игорь Святославович. Капа!

Коля. Надеюсь, не в Египет?

Елизавета Петровна. Дождались! Случилось все-таки, созрела! Что же теперь?

Капитолина Антоновна. Успокойтесь, все успокойтесь. Так надо. Мама, перестань. Еще всем будет хорошо.

Коля. Действие продолжается. Перфуманс, акция! Ура! Я, было, совсем закис.

Дима. Ты просто сошел с ума.

Елизавета Петровна. Ты, Капочка, сядь, не волнуйся. Ну, в другой раз полетишь. Подумаешь!

Капитолина Антоновна. (*усмехается*). Не верите. Ну, что же, сказать мне нечего больше. Да я и не особенно говорлива.

Игорь Святославович. Еще отец говорил: «Женщина — тайна посильнее египетских пирамид вместе взятых». Что ты надумала, почему? Кто в чем провинился? (*пытается удержать ее*).

Капитолина Антоновна. Что толку в выяснениях? Ты не поймешь.

Ребята удаляются, уходит и Елизавета Петровна. Герои остаются одни.

Игорь Святославович. Я разве в чем-то препятствовал, что-то запрещал? Ты делала то, что хотела.

Капитолина Антоновна. К чему эти оправдания? А ты сам знаешь хоть, чего я хотела? Нет, я не хочу тебя обижать, это недостойно. Я просто уйду.

Игорь Святославович. Ничего себе «просто»! Что, что случилось? Двадцать лет — на помойку? За угол дома, как в твоём Мендосе? Ты сошла с ума, съехала, понимаешь. Со своим Каиром, верблюдами и прочее. Жизни нет, есть сплошное погружение в то, чего нет. Может быть, даже в смерть. Ты так легко относишься к жизни, потому что для тебя — важнее всего не-жизнь. Не жизнь, понимаешь, а смерть. Небытие!

Капитолина Антоновна. Что ты понимаешь в смерти? Те люди почитали ее и готовились к ней всю жизнь. Она становилась главным событием жизни. Последним событием. Это теперь — жил — умер — все равно. К смерти не готовятся, ее не уважают, в ней не видят смысла. Так, обычное дело. Подумаешь, умер! А тут не только века и эры, но до сих пор опомниться не можем, что за величие такое они находили в уходе человека? Что там, за пределами — не самое важное. Само таинство этого ухода и последующее содержание человека — вот где истина. И вообще, не трогай эту тему. Ты сам только и возишься с мертвечной, с крупицами неживого и чуть ли не молишься на свои частички, элементы. А, может, и молишься. Скорее всего. Вот и я молюсь. Только мы остались — каждый со своим. Ты переменялся, ты — сам по себе, а я смотрю, как говорит мама, в свое окошко. И видим мы разное.

Игорь Святославович. Ну и что? Это и прекрасно. Зачем повторять друг друга? В разном и есть радость. Что с тобой, зачем эти речи?! Какие смерти? Живи, радуйся жизни, пой. Ты же раньше пела. Куда все делось?

Капитолина Антоновна. Отпелась. Подначивать

меня стало излюбленной темой в доме. Ах, ну что говорить? Я — уйду. У-хо-жу, понятно?

Игорь Святославович. Нет, не понятно. Кто он, твой избранник? И куда это ты направляешься? Уж постой, пожалуйста, задержишься на мгновение. Кто тебя ожидает?

Капитолина Антоновна. В этом — ты весь. Как и само твое имя, редкое, как запятая.

Игорь Святославович. Вон ты куда уже? И имя не то? Твое зато очень выразительное — Капа. Что за имя такое? В нем есть призыв, мотив капитуляции, ты сдаешься, сбегаешь, капитулируешь! Ты способна бороться только с гипотезами о смерти. Что ты согласишься в жизни? Да ты просто пропадешь без меня. Иди вперед, дверь открыта. Ну же, здравия желаю, быстрее!

Капитолина Антоновна останавливается, оборачивается и вдруг садится на свою собранную сумку. Плачет. Долгое молчание.

Капитолина Антоновна. Я должна уйти.

Игорь Святославович. Хочу и должна — что-то здесь не клеится.

Капитолина Антоновна. Как мы раньше любили качели.

Игорь Святославович. Ты сдаешься. Не бойся, сдавайся, Капуша. У нас все теперь будет по-другому. Не плачь, дай, я обниму, покачаю тебя, как маленькую.

Капитолина Антоновна. Я хочу пожить одна. Я знаю, так надо, так будет лучше.

Игорь Святославович. Дурочка моя, я тоже пропаду. Мы оба пропадем. Я закисну в пробирке, ты засохнешь со своими мумиями. Давай ...

Капитолина Антоновна. Нет, я все решила, еще давно, позавчера, так надо. Ты опять смеешься.

Игорь Святославович. Я тебя пытаюсь рассмешить, девочка моя.

Капитолина Антоновна. «Девочка»... Теперь «девочка», а прежде ты меня и по имени не звал — разучился. Никак не обращался. Есть и все — как вещь. Как привычная в доме вещь.

Игорь Святославович. Я придумал. Давай махнем на Селигер. Там тебе — ни мертвых, ни живых. Одна природа. Я мигом все организую.

Капитолина Антоновна. Не могу. Прости, но я должна идти.

Игорь Святославович. Тебя ждут?

Капитолина Антоновна. Я всегда — сама по себе. Не будоражь меня, не вноси смуту. Я ухожу.

Игорь Святославович. *(делает приветственный жест рукой к двери)*. Что ж, прошу. Но и я не стану сидеть, сложа руки.

Капитолина Антоновна. Вот-вот, не сиди, действуй. Займись, наконец, дачей, поставь дом. Фундамент два года пустует, доски гниют, ни одного деревца. Сплошные пробирки в голове. И руки, и ноги будут задействованы, а более всего... *(указывает на голову)*.

Капитолина Антоновна поднимает сумку, уходит. Игорь Святославович остается стоять у дверей, затем сползает на пол, закрывает лицо руками. Входит Елизавета Петровна.

Елизавета Петровна. Час от часу не легче. Что ты сел-то? Застудишься. Иди пить чай.

Игорь Святославович. У вас один только чай на уме.

Елизавета Петровна. Так и дом опустеет, скоро совсем одна останусь.

Игорь Святославович. Не обольщайтесь, все там будем. Вот и повстречаемся снова. Может, веселее будет, как думаете? Молчите? То-то.

Елизавета Петровна. Вдруг еще одумается, вернется? Не насовсем же с одной сумкой пошла? Ты все-таки смурной.

Игорь Святославович. Не трогайте меня.

Елизавета Петровна. Никак нельзя, миленький. Жизнь — она длинная. А местами и не хватает ее. Так что, сам думай, где отмерить, где — подставить. Капочку жалко. Неужели к своим бармалеем удумала двигаться? Не настало еще время.

Игорь Святославович. А откуда известно, когда какое время настает? Что вы можете знать?

Елизавета Петровна. Знать, может, и не знаю, но сильно чувствую. И видится мне, засасывает каждого. Зовет что-то. А ноги — аж подкашиваются, так сбивает. Сила сбивает наисильнейшая. Прямо заводит, завывает. Ой, не могу, не устоять. Страшно. Где ты, Капочка, Игорь, где вы? Падает все, кружится. Не вижу, ничего не вижу. Капа...

Елизавету Петровну подхватывает зять и укладывает на диван. Садится рядом, склоняется. Медленно гаснет свет и постепенно начинают прорисовываться контуры пирамиды. Они застывают на заднем плане, отчего кажется, что вся сцена, прежняя декорация полностью покрываются ею, огромной и величественной.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцене — пирамида. У ее основания сидят два человека: Капитолина Антоновна и Тихон Сергеевич. По мере того, как свет все больше заполняет пространство, становится очевидно, что они здесь не одни. Наконец и они замечают это и отодвигаются вглубь сцены. Наверху изящной лестницы сидит царица Клеопатра. Внизу — красивый господин в царском убранстве. Это Антоний.

Клеопатра. Не надо отпираться, это ты убил обоих: и слугу, и Фульвию. И надо же — почти весел. Это наводит на печальные мысли.

Антоний. Какие же, царица?

Клеопатра. Ты не скорбишь и, стало быть, моя будущая участь ясна уже теперь. Тебе смерть вообще не страшна?

Антоний. Как можно бояться того, чего не знаешь?! Подумаешь, смерть! Что в ней такого?

Клеопатра. Я думала, ты мудрее. А ты — просто храбрый.

Антоний. Послушай, дорогая, что ворошить пустое? Давай, лучше прикажи устроить игрища, посоревнуемся в отсутствии мудрости, как ты говоришь. Я загадаю загадку. Проигравшему, неугадавшему — смерть.

Клеопатра. Как ты легко о ней!

Антоний. Посмотрим, так ли легко, как кажется. Пригласи трех воинов, трех отважных граждан, а я предложу им условия.

Клеопатра (*стучит в ладоши, заходит жрец, она отдает распоряжение и вскоре появляются трое мужчин*). Кто из вас окажется самым храбрым, получит царский подарок.

Все выхватывают и поднимают вверх мечи, затем склоняются в поклоне.

Клеопатра. Нет, не храбрость возвысит вас, но ум. Кто из вас самый умный?

Трое пришедших не шелохнутся.

Клеопатра. Ясно. Приступим. Прошу (*обращается к Антонию*). Начинай, я жду.

Антоний. Что легче: жить или умереть? Что страшнее: жизнь или смерть?

1-ый воин (*поднимает руку, испрашивая позволения сказать*). Здесь все ясно: что может быть страшнее смерти?

2-ой воин. Легче жить, умереть страшно.

Антоний. Да, умом они не блещут. Может, третий пропоет что-то звонкое?

3-ий воин. Позови хоть мудреца, ответ будет один: смерти никто не знает. Она и есть загадка. Но и жизнь не менее загадочна. Ты задал немудрый вопрос, повелитель. Нет на него ответа.

Антоний. У меня найдется. Ты сегодня познаешь, что такое смерть.

3-ий воин. Как скажешь. Но мы не приблизимся к отгадке все равно.

Антоний. Этими словами ты даешь понять мне, что я неправ, ты возражаешь. А позволено тебе спорить со мной? Я сам убью тебя.

3-ий воин. Тебе виднее. Но ты все равно ошибешься.

Антоний. Это потом, а сейчас — вот тебе (*собирается замахнуться на воина, выхватывая кинжал*). Защищайся, что же ты? Что медлишь, что молчишь? Протестуй! Эх, ты, глупая скотина, ты — покорная скотина, не человек. Ты готов принять то, о чем понятия не имеешь. Может, ты и есть мудрец? Отвечай!

3-ий воин. Каждый живущий — мудрец. И я, и ты. Но у тебя больше власти, ты и приказываешь. Однако когда она подступится к тебе, ты тоже окажешься бессилён. Ничто и никто не властны над ней. Даже ты.

Клеопатра. Оставь его, Антоний. Пусть ходит в мудрецах, зачем ему воевать?

Антоний. Нет, моя царица, мудрецы — самые опасные люди. Им кажется, они все знают. Это они вносят смуту и будоражат. Их ум так пронзлив, что утрачивается свой собственный. Начинаешь теряться: что это за жизнь, если смерть не стоит ничего? Что? Надо изменить отношение к смерти, надо узаконить такое ее почитание, чтобы неповадно было умирать ни с того, ни с сего.

Иди, мудрец, воюй. Как, кстати, ты совмещаешь одно с другим? Тебе ведь приходится убивать?

3-ий воин. Я делаю не то, что думаю и как думаю.

Клеопатра. Хватит, пусть уходит, пусть живет, буду спрашивать иногда его советов. Он не злой. Ты отчего печальный, мудрый воин? Ты терял кого-нибудь? Отвечай. И кому хуже: кто уходит или тому, кто остается? На этот вопрос ты знаешь ответ?

3-ий воин. Оставшийся ожидает подобного же. Он уже видел, как это: покидать мир. Ему хуже.

Клеопатра. Так ты испытал утрату?

3-ий воин. Да, моя царица. В бою погиб мой сын. А я вот — остался. Это нарушает весь ход вещей.

Клеопатра. Антоний, оставь его мне. Он мне понадобится.

Антоний. Чтоб спрашивать, как жить и все оттягивать смерть и стремиться от нее уклониться? Так не бывает, она наступит всех. Хотя, пожалуйста, я — добрый сегодня, пусть живет. Да и эти двое — зачем они мне? Умнее все равно не станут.

Клеопатра. Смотри, солнце садится. Но пирамидам хоть бы что. И вправду: все боится времени, время боится пирамид.

Антоний. Иди, воин, благодари свою царицу. Может, и правда ты знаешь что-то больше меня. Я не терял сына. Только жену. Но я ее не рожал — в этом весь смысл. Кровь — она дорогого стоит.

Воин, поклонившись, уходит. Остаются двое — Антоний и Клеопатра.

Клеопатра. Иногда мне кажется, я знаю все, могу управлять не то, что Египтом — целым миром. А потом снова что-то находит, солнце закрывает верхушку пирамид, и я становлюсь маленькой беспомощной девочкой, не знающей, как править, как жить, как любить.

Антоний. Ты сегодня особенно прекрасна. Когда ты просто женщина — в особенности хороша. Иногда я

думаю, что именно слабости, а не царской твоей воли поклоняются более всего. Ты так красива, как этот мир, как вечность, как пирамиды, в конце концов.

Клеопатра. Идем, мой повелитель, я тоже готова загадать тебе загадку, хотя она и не такая страшная. Она — просто про жизнь, ничего от вечности и мудрецов. Она просто ... про любовь. Знаешь ты, что это такое?

Антоний неопределенно качает головой.

Клеопатра. Я так и думала. Идем. Может, ты что-то поймешь без всяких мудрецов. Женщина — вот кто важнее всякой премудрости. Ты разве не знаешь?

Антоний. Я устал и мне не до вечности. Есть я и ты, остальное — сущие пустяки. Так ведь? (*Уходят*).

Из своего убежища выходят мужчина и женщина. Это — Тихон и Капа. Они все дальше отодвигаются от пирамид, спиной к залу, не произнося ни слова.

Тихон Сергеевич. В первый раз вы только приблизились, только увидели издали это необъяснимое чудо. Я, правда, опасался, выдержите ли вы такое испытание: попасть в другое время? Как, трудно? Что ж, это вам не с сумочкой в командировку издали глянуть на все. Здесь посложнее будет. Дышите? Дышите, дышите. Не каждый день можно живую увидеть царей Древнего Египта. Вам что, нехорошо? Вот, попейте минералочку, полегчает.

Капитолина Антоновна. Может быть, это все снится и я сейчас проснусь? Кстати, который теперь час?

Тихон Сергеевич. Да какая, в сущности, разница? Вы — дома, здоровы и бодры, слабость сейчас пройдет, но наступит другое. Другое понимание многих вещей.

Капитолина Антоновна. У вас имя для вас совсем неподходящее. Вы никакой не тихий, настоящий громовержец. Что вы так громко говорите?

Тихон Сергеевич. Это вам так кажется. Вы ведь почти из обморока вернулись. Кстати, как прошел ваш уход? Мирно?

Капитолина Антоновна. Да, меня с миром отпустили, благословив на новую жизнь. Смешно: как можно мирно покинуть дом, мужа, всех и уйти в никуда? На поиски правды о смерти. Кому нужна эта правда?

Тихон Сергеевич. Мне нравится, что вы начали царапаться. Продолжайте, прошу вас, это вас украшает. А то такая тихая, покорная Капа. Сейчас насмотрелись зрелищ — повеселели, даже озлились малость. Ничего, то ли еще будет.

Капитолина Антоновна. Послушайте, а та дверь, к которой мы подошли в самый первый раз, она и есть ваш главный секрет?

Тихон Сергеевич. Вы совсем поглупели. Вот она, та самая дверь. Разглядите, какие на ней рисунки, какие люди. Если долго смотреть, можно понять, в каких они взаимоотношениях, кто кому есть кто. Вы и тогда едва на ногах удержались, а тут — посильнее испытание. Крепитесь уже.

Капитолина Антоновна. Я точно не сплю? (*оглядывая себя, словно проверяя, нет ли на ней чего-то необычного*). Может, я подключена к аппарату, может, вообще лечу? Послушайте, это правда вы? А где мой дом?

Тихон Сергеевич. Сударыня, дом далеко, да и Египет не близко. Все идет своим чередом, так как надо. Стресс ведь порой очень полезен. Только его стали понимать теперь граждане очень буквально: мол, не волноваться, тогда — полный порядок. А стресс — это и приятное волнение, и чрезмерная радость, и потрясение любовью, чувством... Мало ли что еще. Вот вы жили со своим мужем и, как говорите, не

ссорились даже. А зря. Американцы, к примеру, пришли к замечательным выводам о вреде чрезвычайно спокойной супружеской жизни. Нужны и ссоры, и разбирательства, и всякий тара-рам. Ну, не мордобой по-русски, конечно. Люди должны разговаривать, находить пути, строить, в конце концов, свою жизнь. Строить! Не только дачу, забор, но — отношения.

Капитолина Антоновна. А вы сами-то, мне кажется, не женаты. Так точно теоретизируют обычно холостяки.

Тихон Сергеевич. Похвальная наблюдательность. Но я — о другом. Ваш случай — не такой уж редкий. Направление интересов — да. А вот способ понять жизнь и смерть — особенный. Ведь вы сами, того не подозревая, все двигаетесь, приближаетесь к загадке смерти. Пыгаетесь постичь ее через ваших египтян. И правда, нигде в мире не относились с такой серьезностью к усопшим. В особенности — к знатым. В этом обряде — попытка продлить жизнь. Все эти атрибуты жизни, положенные рядом, — свидетельство тому. Склеп представлял некое подобие жилища. Даже еда оставалась.

Капитолина Антоновна. Хорошо, что вы это знаете. Но неужели так оно и есть: я — и желание разгадать уход, самое последнее? Странно, никогда в таком ключе не думала.

Тихон Сергеевич. Вот именно. Вы лишили себя — сознательно причем — самой элементарной жизни со всеми ее страстями, болями, страхами. У вас один интерес: как можно больше узнать о своем Мендосе, о Древнем Царстве, об особенностях и почестях захоронения. Вы ушли в никуда, жизнь такого не прощает. У вас вообще перепутались времена. Вот и сейчас даже вы в сомнениях: где находитесь. Меня-то хоть не перепутали?

Капитолина Антоновна. Хорошо учить. Это как критики: сами не играют в театре, но все про него

знают. Почему в медицине не так? Есть врачи и больные. А-а, наверное, больные и есть критики. Они все понимают, что так или не так сделал доктор. Вот вы, к примеру. Зачем вам понадобилось устраивать мне такой сюрприз? А если бы я не выдержала и не вылезла бы из обморока? Что тогда? Вы такое со мной сотворили!

Тихон Сергеевич. Милейшая Капитолина Антоновна, посмотрите вокруг: мир прекрасен. С египтянами или без — все равно. Эта банальность помогает жить. Зачем вычеркивать этот мир из своей жизни? Возвращайтесь в нее, живите.

Капитолина Антоновна. А дверь? Она останется или это мираж?

Тихон Сергеевич. Дверь всегда отыщется, стоит только захотеть.

Затемнение. Квартира Багрянцевых. За столом Игорь Святославович, Коля, Дима. Приглушенный свет.

Дима. А почему вы ее в больницу не отвозите? Что эти скорые?

Игорь Святославович. Нет, Капитолина Антоновна должна увидеть мать дома.

Коля. Завтра генеральная, а никакого настроения. Завалю я Ричарда, так без царства и коня останусь.

Игорь Святославович. Начало разрушений никогда не замечаешь. Когда все началось?

Коля. С самого начала.

Игорь Святославович. С какого?

Дима. Бесполезно. Важно знать другое: когда было начало.

Коля. Философ непризнанный, что ты знаешь? Играешь своего хлюпика — и молчи. Туда же! «Начало!» Без тебя все ясно, что все летит в никуда. Мать ушла, отец — в отпаде, бабулька — в лежку, роль завалю. А тут еще ты со своим невиданным взглядом на мир. Лучше бы Надьке позвонил.

Дима. Я звонил. Она будет. Но позже. А тебе я предлагаю не психовать. А еще разочек посмотреть на Ричарда иначе, с других позиций: что он хочет? Только ли остаться жить? И — во имя чего?

Коля. Господин Гамлет, вы мне отчаянно надоели. Хватит. Потому-то я и Ричард — человек действия. У тебя же одни рефлексии.

Дима. Ты о Наде не переживай, все наладится.

Коля. Ну что, тебе в морду дать?

Игорь Святославович. Опять вы за свое? Замолчите, и так тошно. Мирно сидим...

Коля. Ах, это мир называется? Ну нет, по мне лучше война. Пойду лучше куда-нибудь. (*Уходит*).

Игорь Святославович. Он что, о роли или о Наде печалится?

Дима. Эх, родители, как же вам трудно понять своих деток. И ничего-то вы не видите. Почему? Понимаете, он любит девушку, которая никак не может определиться, что ей и кого надо.

Игорь Святославович. Сдается мне, что и вам она не безразлична.

Дима. Правильно сдается.

Игорь Святославович. Пойду проведу Елизавету Петровну. Пейте чай. (*Уходит*).

В это время Дима поднимается, подходит к письменному столу, берет в руки листы с ролью Коли и читает вслух Шекспира.

Не выйдет нынче солнце.

На нас глядит нахмуренное небо,

А на земле роса, как капли слез.

Нет солнца! Что ж, разделим огорченье

Мы с Ричмондом: одни и те же тучи

Нависли надо мною и над ним.

Дима. Да, это посильнее будет, чем какая-то там рефлексия. Но — не мое.

За этим занятием его и застаёт Надя, которая неожиданно появляется в дверях. Уходя, Коля не запер их.

Надя. Bravo, bravo, принц датский. Каковы успехи? И где наш Ричард?

Дима (*спохватываясь*). Хозяин дома выскочил. Видимо, в поисках смысла жизни.

Надя. Своего или Ричарда? А, может, и правда, коня искать?

Дима. Смеяться грех над поисками смысла, каковы бы они не были. Ты вот во всем определилась?

Надя. Что касается тебя, то — да.

Дима. Я слушаю...

Надя. ...И повинуюсь.

Дима. Я?

Надя. Ну не я же.

Дима. А как же укрощение строптивой?

Надя. В процессе. Важен ведь не результат. Да и приручение это не истинное, не верю я в него. Так, театральный жест — не более того. Разве можно укротить душу?

Дима. Истинной любовью — наверное.

Надя. А я никого не люблю.

Дима. Вот-вот, только голову морочишь.

Надя. Мне нравится бывать здесь. Меня тетя Капа заразила своими египтянами. Нам бы так жить! Мы только чуточку приблизились к тому, что у них было как бы само собой. Вот ты можешь представить историю какого-нибудь государства как историю женщины? То-то и оно. Вечно все про вас, никаких женщин, сплошное игнорирование. Их роль сведена к прилагательной. В смысле — к мужчине. А в Египте — исключение. Там жизнь не только про мужчин,

но и про женщин. Их не ущемляли, они были по правде на равных.

Дима. Ну уж, современная эмансипация вас совсем вооружила.

Надя. Нет. Сейчас другое: женщины все рвутся и рвутся в бой. А тогда они мирно сосуществовали с мужчинами.

Входит Игорь Святославович.

Игорь Святославович. Это кто там мирно сосуществует?

Надя (*в ироническом поклоне*). Большое человеческое здарсьте. А вообще-то вы нас задавили.

Игорь Святославович. Особенно вас. Не гневите бога.

Дима. Как бабушка?

Игорь Святославович. Не блестяще. Ждет Капу.

Дима. Я знаю, что делать. Надо Капитолину Антонову вызволить с ее раскопок.

Игорь Святославович. И как вы себе это представляете? Отправиться в Египет вместо завтрашнего показа?

Надя. А что? Это идея. Можно и махнуть. Ладно, ладно, не обижайтесь, я же вообще-то не злая.

Игорь Святославович. Заметно.

Надя. А почему она ушла? У вас что, даже адреса ее нет?

Игорь Святославович. Нет, ничего нет.

Дима. Это не по-мужски.

Надя. Жаль, что меня никто ни о чем не спросит. Игнорируют! А информация, между тем, у меня-то!

Игорь Святославович. Что же вы молчали?

Надя. Хотела потерпеть, узнать, до какой же степени необходимости вам нужна и необходима ваша Капа?

Игорь Святославович. Ну, признаний от меня не ждите, но, может, не будете больше томить? Что вам известно?

Надя. Установлено, что разыскиваемый субъект находится по адресу, давно и прочно существующему и в вашем справочном списке. И проживаю по этому адресу я. В том числе.

Игорь Святославович. И вы молчали? Про историю женщин тут рассуждали? Да как вы можете? *(бросается к записной книжке, листает страницы).* Как ваша фамилия? А, подождите, надо на «Н» смотреть. Она там?

Надя. Трудно сказать, где отвергнутая женщина.

Игорь Святославович. Это она-то «отвечнутая»?

Надя. Да-да, вы не ухватываете главного, в чем, собственно, должны являться гранд-специалистом.

Игорь Святославович. Да уж, не улавливаю...

Надя ... В установлении причинно— следственных связей. Вы — отвергли, она — отверглась. Вот и вся музыка. Кстати, в Египте музыку любили и почитали. Я, пожалуй, плюну на все это актерство и двину к египтянам. Все-таки столько там замечательно мажорного, и в то же время — загадочного. Никто не относился к смерти так, как они.

Игорь Святославович. И вы туда же? Да, заразили.

Надя. И это означает, что и ценность жизни для них совершенно особенная.

Игорь Святославович. Да вам-то это откуда известно?

Надя. А они оставили множество черновиков. Это осколки известняка, на которых писали чернилами и сажей. Вот, например, у вас пятый этаж, так? А на крыше, однако, вы не спите. А они могли себе это позволить. Представляете, какая степень свободы и раскованности. Поистине уникальный народ. И еще: мы совсем забыли о душе, только рацуха.

Игорь Святославович. Надя, вы ли это?

Надя. Я, я. Это ваше изумление только доказывает, как мало вы знаете близких. А уж тетю Капу!..

Игорь Святославович. Чего же я не знаю? Что есть душа? Да я даже Петрарку могу вам процитировать. «Как быть, душа, что делать, где спасенье? Придет ли мир иль вечно быть войне?»

Надя. Прочсть, может, и можете, а почитать ее — нет. Душу почитать. А мои любимые древние граждане всю жизнь только и делали, что готовились к встрече с ней. Для них ведь смерть — только некоторые подступы к вечности. Отсюда — такие важные приготовления к похоронам. А вы вот верите, великий материалист, что смерть — не конец жизни?

Игорь Святославович. Когда вы успели так сдружиться с Капой? Ведь это — ее мир, а вы... Вы ведь другая...

Надя. Вот-вот, еще одно заблуждение. Я только с виду строптивая, а укротить меня можно легко. Кстати, знаете, чем?

Игорь Святославович. Сейчас, наверное, я вообще ничего не знаю. Вы телефон лучше скажите.

Надя. Зря! Она сама объявится, не надо насилия. Живите надеждой.

Игорь Святославович. Ничего себе — «живите»! А как? Все поехало, весь уклад, вся жизнь. Вы хоть о Елизавете Петровне подумайте.

Надя. Не давите на жалость, я думаю. Я все время почти думаю.

Дима. «И есть ли что тебя милунней, волос седая пепельнель?» Надя, выходи за меня замуж.

Надя. Долго думал?

Дима. Всю жизнь.

Входит Коля.

Коля. А чего дверь не заперта?

Игорь Святославович. Так, скоро мы на крышу переберемся, как в древнем египетском царстве.

Коля. Тоже вариант.

Игорь Святославович. Тут у нас важное событие: Дима просит руки барышни.

Коля. Похвально. Главное — вырваться вперед. Смелчак! Ну, смелчак!

Дима. Не ерничай, я серьезно готов жениться.

Коля. А кашу есть к мамочке будешь бегать? Подумай о молоке на губах, принц датский. Кстати, у Офелии он, вроде бы, ничего не просил, так только, издевался малость. Уходишь от заданного образа.

Дима. Отстань с шуточками. Надя, ответь мне, при всех ответь.

Коля. Ей трудно. Надо девушке дать дня три на раздумье. Так, Надюха? А вообще-то чего медлить? Женитесь, вот погуляем.

Надя. Не спрашивают, кажется, только меня. Здорово.

Дима. Я спрашиваю, я.

Надя. Спрашивайте — отвечаем. Мой ответ...

Дима. Так что?

Коля. Да, публика замерла: что?

Игорь Святославович. Перестаньте кривляться, скажите Надин номер телефона. Коля, какой?

Коля. Номер 007. Или 03, не помню, но точно что-то необычное.

Надя. У меня вообще нет номера. Дима, я согласна.

Дима. Что?

Надя. Да, но только с условием.

Дима. Слушаю, с каким?

Надя. Через семь с половиной лет.

Коля. Почему с половиной, почему не с тремя четвертями?

Надя. Согласен? И, может, тогда у меня уже будут дети. Возьмешь?

Дима. Ясно, смеешься.

Надя. Да нет, отчего же? А что нам торопиться? Вот приспичило! Кстати, знаешь, как в Египте относились к браку?

Дима. Знаю.

Надя. Ну дуралей.

Дима. Знаю, я все знаю. Вы все заодно, вы только насмешничать можете, вот и Капитолина Антонова не выдержала, ушла. И я уйду, ну вас всех.

Надя. Напрасно. Так вот, египтяне брак очень почитали. И я хочу набраться знаний и их опыта в этом вопросе. Это вам не хухры-мухры — брак!

Звонок в дверь. Встает Коля, его опережает Игорь Святославович.

Коля. Кто там?

Игорь Святославович. Да открывай скорее, что ты все играешь?

Коля. Репетирую долгожданную встречу.

Игорь Святославович распахивает дверь. На пороге — мужчина. Это психоаналитик, Тихон Сергеевич.

Тихон Сергеевич. Простите, но мне нужно поговорить. Наверное, с вами? (*обращается к Игорю Святославовичу*).

Игорь Святославович отступает, пропуская гостя, не очень понимая, как себя вести и кто это.

Тихон Сергеевич. Видите ли, я — доктор, пытаюсь помочь Капитолине Антоновне.

Коля. О, боги! Кто бы помог мне! (*уходит*).

Из комнаты ребята перемещаются на кухню и там остаются только двое взрослых мужчин.

Игорь Святославович. Непонятно. Мне по крайней мере ничего не понятно. Что-то случилось? Что-то с Капой?

Тихон Сергеевич. Ничего не случилось экстраординарного, чрезвычайного и все-таки...

Игорь Святославович. Да не томите вы, говорите.

Тихон Сергеевич. Ваша жена нуждается в помощи, это ясно. Но ей нужны не таблетки. Не они, в первую очередь.

Игорь Святославович. А что же? Да что вы все загадками?

Тихон Сергеевич. Ей нужна... любовь. Она, пожалуй, сама это не вполне осознает.

Игорь Святославович. Ее все любили.

Тихон Сергеевич. Все — не разговор. Любовь мужчины — вот чего ей не хватает.

Игорь Святославович внимательно смотрит на пришедшего и вдруг его осеняет.

Игорь Святославович. Уж не вы ли тот герой, который...

Тихон Сергеевич. Я — далеко не герой. Во всяком случае не моей любви жаждет ваша Капа. И подначки тут — лишнее.

Игорь Святославович. Но вы так долго подбираетесь к главному. Выразитесь яснее.

Тихон Сергеевич. Да куда уж яснее! Ваша жена нездорова. Однако дело можно поправить, нужно обратить на нее внимание и не толкать все глубже и дальше к пирамидам. Вы дождетесь, что она поселится и вправду там. Уедет, убежит, станет египетской подданной, начнет приторговывать где-нибудь на базаре, затем пойдет в услужение к богатому че-

ловеку, а, может статься, и станет — простите за тавтологию — и его двадцать второй женой. Или пятой, какая разница?

Игорь Святославович. Что я должен сделать? Где она? Что вы меня пугаете?

Тихон Сергеевич. Я пытаюсь представить недалекое будущее. Его и нужно предотвратить.

Игорь Святославович. У вас есть план? Как вы это себе представляете? И вообще...

Тихон Сергеевич. Что «вообще»?

Игорь Святославович. И вообще я что-то не помню, чтобы врачи проявляли такую заинтересованность в своих пациентах. Откуда вы узнали адрес? Где она, Капа? Что с ней? Жаловаться — нет, она не из тех.

Тихон Сергеевич. Она и не жаловалась, и так все ясно. Ей нужна помощь. Вы же не хотите, чтобы она оказалась в больничном отделении, где-нибудь, где лечат от безутешного состояния одиночества и непонимания. Не так уж много и нужно. Какой вы, однако, упрямый. Не хотите...

Игорь Святославович. Я? Чего я не хочу? Я, к примеру, не очень хотел бы продолжать эту беседу, но уж коль вы пришли... Чувствует мое сердце, что вы не так уж просто. Да-да, не спроста вы здесь. И по какому праву вы беретесь советовать: любить — не любить, беречь — понимать и т. д.? Кто она вам? Дама сердца, пациентка, кто?

Тихон Сергеевич. И то, и другое, и даже пятое: она — чуткий исследователь, закопавшийся в проблемах египетских страстей. Тема смерти начинает превалировать. Для нее она стала главной темой жизни. А это уже опасно. Она знает такие подробности, детали захоронения, погребения, ухода в иной мир, что становится страшно: как ей управится с этим миром? Живая и немумифицированная, она уже почти человек в золотой маске: не видит и не

слышит. Это, знаете, когда лицо умершего покрывали слоем золота. Для большей сохранности. И вообще макияж был очень важен хотя бы потому, чтобы женщина, к примеру, могла в загробном мире выйти замуж.

Игорь Святославович. Господи, она и вас заразила. Нет, пожалуй, не Швеция, а Египет — первая точка на земле, куда мы двинемся тут же, как только она вернется. Скажите, она вернется? И что нужно сделать для этого?

Тихон Сергеевич. Очень просто: найти ее и привести домой. Отпоить душистым отваром трав, уложить спать и крепко любить. Или...

Игорь Святославович. Что «или»?

Тихон Сергеевич. А то что я похищу, нет, похищу, нет, украду вашу драгоценную Капу.

Игорь Святославович. *(Поднимается, подходит к аналитику, берет его за ворот).* Вы... что вы знаете? Что вы можете знать, кроме своих параллелей в психоанализе? Что вы можете знать о живом человеке? Не мумии, не сборнике болезней и недугов, а живом и светлом?

Тихон Сергеевич. Ах, вот оно что! Как мы заговорили! А вы, много знаете о подруге жизни вы? Что вы сделали, чтобы понять ее мир, чтобы начать уважать его и заботиться о нем? Так, таскали зарплату и картошку? Даже древние заботились о душе. И живущего, и усопшего. Заботились о возвращении ее через загробный мир в тело! А теперь? Что теперь? Пусто. Ни души, ни человека, одно брэнное тело. Да и то мало кому нужное.

Игорь Святославович. Успела, сумела-таки обратить вас в свою веру.

Тихон Сергеевич. А вы вот, видно, не поддались.

Игорь Святославович. Что вы можете знать, что? Думаете, что для вас не работает изречение «чужая душа — потемки»? Человековед великий. Копаются

в потаенном, ни черта не смысла в том, куда хода нет никому. Ни одному живому существу. Вы о Египте — что я — неуч? А известно вам, милейший врачеватель, что я знаю почти все то же, что и она? Но не пророс этим — да, каюсь. Однако и у меня есть своя территория. Знаете ли вы, что значит взять два малозначащих, простейших металла — никель, кобальт, цинк, к примеру, и получить из всего этого более ценные, почти благородные, где выход серебра — даже в процентах? Это вам, батенька, не хухры-мухры, как говорит одна моя молодая знакомая. В это и поверить так сразу невозможно. Большинство и не верит. Спасают единицы, которые еще готовы, еще не разучились хотеть видеть неожиданное, неизведанное даже. Перевороты в науке так просто не даются. И это — моя песня, мой Египет, мои пирамиды. Кстати, кое-что и я вычислил, просчитал относительно некоторых их загадок. В основе структуры одного из важных коэффициентов лежит число. Это число — четыре. Оно — в основе построения треугольных пирамид.

Тихон Сергеевич. Но в Египте, как мне известно, четырехугольные пирамиды...

Игорь Святославович. Да, а у меня три угла внизу и один — вверху. И та, и другая — самые устойчивые в мире системы, с которых начинается материя. В микромире, конечно. Фактически я занимаюсь тем, чем в Египте владели в полнейшем совершенстве и что мне бы очень хотелось возродить.

Тихон Сергеевич. Да вас тут всех заклинило на египетской теме.

Игорь Святославович. Мой отец, которого звали, кстати, Рамзесом, и познакомил нас с Капой. Она была его студенткой, затем аспиранткой. Вместе бывали на раскопках в экспедициях. Все наше семейство годы и годы пробивается сквозь заслоны, дабы постичь какую-то свою тайну.

Тихон Сергеевич. Такой путь чреват опасностями.

Игорь Святославович. Что, потерями? Знаем, знаем. Это все равно, что проникнуть внутрь самой пирамиды. Расхождение наше с Капой в одном: она занята, по большей части, вечностью и смертью, я же в своих опытах и — как она говорит — пробирках пытаюсь овладеть тайной, древними методами алхимии, известными египтянам. И они, несомненно, более живые, нежели все поиски смертей. И делается это в подтверждение того, что всякая материя (и косная, и живая) находится в движении, в эволюционном процессе. Это вопрос философский. Постоянно идет рождение вещества и его эволюция. Что-то, как элементы, рождается, что-то — умирает. Как и люди, как идеи, как, впрочем, и сама жизнь и смерть. Капа же хочет опустить историческое пространство, игнорирует эволюцию. Для нее Рамзес не преломляется сквозь время. Для нее смерть фараонов — остановившееся, застывшее явление, которое свершилось, быть может, совсем недавно. Она никак не хочет видеть контекст времени, места, действия. Для нее его, времени, просто нет. Как когда-то, века два назад в театре: тот самый принцип единства этих понятий. «Горе от ума», скажем, чем не подтверждение этих слов? Все разом и — не отходя от привязки к главному событию. Главным событием для моей дорогой Капы является случившееся несчастье со знатным по рождению египтянином. И сама она так закопалась в изучении смерти, что давно махнула рукой на жизнь.

Тихон Сергеевич. На прошлую или настоящую?

Игорь Святославович. Думаю, что на ту и на другую.

Тихон Сергеевич. Есть предложение. Давайте изменим что-то, повернем, увидим в конце концов жизнь в самой смерти? Придумайте что-нибудь.

Игорь Святославович. Я волшебник, но не до такой же степени. Хотя... Хотя попробовать можно.

Затемнение. Возникает знакомый уже силуэт пирамиды, который на заднем плане в течение всего действия то проступает более явно и отчетливо, то становится почти невидим. У ее подножия — двое. Это Тихон Сергеевич и Игорь Святославович.

Тихон Сергеевич. А мы здесь бывали.

Игорь Святославович. Как это? С кем?

Тихон Сергеевич. Да с Капой.

Игорь Святославович. (*грубо хватая доктора*). Так чего ты молчал? Что?

Тихон Сергеевич. Тихо-тихо-тихо, минуточку. Время здесь такие фортели выкидывает, диву даешься. Сейчас вы здесь, а через мгновение — тысячи лет назад. Вот...

Из глубины пирамиды появляется женщина, явно похожая на Капу. Смотрит и неожиданно проходит мимо, словно стоящие рядом — чужие, незнакомые люди.

Игорь Святославович. Капа, ты что здесь делаешь? Да остановись же!

Тихон Сергеевич. Она не слышит вас. Она сейчас в другом времени. Взгляните на ее наряд. Вы ничего не находите?

Игорь Святославович. Капа, неужели ты не видишь меня? Это все мои опыты, да. Ну остановись же. И мама больна, в конце концов. У Кольки завтра показ. Он будет играть Ричарда. Ты меня слышишь?

Тихон Сергеевич. Успокойтесь, нет.

Игорь Святославович. Как же так? На черта мне эти пирамиды, все эти превращения, если нет Капы? Она что, так и останется в том времени?

Возникают фигуры Клеопатры и Антония. Мужчины отступают и во время следующей сцены их не видно.

Клеопатра. Ты мне проиграл, дорогой. Ты мыслишь слишком прямолинейно. Для царя — это мало. Ты

слышал война? Я догадалась, что он кого-то утратил. Оттого, наверное, мог так достойно покоряться. Твои же утраты не привели к мудрости.

Антоний. Я предложу тебе кое-что получше. Хочешь узнать свое будущее?

Клеопатра (*смеется*). Ты решил заменить всех жрецов? Может, ты даже изобрел эликсир жизни? Хотела бы я быть вечно молодой.

Антоний. Не смейся, на вот, выпей.

Клеопатра. Ну уж нет. Я люблю тебя, но не до самозабвения. Хочешь загадку?

Антоний. Ты утомила меня ими. Я — плохой разгадчик. Давай поиграем в другие игры.

Клеопатра. Твои направлены на разрушение: убить, принести в жертву, сразиться. Ты миловал кого-нибудь? Зачем эти бесконечные бои? Я устала, мне хочется править, но не только сражаться, завоевывать, отстаивать. Я хочу мира и покоя. Впрочем, тебе этого не понять.

Антоний. Давай теперь я загадаю тебе загадку.

Клеопатра. (*разводит руками*). Что ж, попробуй.

Антоний. Есть ли жизнь потом, после всего? И кто ее достоин? Ты знаешь?

Клеопатра. Ах, эти вечные истины. Какая мне разница, что потом! Я хочу жить сейчас. С тобой, с народом, здесь! Глупость, а не загадка.

Входит воин, которому даровали жизнь и который стал приближенным царицы.

Жрец. Моя царица ошибается. Жизнь — вечна. И главное в жизни — успеть это понять. Тогда поубавится зло, уйдут недуги. Вечного мира хоть и не будет, но стремление к нему станет неизбежным.

Клеопатра. Что ты говоришь? Зачем эти сказки? Ты — сочинитель, а я думала, ты — мудрец. Напрасно я пощадила тебя тогда.

Антоний. Оставь его, пусть говорит.

Клеопатра. Ладно, продолжай. Так что у нас там с вечностью?

Жрец. Все просто. Миг, который мы проживаем в этом мире, ничтожен и мал. Все главное — потом. Но где и с кем ты окажешься — вопрос этого времени и этого дня. Лучше не искушать судьбу и мыслить праведно. Тогда родятся и поступки. Собирайте вашу жизнь теперь, не медля. А то может оказаться слишком поздно. За все расплатимся.

Клеопатра. Не пугай меня, воин. Ты, может, предречешь и мой конец? Как, когда и почему?

Жрец. Да.

Клеопатра. И что же?

Жрец. Будет змея, будет обман, будет смерть и твоя невольная вера. Что тебя не обманут, не предадут.

Клеопатра. Замолчи! Какая змея? Ты сошел с ума!

Жрец. Да, так было бы спокойнее.

Клеопатра. А сроки? Тебе известны и они?

Жрец. Думаю, что да. Но все еще возможно переменить. Почти все.

Клеопатра. Ничего изменить нельзя, я не так глупа, как тебе кажется. Уходи.

Жрец удаляется. Клеопатра присаживается у самого края пирамиды, расправляет складки своей одежды.

Клеопатра. Мне кажется, я тоже знаю все. Уже ничего не изменишь. (*Указывает рукой на пирамиду*). Стоят тут и ничего им не делается. Ни-че-го. Сколько они уже тут?

Антоний. Я не люблю считать. Главное — они видят все и запоминают. На, выпей. (*Протягивает ей бокал с каким-то зельем*). Пей, не бойся. Смотри, я тоже выпью. (*Пьют оба*).

Постепенно свет становится другим, теряя свою загадочную сумрачность и снова возникают герои, которые оказываются прямо перед персонажами из древности.

Клеопатра. Кто вы такие? И почему так одеты?

Тихон Сергеевич. У вас тут жарко, пришлось рас-супониться. В смысле, рубашки сняли.

Клеопатра. Не знаю. Как ты сказал: рассупо...?

Игорь Святославович. Мы ищем одну женщину, мою жену. Ее зовут Капой. Вам случайно не попада-лась?

Клеопатра. Антоний, ты что-нибудь понимаешь? Я — тоже.

Тихон Сергеевич. Такого кушанья не пробовал. Бог мой, что это?

Клеопатра. Бог не твой и какой бог? Их много. Мы говорим: «О, Боги...»

Тихон Сергеевич. Видишь ли, мы вообще из раз-ного времени, чего уж тут говорить!

Антоний. Время — вещь относительная, да и есть ли оно? Вот ведь, сидим с вами, а кто вы, откуда, кто вас знает?

Игорь Святославович. Послушайте, я, кажется, нашел если не коллегу, то единомышленника — точ-но. Как вы догадались, что времени нет? Это прав-да. Так и есть. Есть пространство, есть материя, в конце концов. Но собственно время?

Клеопатра. Что вы такое говорите? Мы никогда не пойдем друг друга. И Капу вашу я тут не видела. И не могла здесь быть никакая Капа. Здесь не место для простых. Вы-то как здесь оказались? Вы что, пришельцы?

Игорь Святославович. А это длинная история. Можно сказать и так, пришельцы. Просто перемещенные лица. Из другого пространства, но с тем же составом крови, волос, даже мыслей. Только вот *(берет со стола необычной формы кусочек какого-то блюда)* такого у нас нет. Но это ничего не означает. Подумаешь, просто изменились традиции и представ-ления. Об идеале, о привычках, о нормах. Вот и все. Просто в этот период так люди договорились, не

сговариваясь специально. У вас такая ментальность, у нас — такая. Разница небольшая. Но главное в этом процессе совсем не время.

Клеопатра. Вы заблуждаетесь, милый пришелец. От времени все беды. Мое время и ваше — оно разное.

Игорь Святославович. Да, время выражается в разных формах. Тьма этого времени: и биологическое, и историческое, и физическое. Оно течет по-разному. Это такая неуловимая зыбкая вещь. Про-шла часть истории — и изменилось течение време-ни. Да, сейчас можно сказать, почти сказка, ну то, что мы встретились. Так в природе не бывает. Мо-жет, нам это только снится, может, мы вообразили такую встречу? Может, просто она была нам необ-ходима, чтобы понять простую мысль: время иллю-зий — чудная вещь, но истинного времени нет. Это еще одно заблуждение. Мы сейчас встретились в историческом времени на маленьком его перекре-стке. Были вы, теперь есть мы. Или наоборот. Но с точки зрения философской оно, время, конечно, есть. Часы отсчитывают свои минуты, идут годы — да, в этом смысле оно есть. Но память стирает эти наслоения и человеческая мысль помнит и прошлые тысячелетия, и их героев. И тогда сознаешь, что времени нет.

Тихон Сергеевич. Да кушайте вы, ради бога, они все равно ничего не поймут.

Антоний. Это вы зря, это вы погорячились. Подни-майте ваши кубки!

Тихон Сергеевич. Ну и здоровье! Нам бы рюмоч-ки. Потому вы и жили так мало, что хлестали лит-рами.

Антоний. Разговорился очень. Можешь и ты оста-новиться на этой дате, мне это не трудно. Пей да-вай.

Игорь Святославович. Климат у вас тут благо-приятный. Свежесть. Не то, что в Москве: машины, гарь, метро.

Клеопатра. Что это за царство — Москва?

Игорь Святославович. Это город. Как Каир (ах, нет, это еще не то время), ну, как Мендос или Фивы.

Клеопатра. Вас что-то заботит и вы хотите это скрыть. Ваша Капа?

Игорь Святославович. Представьте себе, она. Это она первая ушла к вам, причем, давно. Сначала в мыслях, в мечтаниях, в представлениях. В поисках истины и смерти.

Клеопатра. Да уж. О ней мы печемся более всего. Как жить — становится порой неважным, а уж умереть — дело святое. Вот и пойми, что важнее: жизнь или смерть? И когда наступает последняя, действительно о времени не думаешь. Так... все становится все равно.

Игорь Святославович. Вот-вот, а у нас другое: мы печемся о благах жизни, забыв о конце, о финале. Мы настолько отрешились от смерти, что сама жизнь перестала быть ценностью. Одна суета. Награды, дома, сотки, счета.

Клеопатра. Я не понимаю, может быть, всего того, что вы тут перечисляете, но улавливаю одно: в наше время главное одно, в ваше — другое. Кто знает, кто тут прав?

Тихон Сергеевич. Правда в одном — в памяти.

Игорь Святославович. Время сохраняет себя в памяти. И сейчас мы знаем о вас почти столько же, сколько вы сами о себе. Даже немножко больше.

Антоний. Мы живем яснее и проще. Любить — убить — все ясно.

Тихон Сергеевич. Да, у нас с этим не разбежишься.

Антоний. Вот вы — чахлый какой, болеете, значит, много, думаете много, а делаете — так себе. На шпагах деретесь?

Тихон Сергеевич. Кажется, в ваше время были в

ходу не шпаги, а... Шпаги уже в средневековье появились.

Антоний. Нет, о шпагах мы знаем, предпочитаем мечи. Шлем, меч, щит — вот наше снаряжение. Еще стрелы. Что еще нужно для счастья?

Клеопатра. Да, и змеи, яды, записочки. Ночи темные.

Антоний. При чем тут ночи?

Клеопатра. Сам знаешь, при чем...

Антоний. Не будем о прошлом.

Тихон Сергеевич. Вот видите, и вы тронули время. Есть оно — нет — трудно сказать. Но что-то такое есть, если движутся планеты, рождаются люди, светит солнце.

Игорь Святославович. О прошлом, может, и не стоит. Но вот где мы сейчас, действительно любопытно. Тем более, что здесь поблизости наверняка находится моя Капа. Чует мое сердце.

Клеопатра. Сердце все чувствует, это точно. А уж я знаю толк в чувствах.

Тихон Сергеевич. Слыхали, слыхали.

Клеопатра. Антоний, ты что запечалился? Что не нравится? Не обращайтесь на него внимания, на него находит.

Игорь Святославович. Может, и вас в гости пригласить, да только вы не пойдете. Скучно у нас: ни боев, ни тигров, ни Нила. Вон он, течет и течет.

Антоний. Никакого Нила здесь нет, и вообще... вы совсем запутались и нас запутали. Сейчас стражу позову, будет вам. Надоело все. *(Хлопает в ладоши, появляется жрец, бывший воином).*

Антоний. А скажи нам, мудрейший, куда течет время? Знаешь ты это? И зачем нужна смерть? Зачем вообще все?

Тихон Сергеевич. У нас говорят — хороший воп-

рос, спасибо. Только нет на него ответа, вот что. Правда, мудрейший?

Жрец. Живите себе, что теревить вечность?! Все течет куда и положено и как положено. Вон сколько минуло всего, люди другие, говорят по-другому, а тоже не знают, что и как, все ищут.

Появляется Капа. Останавливается возле сидящих у пирамиды, глядывается, уходит.

Игорь Святославович. Капа, куда же ты? Ты что, не узнаешь меня? Постой. Это я...

Тихон Сергеевич. Не слышит. Она и не может услышать. Это — мимо ее памяти. Она там, дома. А вообще-то кто знает, может, на раскопки приехала? А мы так, некий сон, сплошное воображение? Не может же она попасть в наши фантазии, правда?

Клеопатра. А вот и нет. Я же — попала. *(Обращается к Капе)*. Послушай, женщина, ты правда не видишь меня?

Капа не обращает внимания, не отзывается.

Клеопатра. Как странно, все же странно устроен мир. Скажи, жрец?

Жрец. Может быть. Он устроен разумно, это точно. Нужно только увидеть эту гармонию.

Антоний. Нет счастья на земле, но нет его и выше.

Игорь Святославович. Откуда вам известен наш классик?

Антоний. Видите ли, есть вещи, которые на все времена. Хоть ваши, хоть наши.

Клеопатра. Идем, дорогой, продолжать нашу жизнь.

Игорь Святославович. Потрясающе! Но Горький —то откуда им знаком?

Тихон Сергеевич. А при чем тут пролетарский писатель?

Игорь Святославович. У него одна героиня точно так же говорит своему мужу.

Тихон Сергеевич. Это и неудивительно. Все время от времени продолжают свою же жизнь. Прав ваш Горький.

Клеопатра и Антоний удаляются.

Игорь Святославович. Всего хорошего, не поминайте лихом.

Клеопатра. *(Издалека)*. Еще встретимся, хотя, я думаю, времени нет. Оно куда-то исчезает, испаряется, а мы остаемся. *(Совсем уходит)*.

Постепенно контуры пирамиды теряют свою яркость, тускнеют и мы снова оказываемся в московской квартире Багрянцевых. За столом — Игорь Святославович и Тихон Сергеевич. Свет приглушен, тихо.

Игорь Святославович. Однако ее так и нет. При чем, нигде.

Тихон Сергеевич. Это иллюзия. Она точно где-то пребывает. Может, появится и здесь.

Игорь Святославович. В это уже трудно поверить.

Дверь открывается и на пороге показывается хмурый Коля.

Коля. *(Как бы передразнивая себя же)*. Коня, коня! Полцарства за коня! Рефрен всей жизни. Мне поставили «хорошо», то есть четыре.

Игорь Святославович. Почему? Ты что, был не совсем убедителен?

Коля. Макароныч был очень доволен, смеялся, как ребенок, даже хлопал и слезы вытирал платочком. Но там были и другие рыцари. Сказали, что наигрывал.

Игорь Святославович. А Дима? Как у него? Пять?

Коля. Вот так всегда: пять! Почему для тебя другие всегда лучше? Почему «пять»? Ему хотели вообще тройка вкатить, мы подслушивали. Потом согласились на четверку. Что парня травить? Все-таки Гамлет. Всего одна пятерка. *(Молчит)*. У кого бы вы думали? Да, у Нади. Вроде бы совсем не занималась, а вот, надо же.

Игорь Святославович. Познакомься, это врач, психоаналитик, Тихон Сергеевич.

Коля. Здравсьте. Не сказал бы, что похожи на Тихона.

Тихон Сергеевич. А я бы не сказал, что совсем не знаком с вами.

Коля. Как это?

Тихон Сергеевич. Да очень просто: последнее время ваша мама находилась у Нади. Кстати, не знаете, где она?

Коля. Надя?

Тихон Сергеевич. Девушка, ясное дело, вас интересуется больше, чем судьба мамы. Так вот, где же она, вам известно?

Коля. Да что вы пристали? Откуда мне знать? Вот — у отца спросите.

Игорь Святославович. Горько все это. Нет Капы, дом опустел. Тихо как. Даже жутко. Пойду к бабушке. *(Уходит)*.

Коля. Ясно, что вы — средоточие всех тайн и недугов других людей. А что же вы сами, Тихон Сергеевич?

Тихон Сергеевич. Четверка — вещь приятная, а для вас, очевидно, обидная. Понятно. Но чего же так нападать? Вы кого-нибудь любите?

Коля. Не заводитесь. Кого надо — того и почитаю. Вас бы в рыцари не приняли.

Тихон Сергеевич. Кто бы распорядился? Вы?

Коля. Высшие силы. Вы не схватываете суть. Она в простом.

Тихон Сергеевич. Господин философ, просветите.

Коля. Это вам не поможет.

Тихон Сергеевич. А что, собственно, я сделал дурного, чем не угодил вам?

Коля. За матерью ухаживали. Я так думаю. Не все врачи за больными домой ходят, не все. Вы — увникум. Или — уникум. Так даже веселее. Нет ее у Надежды, нет, ясно вам? И на четверку мне плевать. Мамушка наша изволила удалиться — вот беда. Думаю, чесанула на Нил, к египтянам. Ей последнее время не давала покоя одна мелочь. Почему там так почитался брак? И отчего к женщине было редкостно милое отношение? Чу-де-са! Решила, видно, проверить, сопоставить с современностью. Бедная, как она ошибается...

Тихон Сергеевич. *(Перебивает)*. А Наде она тоже не сказала, куда направляется?

Коля. Вот телефон, можете разведать.

Тихон Сергеевич. Да нет, мне хватит и ваших слов. Но вы что-то очень уклончивы. Сдается мне, не все говорите, скрываете часть. Так?

Коля. Вы — душевед, вот и разгадывайте себе, узнавайте. А я подустал, пойду за нашим фирменным блюдом — чаем. *(Уходит)*.

Тихон Сергеевич остается один. Поднимается, подходит к окну и вдруг оживляется, машет руками, кричит.

Тихон Сергеевич. Капа, Капитолина Антоновна, идите в дом, слышите? Вас ждут, идите скорее. Я сейчас спущусь за вами, не уходите. *(Выбегает)*.

Из комнаты Елизаветы Петровны выбегает Игорь Святославович. Он очень взволнован, озирается, кричит.

Игорь Святославович. Коля, доктор, где вы, куда все подевались? Мама, она... *(Закрывает лицо руками, что-то пытается сделать с волосами, тербит их)*. Да где вы все?

Выбегает из кухни Коля. В дверях появляется Тихон Сергеевич, поддерживающий Капитолину Антоновну.

Игорь Святославович. Капа, милая, прости. Ты... я так ждал. Но вот... мама. Видишь, это случилось.

Капитолина Антоновна. Где же? Как же так?
(Бежит в комнату матери).

Коля. Папа, что, это правда?

Отец разводит руками, молчит.

Тихон Сергеевич. Надо вызвать врачей, действовать. Не отчаивайтесь, это — жизнь, к сожалению.
(Уходит вслед за Капой).

Игорь Святославович. «К сожалению»... Ничего себе! А что тогда сказать о смерти? К радости? Абсурд какой-то.

Выходит Капа, садится рядом с мужем, молчит. Ей тяжело, это видно.

Капитолина Антоновна. Я так и знала, знала. Зачем я ушла? Может, этого бы не случилось?

Игорь Святославович. Не плачь. Хотя нет, плачь, будет легче. Вот, нашлась ведь. Где ты была? Я тебя видел. Ты не отзывалась. Хотя — что об этом?

Капитолина Антоновна. Я очень близко видела смерть. Это не так страшно, как я думала. А здесь — страшно. Все теории просто улетают. Ничего не понимаю. Столько лет ворошила самое страшное и, кажется, не боялась. А здесь обмерла, не могу. Мне страшно. Держи меня. Еще сильнее. Не могу. Мама... *(Плачет).*

Игорь Святославович. Хочешь, уедем в деревню, будем сажать капусту, еще что-нибудь. Плюнем на все мои трансмутации, твоих египтян, их жизни, смерти. Начнем все по-новому, по-другому. Я все, все сделаю для тебя.

Капитолина Антоновна. Когда в Египте сходил паводок, начиналось самое ответственное время: надо было готовить почву под посевы. Бросали все дела. От плодородной земли зависела жизнь. Все питала благодатная почва Нильской долины. Как там было все просто устроено.

Игорь Святославович. Ты голодна, надо поесть, идем на кухню, там откуда-то взялась курица. Кажется, я ее купил. Забыл про это.

Капитолина Антоновна. А там куры появились спустя 2,5 тысячи лет после строительства пирамид.

Игорь Святославович. Это невозможно. Капа, милая, нельзя жить там, где давно все закончилось.

Капитолина Антоновна. Как это «закончилось»? Да и что может закончиться? Ничего. Все продолжается. Даже сегодня. Это я виновата, я, зачем я ушла? Так бы ничего не случилось.

Игорь Святославович. Всему свое время.

Капитолина Антоновна. Нет, никакого времени нет, я точно знаю. И смерти — тоже нет. Ох, я совсем запугалась. Помоги мне. *(Прижимается к мужу).*

Игорь Святославович. Так и есть, так оно и есть: нет времени, это только кажется, что оно приходит, уходит. Может, вообще никого нет. Но вот, ты... Есть же! И я! И что нам до всего остального?! До этого Египта, до всяких там Рамзесов? Обопрись на меня, идем, я все знаю. Я теперь знаю все-все. Я видел то, о чем ты потом и сама вспомнишь. Идем. *(Уходят).*

Выходят Тихон Сергеевич и Коля, садятся по разным сторонам комнаты. Через нее проходят Игорь Святославович и Капитолина Антоновна. Идут медленно, обнявшись, не замечая никого вокруг.

Тихон Сергеевич. Она — прекрасна!

Коля. Кто или что?

Тихон Сергеевич. И кто и что. Сам знаешь.

Коля. А мы «на ты»?

Тихон Сергеевич. Может быть. Хотелось бы. Это у тебя музыка? Где это?

Коля. Там был бог Овен, символ плодovitости...

Тихон Сергеевич. Осталось и мне принять египетскую веру. Это у вас — семейное.

Коля. Семейное у нас — страсть к чаю. Идемте, напою. Что ж теперь?!

Тихон Сергеевич. У меня вот виноград здесь, в пакете.

Коля. (*Подходит*). Кстати, египтяне постоянно ели виноград, он рос повсюду. И еще финики и гранаты.

Тихон Сергеевич. Вы — сумасшедшие.

Коля. На том стоим. Дайте попробовать. А, вкусно. (*Уходят*).

На заднике высвечиваются контуры пирамиды, которые проступают все отчетливее, яснее Комната погружается в темноту и мы видим только совершенные линии великого сооружения, подтверждающего простую мысль о вечности и нетленности человеческого разума.

18 июля – 15 августа 2005 г.

Москва – Верхние Дворики.

Конец.

СТРАСТИ В СЕЛЕ МУРАШКИНО

ПЬЕСА
ТРАГИФАРС

В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ, ПЯТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вадим — мужчина средних лет, муж Веры.

Вера — женщина того же возраста.

Игорь Петрович — житель поселка, где происходит действие.

Юля — женщина средних лет, без семьи и почти без прошлого, которая тоже живет в поселке. Однако о прошлом говорит всякий раз разное.

Матвей Иванович — доктор, тоже мужчина среднего возраста, из одного мединститута, что и Вадим. Так и осевший жить и работать все в том же поселке, где происходит действие: в Мурашкино.

Кошка Пуша, прибывшая из Санкт-Петербурга.

Действие происходит в наше время и отражает известные перипетии и проблемы людей даже и не только старшего поколения. Ибо все люди живут, испытывая любовь или хотя бы потребность в ней. А она, как известно, приносит не только радость, но иногда и горе, и беды, и утраты.

Три места обитания героев: дача, платформа, где останавливаются поезда и дом Игоря Петровича. И все это поселок, или «наша деревня», как ее еще называют — Мурашкино.

Что за прелесть дождь летом. Одно удовольствие! Ни тебе хлопот, ни желаний, ни купаний и загораний. Сидишь себе в валенках и пьешь чай. Обидно. Но что делать, приходится ждать. Чего, спросите? А, собственно, всего: счастья, прибавления семейства (хотя с этими теперь напряг: годы!), повышения зарплат, красивого платья, а более всего — любви.

Вера (подходит к калитке, пытается открыть ее, но та не поддается. Тогда Она, Вера, кричит). Вадим, Вадим, открой!

На крыльечке показывается мужчина в свитере, сапогах, с большой тряпкой. Видно, что-то делал. Идет по направлению к женщине и едва прячет улыбку.

Вадим. Так, ясно.

Вера. Что тебе ясно? (Обнимает его и входит в сад.) Ничего тебе не ясно. Ты же не ожидал, что я приеду?

Вадим. У меня только что ложка упала. Ну, думаю, скоро будет.

Вера. Нет, ты нарочно, чтобы я не сердилась. На самом деле...

Вадим (перебивает). На самом деле заходи и молчи. (Она снова прижимается к нему и становится понятно, что женщина приехала не просто так, а словно заглаживать вину или замазать обиду. Что что-то, в конце концов, между двумя людьми произошло.)

Вера. Это ужасно. (Плачет.) Ты не представляешь, как мне было плохо. А ты уехал, сбежал, все, как всегда. Зачем?

Вадим. Молчи. Ты можешь помолчать?

Вера. Да. Я молчу. Но ты даже не позвонил. Может, меня вообще уже не было.

Вадим. Но вот же ты есть, никуда не делась.

Вера. Это сейчас я никуда не делась. А вчера...

Вадим. Вчера — это вчера. Проехали, забудь. Сегодня другой день и все забыто.

Вера. Ты так всегда, тебе лишь бы забыть. А я хочу понять. Я понять хочу, что ты за человек. Двадцать лет прошло, а я так и не знаю.

Вадим. Главное, чтобы прошло еще, как минимум, столько же.

Вера. Тебе бы все отщучиваться. Я правда почти умирала.

Вадим. Почти не считается.

Вера. Какой ты.

Вадим. Ну какой, какой?

Вера. Бессердечный.

Вадим. Не факт.

Вера. Я тебе сыр привезла. И яблоки.

Вадим. Молодец, как раз их-то в саду и не хватает (показывает рукой на груды яблок, повсюду лежащих на земле, на столе в беседке, в тазу).

Вера. Это другие яблоки, целебные. Ими надо горло полоскать.

Вадим. Понятно, кусочками или целиком?

Вера. Заваривать, какой ты.

Вадим. Теперь понятно.

Вера. По телевизору рецепт показывали. Очень помагает. Я и заварила.

Вадим. Сколько ты создаешь себе ненужных хлопот!

Вера. Ты сбежал, самым примитивным образом сбежал. А я чуть не умерла от страха за тебя.

Вадим. Ничего, проехали. Тебе надо было побыть одной.

Вера. Что? Одной? Но ты мог хотя бы намекнуть, хотя бы взять свой проклятый мобильный, что ты жив и ничего не случилось?

Вадим. Не мог. Так было надо.

Вера. Кому? Тебе? Бессердечный. Ты не понимаешь, что есть благородство, что оно выше обид. Я хотела одного: чтобы ты был жив. И все!

Вадим. Здорово. А накануне как раз желала мне обратного, притом, очень громко, слишком громко, а бы сказал.

Вера. Это не считается. Слова — это всего лишь слова. А поступки, они...

Вадим. Поступки, да, ясно, идем в дом.

Заходят в дом, который представляет из себя нагромождение разных стилей разных стран и эпох. Есть здесь явно выраженная китайско-тибетская интонация, и современный авангард, и что-то из века 19. Все сплелось самым причудливым образом, но тем не менее, составляет какое-то необыкновенно гармоничное единство. Есть диван с деревянной спинкой, возраст которого — скорей всего лет сто пятьдесят и рядом с завернутыми верхом подобием канале. Столы и столики, много растительности, крошечной и разросшейся, в возрасте. И — лампы: всевозможные светильники, абажуры, подсветки. Видно, что освещению в этом доме придается большое значение. Есть и локальные уголки, подчеркивающие отношение хозяев к своему месту: зеркала, украшения в изрядном количестве, а с другой стороны — старые фотографии и карты. Не то чтобы характеры, но сфера интересов обозначается. Разнесены уголки по разные стороны большущей комнаты. Входят хозяева.

Вера. Стоит помедлить и начинается что-то ужасное.

Вадим. Ну что ты такое говоришь? Что может быть у нас ужасного?

Вера. Твой несносный характер, например.

Вадим. Оговор. Протестую.

Вера. Я вообще не понимаю, в ум взять не могу, как можно было уехать и бросить меня одну?

Вадим. На необитаемом острове...

Вера. Не смешно.

Вадим. Ты что, не во второй столице была? Не среди людей?

Вера. Я была среди кошек, и это главное. И одной из них ты меня лишил.

Вадим. Ты вспомни, в каком настроении приехала. Ты сразу набросилась на меня из-за этой несчастной кошки.

Вера. Она не несчастная. Во всяком случае, была раньше.

Вадим. Тебе кошка дороже всего.

Вера. Дороже. А тебе вообще никто не дорог.

Вадим. Послушай, ты приехала мириться, так я понимаю? И что же?

Вера. Мириться. Но я хочу, чтобы в твоей душе что-то дрогнуло, отозвалось на то, что произошло.

Вадим. Боже мой, что произошло!

Вера. Да, кошка — показатель. Ты просто равнодушный человек.

Вадим (*приближаясь к жене и пытаясь ее обнять*). Не сказал бы.

Вера (*уворачиваясь*). Не надо. Ты бросил нас одних в чужом городе. С коммунальщиками.

Вадим. Дурочка моя, но все кончилось, ты приехала. Как, кстати, ты добралась? Такой дождь!

Вера (*беря полотенце и промокая волосы*). Как видишь. Скоро за мной будут оставаться море из дождя и слез.

Вадим. Пусть лучше из дождя.

Вера. А слезы, куда деть мои слезы?

Вадим. Ни-ку-да. Ты просто не плачь. Не надо плакать, моя дорогая.

Вера. Теперь я дорогая. А три дня? Целых три дня, что ты не отвечал на звонки, не реагировал на записку?! Я придумала, специально попросила соседку снизу позвонить тебе и посмотреть, стоит ли машина. Она сказала, что дома нет никого, а машина на месте. Что мне оставалось думать? Что? Я, а не

ты переживаю, что что-то случилось. Я, хотя виноват ты.

Вадим. Ну, конечно, кто же еще?

Вера. И я боялась, что с тобой и правда что-то случилось, хотела в Питере подавать заявление в милицию. Ты ушел и сказал, что пошел искать кошку. Я ждала до пяти утра. Куда ты делся?

Вадим. Неужели трудно было сообразить? Я же отдал тебе ключи.

Вера. Да, но ты сказал, что позвонишь и что ты пошел искать кошку. Я ждала.

Вадим. Верочка, милая, но это же глупо, я думал, ты сообразишь.

Вера. Ты жестокий и бессердечный. Ты оставил меня в другом городе. Я совсем одна. Я всегда одна. Ты уходишь на работу и забываешь позвонить, мы никуда не ходим целых четыре года, с тех пор, как умерла мама. Ты стал совсем другим.

Вадим. Ты меня обидела.

Вера. Я? Чем же? Что вопила? Но ты вывел меня, вынудил.

Вадим. Надо быть сдержанней.

Вера. Ты потерял кошку. Ты нарочно растопырил окно, открыл его настежь, чтобы она спрыгнула. Спрыгнула и убежала. Бедная моя Пуша.

Вадим. А ты не помнишь, что ты кричала на лестнице?

Вера. Прекрасно помню. Почти. Это не считается, это от отчаяния. Я так на самом деле не думаю. Ты прекрасно это знаешь.

Вадим. Ну, знаешь! Я еще не превратился в деревянного истукана, чтобы не слышать оскорбления, которыми тебя осыпают.

Вера. Врешь, они не в счет и вообще, относились не к тебе.

Вадим. Что, там еще кто-то был?

Вера. Не смешно. Ты специально открыл окно, чтобы Пуша убежала. Ты ревнуешь меня к ней.

Вадим. Насмешила. Ты правда смешная. Успокойся, давай пить чай, этот разговор бесконечен.

Стол, большой красивый стол, что стоит посреди комнаты и делит ее пространство, является и зоной отчаянных споров и очагом напряжения, и – одновременно – примирения, чаепития, объединяющим началом. Он так и стоит, то совершенно чистый и пустой и двое, сидя за ним, сражаются за свое пространство, за внутреннюю свободу, становясь полем раздора; то на нем нагромождается всевозможная посуда, фрукты, раскладывается пасьянс, ставятся вазы с не менее странными цветами и люди общаются, радуясь и любя друг друга. Стол, стало быть, очень важный объект в доме. И вот они, наконец, садятся, чтобы выпить чаю. Она вскакивает.

Вера. Но ведь ничего еще не накрыто. (Ставит чашки, извлекает из шкафа посуду, все необходимые мелочи.) Я вот привезла такой чай из Питера, совершенно неизвестный. Африканский, называется... впрочем, я забыла, как он называется. Но чудесный. Средний между черным и зеленым. А по цвету просто рыжий. (Заваривает.)

Супруги пьют чай и наступает минута тишины, которую не нарушает ничего, кроме внезапно раздающегося писка, такого слабенького попискивания, похожего на мяуканье.

Вадим. Что это? Где?

Вера (хитро улыбается). Сам догадайся.

Вадим. Да я почти и понял, но не соображу, где это, откуда звук?

Вера. Это ты у нас физик-химик-антрополог, вот и подумай. Я – что? Просто приложение к твоим бесконечным опытам.

Вадим. Ладно, приложение, выкладывай, кто это или что это?

Вера. Это... А ты правда не понял?

Вадим. Нет.

Вера. Это наша Пуша.

Вадим. Что? И ты...

Вера. Да-да, тащила, именно это ты хотел сказать.

Вадим. Я не об этом. После всего, что произошло, после всего...

Вера. Ты хочешь сказать, что после всего я должна бы ее была просто бросить там? Отнести в соседнее кафе, в «Пятерочку», просто на помойку? Куда ее было девать?

Вадим. Но ведь дождь...

Вера. И что же? Как видишь, мы добрались. Не на твоей, правда, тарантайке, а как все граждане, не имеющие подобных средств передвижения. На электровозе. На паровозе, на том, что гудело и пытело почти два часа, останавливаясь у каждой березы. Ужас!

Вадим. И ты тащила кошку? Теперь понятно.

Вера. Ну что, что тебе может быть понятно? Опять ревность? Нам уже за пятьдесят, какая ревность, какие валенки?

Вадим. Хорошо ты учишь русские прибаутки, но мне не до смеха. Ты даже не понимаешь, что наделала.

Вера. Да что, говори же!

Вадим. Еще раз подчеркнула, что я для тебя – пень, пустое место.

Вера. Во-первых, не пень, а дубина, не надо себя щадить, а во-вторых, у тебя не все хорошо с пространственным мышлением. Впрочем, как всегда.

Вадим. С каким?

Вера. С тем самым. Что я вынесла, никто не знает. Как я унижалась перед проводником! «У вас еще сорок минут, идите оформляйте кошку!» «Послушайте, – говорю я ему, – мне уже почти девяносто лет, какое оформляйте, самой бы сесть». А он, гад, ни в какую. Я ему: я – заслуженный человек, писатель,

даже доцент, пустите меня и Пушу, мы так настрадались. — Он непреклонен. Тогда я: «Еще с мужем поссорились, вот я одна еду...» И — чудо, он вдруг взял билет, оторвал что надо и пропустил в вагон. Иногда ссоры бывают кстати. Ты не находишь?

Вадим. И ты потащила на поезд с этой... с этой поганкой, из-за которой весь сыр-бор, из-за которой мы чуть не расстались?

Вера. Успокойся, мы никогда не расстанемся.

Вадим. Это ты сейчас такая добрая. Мириться, видишь ли, приехала. Но что ты ее снова прихватила?

Вера (*уже кричит, еле сдерживаясь*). А что мне оставалось делать? Что? Бросить животное? Это твоё хобби, я живых не бросаю.

Вадим. Великодушно, ну просто само благородство.

Вера. Ты даже не предлагаешь занести ее в дом...

Вадим. Еще чего. А где она?

Вера (*смеется*). Это очень в твоём духе, это-то мне и нравится. Она... Она — как рояль, в кустах. В нужный момент она непременно возникнет.

Вадим. Что за стиль? «Возникнет»!

Вера. А как, простите, следует сказать, появится, возродится, восстанет из небытия, из города на Неве? Главное — она есть, жива, нашлась и будет жить с нами.

Вадим. А ты меня спросила? Так, ради приличия?

Вера. Ее в пять утра притащил сосед Леха. Стал колотить в дверь нещадно и орать «Заберите вашу кошку, а то она может ударить мою». Я ему: «Не ударила?» — «Нет, она у вас еще молодая». — «А ваша?» — «Нашей семь лет». Я и забрала. Кошка бедная была вся взъерепененная, боялась всего, ничего не ела и не пила. Я даже не поняла сначала, что произошло, откуда она, если до пяти утра только и делала, что прощалась с ней.

Вадим. Да-а...

Вера. Да-а.. Вот и да-а. Не бросать же ее? Хотя, признаться, я подумывала о нашем кафе. Не отнести ли мне ее туда и попросить пожить? Но...

Вадим. Что же «но»?

Вера. Она стала причиной наших страданий, она пусть и улаживает все.

Вадим. Как у тебя все легко! Уехала — приехала...

Вера. И это ты говоришь? Ты, который не погнушался бросить меня в чужом городе?!

Вадим. Опять ты за свой город. Он не чужой. Ты его любишь больше, чем сердце нашей родины.

Вера. Да, представь себе, больше. Я его жалею. Он совсем одряхлел, хотя еще и пыжится. Но оставить там Пушу!

Вадим. Однако уже час она мокнет в кустах где-то под дождем и тебе ее почему-то не жалко? Где она, наконец? (*Поднимается*.)

Вера (*вскакивает*). Нет, не ходи туда, нельзя, я сама.

Вадим (*отстраняя ее*). Да что ты сама? Что? Что ты можешь без меня?

Вера. Бессовестный. Я — все могу, все. А туда не ходи, потом...

Вадим (*садится, затихает*). Черт-те что. Ничего с тобой не поймешь. И так все годы. Ну что надо было тащить ее с собой в Питер, потом ссориться, потом...

Вера. Вот именно, «потом». Потом ты сбежал. Трусливо так, гаденько. Фу, как это мелко!

Вадим. Замолчи, ты утомила меня! Я не бросал. Я не вынес унижения. Ты оскорбляла меня, обидела.

Вера. Ах, ах, ах! Обидели его!

Вадим. Да, обидели. Не только тебе дозволено обижаться и нести свою обиду в сумочке. И о других думать надо!

Вера. Много ты думаешь? Ты, который бросил меня...

Вадим. ...В чужом городе. Помню.

Вера. Ты так и не ответил, почему не прореагировал на записку?

Вадим. Я думал. Не готов был.

Вера. Как я ненавижу это «готов — не готов». Всю жизнь так. Ты и разводиться не хотел из-за этого своего «не готов».

Вадим. Ох, как же ты не права, послушай. Я только увидел тебе и на все был готов. Да, вот на разговор с той стороной — это трудно, согласен. Но, однако, все же пошел и на разговор.

Вера. И на дележ?

Вадим. Ну виноват, ну не получилось у меня вернуть свое, разве в этом счастье?

Вера. И в этом тоже.

Вадим. Не верю. Тебе не верю, ты не такая. Ты же заставила, ладно, упростила меня выписаться из Москвы и уехать в тьмутаракань.

Вера. Не забывай, что эта тьмутаракань — моя родина.

Вадим. Родина — уродина. Что, какой стороной повернулась к тебе твоя родина? Правильно, той самой. Став там уважаемым лицом первой статьи, тебе пришлось драпать с этой своей родины. А почему? Все князьками стать захотели. Все норвят правителями быть. Куда уж там! Ну, и жила бы себе там и учила бы язык и что? Что ожидало бы тебя там после 92 года? Уходите, русские? Сама рассказывала. Ты и замуж за меня пошла со страха. Не возникай, я знаю. Со страху-с. Спасибо перевороту 93 года, иначе и не встретились бы. Просиди ты еще год на своей родине, куда бы все делось?! Вот, осталась там твоя тетя Люся, но ей девяносто, а тебе тридцать пять было, всего тридцать пять. Скажи спасибо, что еще так все сложилось аспирантура и все такое прочее. Правда она мало тебе пригодилась, так и сидишь в своем театре.

Вера. Спасибо. Спасибо, что осчастливил. Вспомнил про 93^{ии}, надо же. Ты тоже вот, еле защитился. Даже не знаем, кто из нашей группы дошёл до финиша.

За время этого разговора супруги не раз встают из-за стола. Принимаются что-то делать каждый в своем «углу», но снова и снова сходятся за одним общим столом, за которым все и проясняется. Или запутывается. Иногда слышится попискивание, мужчина и женщина отвлекаются на него, прислушиваются, но не выходят из комнаты, оба, видимо, полагая, что их член семьи, из-за которого столько баталий, вне опасности. И правда, у кошки под диваном есть свое укрытие, хозяйка об этом знает. Иначе что за любовь такая к животному? Кстати, вполне возможно, что кошка в своем пластмассовом домике может и появляться время от времени: то потопи, по ходу действия, в дальнейшем, то сама Вера явится с ней и сама поставит переноску под диван. Но кошка явно присутствует, а не только о ней говорят.

Вадим. Да, смутные были времена. Как это ты надумала сюда-то двинуть? И почему только в 93-м? А не в 74-м, скажем?

Вера. А почему в 74-м?

Вадим. Да хотя бы потому, что именно в тот год я стал холостым.

Вера. Все о себе. А я была готова к тебе, скажи?

Вадим. Да ты и сейчас не готова.

Вера. Опять препираешься?

Вадим. Я пытаюсь понять тебя. И лучше бы это начать делать в 74-м. Столько глупостей избежали бы. Ты никогда не любила свою профессию. Врач из тебя никудышний.

Вера. Зато я театр люблю.

Вадим. Зачем же тогда был мединститут, я, в конце концов?

Вера. Но я же стала доцентом.

Вадим. Это еще не профессия. Годы идут, а ты по-прежнему в юности, да и то не в Москве, а в своей Азии.

Вера. Все ерунда.

Вадим. Что именно?

Вера. То, что человек умнеет, обретя опыт. Ничего он не умнеет. А только осторожничает. Вот ты, как и десять лет назад перешагивал через меня, когда я плакала, брал свой несчастный рюкзак и уходил. А теперь? Теперь то же самое.

Вадим. Я не переступал, я просто уходил.

Вера. Все носишься со своими обидами?

Вадим. Не ношусь, но уважаю покой.

Вера (*встает, идет к двери*). Вот и уважай.

Вадим. Ты что, уходишь?

Вера. Без комментариев. (*Закрывает за собой дверь*.)

Он остается сидеть один за столом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Железнодорожная станция Мурашкино, где проходят пригородные электрички. На лавочке сидит Вера. К ней подсаживается женщина. Назовем ее Юлей.

Юля. Не скажете, на Москву когда будет?

Вера. Трудно сказать, сама не знаю.

Юля. Так устала, целый день в три погубели.

Вера. Картошку копаете?

Юля. Вот думаю, зачем мне это? А сама все копаю и копаю, все мне мало.

Вера. Человеку всегда мало.

Юля. Огурцы какие, видите? Возьмите сколько хотите. (*Открывает корзинку и собирается насыпать огурцов Вере*.)

Вера. Напрасно, теперь и есть-то некому.

Юля. На вас не похоже. Ухоженная вы больно.

Вера. Ах, бросьте, это так, с виду. На самом же деле...

Юля. И на самом деле. Вы что же, одна что ли?

Вера. Вроде бы...

Юля. Картошка моя только меня и любит, одну меня слушается. А больше-то и некого.

Вера. А вы, вы одна разве? По вас тоже не скажешь. В смысле — столько тащите. Значит, помогал кто-то?

Юля (*смеется*). Ну конечно! «Помогал!» Одна я, всю жизнь одна. А когда и не одна была, все равно без разницы, нет с ними никакого спасу, что одна, что с мужиком — один леший. Пьет, черт его дери.

Вера. У вас хоть причина, не обидно. А тут и не пьет, а все равно...

Юля. Я же говорю, что вы ухоженная. У таких дамочек мужики не пьют. Как-то так все в жизни подбирается, что у грамотных даже пьют по-другому, не как у нас сволочи.

Вера. Вроде бы поезд. А я даже билет не взяла.

Юля. Вот видите! Я так и знала.

Вера. Что вы могли знать, что? Забыла я про билет.

Юля. Вижу, опрокинутая вы, не заботитесь о контролере. Возьмите мой, хоть и старый.

Вера. Да что мне со старым делать? Не нужно.

Юля. Возьмите, они на таких не больно-то внимания обращают, прокатит.

Вера. Это вы хорошо сказали, прокатит. Вот бы все так!

Юля. А вы не тушуйтесь, вот и прокатит, везде прокатит. А потом (*смеется*) и накатит. Хотите пива? У меня баночки две еще есть. Вы же из бутылки не будете? Вот, вам банка, мне через горло. (*Протягивает банку из своей бездонной сумки*.)

Вера (*берет банку, с любопытством ее рассматривает*). Здесь что ли открывать?

Юля. Ну! Неужели вы и этого не знаете?

Вера. Я зато много чего другого знаю. (*Открывает банку, пьет*.) Хорошо! Очень!

Юля. Еще бы! Я знаю чего брать. Рыбки не желаете?
Вера. Что, прямо здесь?
Юля. А что? Поезда все равно нет. Народу — почти никого. Что нам? Берите. *(Достаёт из сумки рыбу.)*
Вера. И много у вас там припасов еще?
Юля. Много. Чего еще желаете?
Вера. Я желаю счастья и покоя. У вас этого не найдется?
Юля. Поняла. Вы поссорились.
Вера. Не все так просто. Хотя... Да, поссорились.
Юля. Это все закидоны образованных людей. Все им не так. Вам покопать с мое, не до ссор будет.
Вера. Может, вы и правы. Но у меня все сложнее.
Юля. Бросьте. У всех все одинаково. Просто одни с припасами, другие — как картошку вскопать. Ясно?
Вера. У моего страшный характер. Просто жуть! Ни на какой козе не подъедешь.
Юля. А вот это вы напрасно. Коза всегда същется. Она всегда при нас. Где за рога потянуть, где кнутиком стегануть. А вы, небось, все в лоб, все правду ищите?
Вера. Откуда вам знать?
Юля. Ой, откуда? А то я не жила? Где веревочку натяну, а где и отпущу... Так у меня с Гришенькой любовь и получалась.
Вера. И почему же вы одна, если все приспособления знаете? Он с вами?
Юля. Со мной. Но не муж он мне. Так, люблю его и все.
Вера. А вы говорите «у образованных». Все любят, все хоть раз в жизни, а любят.
Юля. Я его целую жизнь свою беспрсветную и люблю.
Вера. А муж как же?

Юля. А муж... Что он, сердечный? Пьет и пьет себе. В том, видать, его счастье.
Вера. Да-а. Что-то поезда все нет? Как все это сложно.
Юля. Вы о чем это? Да погодите, не плачьте. Да ладно вам, чего убиваться зря? У вас же не пьет? *(Вера качает головой.)* Ну вот, видите. Любит, значит.
Вера. Как у вас все просто. *(Плачет.)*
Юля. Это пиво все, оно, горемычное, течет, не тоска ваша. Бросьте, успокойтесь, а если поплакать хотите, так поедemте ко мне, там и рванете.

Подходит мужчина тоже средних лет, приподнимает бейсболку, сгибается в поклоне.

Мужчина. Разрешите присесть?
Юля. Вот, еще один из этих, из дворян.
Мужчина. Как же вы это определяете? Поезда, кстати, не будет еще долго, что-то там с путями.
Юля. А чего определять, на глазок и вижу.
Вера. Еще целый час?
Юля. А куда тебе торопиться? Сиди себе, плачь или смейся, какая разница? Это не картошку копать. Это там попотеть надо. А здесь! Мужчина, вы в Москву?
Мужчина. Ясное дело, куда же еще с этой стороны?
Юля. Какой важный. Не попросту ответят, а так и норовят загнать как—нибудь.
Мужчина. Я, изволите знать, спешу. Ждут меня.
Юля *(не дает спуску).* Всех ждут. Кого что. Сидите себе. А мы вот пиво попиваем. Вам завидно, небось?
Мужчина. Как вам сказать? Не то, чтобы очень, но и я, признаться... Да нет тут никакого магазинчика. Вы, я вижу, расстроены? *(Обращается к Вере.)* Лишнее, все пройдет, уверяю вас.
Юля *(она рада такому повороту дела и вынимает из своего багажа баночку пива. Протягивает незнакомцу).* Берите, берите, не стесняйтесь.

Мужчина. Благодарствую. (*Приступает к баночке.*)
Вера. Все совпадает.
Мужчина (*повеселев*). Что же, сударыня?
Вера. Я уже давно не сударыня. Лет тридцать как.
Мужчина. А это вы зря. Сударыня и в пятьдесят, и в семьдесят — все равно ее видно. Сударыня! Вы уж точно!
Юля. Загнули! Это кому угодно ясно. А вы, значит, сударь? Так? Как же вас величать?
Мужчина. Игорь Петрович. А вас?
Юля. Меня — Юля. Можно и без Петровича. Здесь, на станции все уравнились.
Мужчина. Это точно.
Вера. Домой хочется.
Юля. Да что вам там одной-то делать?
Вера. У меня там... хотя... хотя уже не там... Вы кошек любите?
Мужчина. Святое. Нет, правда. От них — нежность в сердце возникает.
Вера. А я сейчас на даче ее оставила. Что с ней будет?
Мужчина. Так возвращайтесь, она вас дождетя, непременно дождетя.
Вера. А если нет? Там меня другие не сильно хотят видеть.
Мужчина. Понятно. А вы наплюйте, идите себе и все. Она же ваша?
Вера. Только она и есть, что моя, совершенно.
Юля. Вот и я говорю, все у них сикось накось выходит. Люди о людях должны печься, а эти, из благородных...
Мужчина. ... из недорезанных, так раньше говорили.
Юля. Кто ж теперь режет таких? Теперь только неблагородные сами себя... В деревне всегда кошки были. Но чтобы так об них убиваться! Погуляет —

придет, куда ей деваться. Она дом уважает. Получше любого мужика.
Вера. Сама не знаю, куда мне больше надо.
Юля. Оно и видно. Кушай рыбку.
Мужчина. Милые дамы, имею что предложить.
Юля. Понятно.
Мужчина. Ничего вам не понятно. Знаю я тут одно местечко, можно время скоротать. Парк изысканнейший.
Юля. Им бы, хоть и сударь, а все по кустам бы...
Вера. Никуда я не двинусь, скоро поезд прибудет.
Игорь Петрович. Помяните мое слово, еще час тут ворковать.
Юля. Рыбку будете?
Игорь Петрович. Благодарствую, тут негде руки помыть.
Юля. А вы об травку.
Игорь Петрович. Нет уж, я и пиву рад. Без рыбки. Не хотите в парк — как хотите. Я тут газетку купил (*показывает газету*), так такая ересь напечатана. Что поблизости, прямо-таки где-то здесь рядом много свидетелей видело НЛО. Потрясающе. И круги на поле остались. Сходить бы, посмотреть.
Вера. И вы в это верите?
Игорь Петрович. Я своим глазам верю и точным научным данным. Еще эксперименту.
Вера. Вы что же, ученый?
Игорь Петрович. В некотором роде.
Вера. Ах, Господи, да как это может быть «в роде»? У меня вот муж ученый, и совершенно точно, а никак не приблизительно. Это в литературе только приблизительно бывает, да и то художественного толка.
Игорь Петрович. Вы совершенно правы. За исключением, разве, того, что точность нужна везде, и в

искусстве с литературой в том числе. Я сейчас рассказ один вспомнил. Чехова. Там, знаете, поехали верхом на станцию за письмами. Двое, мужчина и женщина. Он влюблен, разумеется, он а — нет. Девять лет проходит, он так и ходит на чай, но уже никто ни в кого не влюблен. А поначалу их еще гроза накрывает. Как примерно сейчас. Вот-вот грянет. Но рассказ прекрасный, как, впрочем, все у Чехова. Но именно рассказы хороши. Вроде и нет никакой такой точности, а все прочувствовано, все выписано предельно ясно, достоверно и поэтично.

Общее молчание.

Вера. Это правильно — «поэтично». Люблю его очень. И жалею еще.

Игорь Петрович. Позвольте, отчего же?

Вера. Да так, одинок очень был.

Юля (*неожиданно*). Граждане хорошие, что вы за тоску какую взяли? Все невсамделишное, все неправда. Кто был, когда — да его и нет совсем, дым один. Что вы там рассуждаете? Я вот думаю, что почитать надо, но картошка важнее. Нет, я не какая-то там необразованная баба, но знаю жизнь, где по правде, где так, сочинение сплошное.

Вера. Жизнь и есть сочинение. Слушайте, поезд, кажется?

Игорь Петрович. Вроде бы. А вы (*он посмотрел на Юлю*) очень правильно заметили: картошка важнее всего, примерно так и Карл Маркс говаривал. Про бытие.

Юля. Вот и я говорю. Жизнь или там бытие — они важнее. Смотрите, что это? Вроде бы дым? Точно, где-то пожар. Да близко совсем. Вот вам и НЛО. Может, от них все и загорелось. Теперь совсем не уедем.

Игорь Петрович. Не волнуйтесь. Уедем. В крайнем случае ко мне пойдём. У меня домик в пяти минутах ходьбы отсюда.

Вера. Мне домой надо. Плакать хочется.

Игорь Петрович. Напрасно это вы. Слезами ничему не поможешь. А горя у вас, видно, и нет никакого.

Вера. Это так кажется. Разве не горе — переживать непонимание?

Игорь Петрович. Согласен, неприятно, но чье и такое уж ли беспросветное? Подумайте, поразмышляйте. Отвлекитесь. Все и образуется.

Юля. И я ей говорю: все быльем порастет, все пройдет. Не горюйте, Верочка. Вон какой дым. Там, небось, похуже. Бутерброд хотите? (*Роется в сумке, достает два бутерброда. Один протягивает Вере, другой — Игорю Петровичу.*)

Игорь Петрович. Благодарствуйте, не стану. Сами кушайте. Нет, не поезд, точно, один дым прибыл. Совсем ничего не видно. Это плохо. (*Внезапно запевает.*) «И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась моя голова. Дорогая моя столица, золотая моя Москва». Сейчас что-то будет.

Внезапно выплывает огромный шар на середину сцены — вокзала, который при этом шипит и кажется, что он вот-вот треснет, взорвется. Слышны лишь голоса, людей почти накрыл дым. В это время по радио объявляют: «Граждане пассажиры станции «Мурашкино», приносим свои извинения за временные неудобства. Потерпите. Скоро придет поезд на Москву. Счастливого вам пути!»

Игорь Петрович. Вот вам и точность — «скоро». Как скоро, никто не удосужился добавить. А мне бы успеть до восьми часов. Опоздаю, точно.

Юля. А мне спешить некуда.

Вера. Жаль, так надо домой.

В это время на платформе случается общее замешательство, слышны возбужденные голоса, все стремятся рассмотреть шар и освободиться от дыма.

Игорь Петрович. Славно. Ничего подобного не видел. В дыму просто великолепное зрелище. Как в сказке. Никто не поверит в столько накруток, сплошные совпадения и неувязки. Прямо запахло комическим.

Юля. Жареным запахло, это точно.

«Граждане пассажиры, к платформе «Мурашкино» прибывает электропоезд на Москву. Просьба сохранять спокойствие и порядок. Над вами пролетает не летающий предмет, а всего лишь шар, который запустили местные умельцы. Не волнуйтесь. Здесь неподалеку их база. Счастливого пути». Слышен шум подъезжающего поезда.

Вера. Смотрите, а он, однако, не останавливается. Что это? Как же так?

Игорь Петрович. Объяснение, тоже однако, одно: про нас забыли, все пролетает мимо: шар, электричка. Стало быть, пролетаем мы. Вот и все.

Вера. И что же? Мне так надо домой. Я устала.

Юля. Да дома всегда будем, а вот такое вряд ли еще когда свидеть удастся.

Вера (*собирается уходить, встает*). Прощаюсь с вами, было крайне интересно.

Юля. Крайних тут нет и быть не должно. Стойте, милая дамочка. Поезд вам все равно не догнать, так хоть обмозгуем, что делать.

Игорь Петрович. ... и как быть? Все по-русски. А как же иначе. Ах, Антон Павлович, ничего не изменилось, даже вопросы, заданные еще задолго до вашего появления, сохранились и, думаю, никогда на них не сыщется ответ.

Вера. И все же я пойду.

Юля. И куда? В Москву?

Игорь Петрович. Конечно, она как в «Трех сестрах», именно туда и направляется. Безумные люди, безумное время.

Юля. Время, оно всегда одно и то же.

Игорь Петрович. Это вы верно, все так. Но — тем не менее... Однако она уходит, уходит и правда. Что же нам делать?

Юля. Ну не удерживать же ее.

Игорь Петрович. И то верно.

Вера между тем проходит к краю платформы, пребывая, естественно, в своих мыслях. И вдруг останавливается. Она видит, как прямо перед ней по ступенькам поднимается ее муж с тяжелой сумкой. Кошки при нем нет. Оба останавливаются. Молчат.

Вадим. Ты?

Вера. А-а, ты меня узнал!

Вадим. Перестань паясничать.

Вера. Не могу, полжизни провела на сцене.

Вадим. Что-то я этого не заметил. Когда же? С детского сада что ли?

Вера. Жизнь — та же сцена.

Вадим. Ах, как высокопарно.

Вера. Ты никогда не научишься говорить просто. Вечный артист.

Вадим. Я вас, мадам, не понимаю: то вы актриса, теперь вот — я?

Вера. Помнится, ты называл меня сударыней. С каких это пор я — мадам?

Вадим. Падам, падам, падам, та-та-та-та-та-та-та...

Вера. Люди поют в двух случаях: когда им плохо или, наоборот — хорошо.

Вадим. Фи! Жизнь так многообразна! У меня как раз случай смешанный: с одной стороны, плохо, что ты ушла..., а с другой, замечательно, что я тебя все же нашел.

Вера. Опять вранье. Ты не искал меня. Ты встретил меня случайно.

Вадим. Однако я делал определенные усилия, чтобы это случилось. Послушай, у меня такое подозрение...

Вера. Какое же?

Вадим. Что ты меня просто-напросто ревнуешь.

Вера. Ну, знаешь...

Вадим. И знаешь, к кому?

Вера. Хотелось бы услышать.

Вадим. К нашей Людочке.

Вера. А кто это?

Вадим. Как кто? Соседка по даче.

Вера (*замивается слухом*). Ой, не могу, ну и низко ж ты меня швартуешь, доложу тебе.

Вадим. Фи! Что за одесская терминология!

Вера. Я! К какой-то там Людочке!

Вадим. Да!!!

Вера (*смеется*). Не смейся меня. Я не могу. Стоп! А если серьезно, то я действительно ревную. И знаешь, к кому?

Вадим. Интересно.

Вера. К твоей прожитой без меня жизни.

Вадим. Всего-то? Опять двадцать пять.

Вера. Ошибаешься, не опять, а снова, и притом, совершенно серьезно, заметь. Ты всегда жил, как хотел, делал, что хотел, ты никогда, ни-ког-да не считался со мной.

Вадим. Милая моя козочка, как же ты хороша в своем гневе! А разве ты не делала того, что хотела, что считала нужным? Точно так же!

Вера. Нет, для меня семья была превыше всего.

Вадим. Превыше чего? Тебя самой, нашей девятиэтажки, чего?

Вера. Можешь смеяться, но это так. У меня были обязательства, ты же обходился без них.

Вадим. Это что-то новое, по крайней мере. Кстати, Пуша сидит на даче одна. А она этого страсть, как не любит.

Вера. Нечего бить на жалость. Ты ее покормил?

Вадим. Я? Не помню.

Вера. Какой же у тебя мерзкий характер.

Вадим. Мерзопакостный.

Вера. Ты — чудовище.

Вадим. Прекрасно: красавица и чудовище. Это что-то...

Вера. Я устала.

Вадим. Так поедем.

Вера. Оглянись! Ты ничего не видишь?

Вадим. Да-а, картина.

В это время злополучный шар стремительно стал приближаться к платформе. Возникла паника, люди бежали туда-туда и взывали к властям, к светлым всемогущим силам и кляли все на свете одновременно.

Голос из динамика сообщал: «Граждане пассажиры станции Мурашкина, отойдите от края платформы просим вас покинуть платформу пассажиры, берите детей на руки и как можно скорее уходите подальше от платформы. Это необходимо во избежание опасности Гражданин, куда вы устремились, сейчас пройдет поезд, немедленно сойдите с железнодорожных путей. Вы что, не видите, что шар вот-вот рухнет на саму платформу?!» Действительно, в то же мгновение шар хлопнулся прямо на середину платформы. Многие послушались и ушли, но кто-то особенно любопытствующий остался. Среди оставшихся были, к сожалению, и Вера. Ее-то шар и задел довольно сильно и она повредила ногу. Или он ей повредил.

Вера. Ой, что это? Это же очень больно... Где ты? ... Я не могу подняться.

Вадим (*вбегает на платформу, устремляется к жене*). Ну почему ты такая непослушная? Ты же сказала, что идешь за нами? Куда ты делась? Понимаю, ты и

здесь решила досадить мне, что-то доказать... Тебе очень больно? Ну что за характер?! Ты не можешь идти?

Вера. Какой там идти! Я подняться не могу. Что-то с ногой. Наверное, перелом.

Подходит Игорь Петрович, за ним Юля. На самой платформе невообразимая суета, крики, кто-то пытается выбраться из шара, кто-то помогает, но понятно, что повреждения уже все-таки люди получили. Слышны голоса:

— Надо вызвать скорую.

— Какую скорую? Сюда скорей вертолет долетит, чем скорая приедет.

— Сообщите дежурному, пусть в милицию позвонят.

Гул, суматоха не стихают, а в это время решено справиться самим с Верой и не ждать помощи от скорой.

Игорь Петрович. Предлагаю сделать стульчик (*показывает, как следует скрестить руки*) и отнести пострадавшую ко мне. Иначе проторчим здесь...

Вадим. Куда это к вам?

Игорь Петрович. Естественно куда: домой, я тут неподалеку. Тем более, что поезд как раз только что прошел и не подумал остановиться. А в связи со всеми событиями чехарда будет продолжаться и неизвестно еще, отпустят ли нас. Вдруг начнутся опросы-допросы, так и застрянем. Вытягивайте же руки, да не так, какой же вы неловкий. Милая дама, не тушуйтесь, так и поедем ко мне. Здесь недалеко.

Вера охает, но все же пытается сохранить достоинство, поправляет шляпку, стряхивает ее, затем грациозно взбирается с помощью мужчин на предложенный стульчик. За ними со своей бездонной сумкой спешит Юля. Ее, правда, никто и не пригласил, но она все же идет. Это как раз в ее характере — не оставить человека в беде, да и в неопределенности тоже.

Виден край дома Игоря Петровича. В довольно просторную комнату, чистую, светлую, пытаются войти с оружием стульчиком двое мужчин со своей ношей. Кое-как им это удается, наконец. Оба уже почтенного возраста и поход от станции — не из легких. Игорь Петрович показывает, куда надо положить женщину.

Игорь Петрович. Сюда, сюда, прошу вас. Муся, брысь.

Вера (*не удержалась*). Как, у вас тоже кошка? Не много ли на сегодня?

Игорь Петрович (*несколько оскорбился*). Что значит «тоже»? Это в Москве одни собаки, а у нас тут по большей части одни кошки. Вы что же, не любите их?

Вера. Ах, напротив. Очень даже. Больше жизни, можно сказать.

Игорь Петрович. Вот и славно, а то я испугался.

Вера. Не навечно же я к вам попала. Что вам до моих чувств к животным?

Игорь Петрович. Ну, не скажите, это многое определяет в человеке. Степень его готовности смириться с жизненными обстоятельствами, к примеру. Вы вытягивайте, вытягивайте ноги, не стесняйтесь. А я от соседей позвоню знакомому доктору, он тоже в этих краях обитает, лет семь как поселился.

Вадим. А, может, скажете, где это? Я бы дошел?

Игорь Петрович. Нет, милейший, это должен сделать я сам. Он может вас не послушать. Такой, странный, знаете...

Вера. А у вас очень мило.

Вадим (*с укоризной смотрит на жену*). Хорошо, что ты способна здраво оценивать происходящее. И что интерьер сейчас тебя особенно занимает.

Вера. Не нуди.

Юля. А у вас мыши есть, я по запаху слышу. Не ставили мышеловки?

Игорь Петрович. Что вы такое говорите? Даже обидно, знаете. Мы мышей не держим.

Юля. Это-то понятно, да только они на это разрешения не спрашивают.

Вера. Я не слышу никакого запаха.

Юля. Так вы и не знаете, какой он. Одно слово — интеллигенция!

Вадим. Мыши бывают не только у сельских тружеников.

Игорь Петрович. Что верно, то верно. Однако, голубушка, как вы себя чувствуете? Сейчас чаек органирую. Нет, Юля, вы тут похозяйничайте пока, а я звонить. В нашем Мурашкино у троих только и есть телефон. К счастью, один у моих соседей.

Юля. Я готова. А мыши все равно у вас есть.

Игорь Петрович уходит. Вера тут же начинает постанывать, Юля занимается приготовлением чая, муж подсаживается к Вере.

Вадим. Что, болит?

Вера. Да разве тебе меня жалко?

Вадим. Естественно. Ты же упрямица! Все побежали, я думал, ты — тоже. А ты вон как, осталась. Можно спросить, зачем? Мне назло?

Вера. Я ничего не делаю назло. Так получилось, засмотрелась я. Здорово летели. А ты меня снова бросил. Если случаи повторяются, это уже статистика.

Вадим. Что ты глупости говоришь, какая статистика?

Вера. Такая. То в Питере бросил, то чуть ли не под поезд отправил.

Вадим. Ой, какая ты фантазерка.

Вера. Никому меня не жалко. У тебя сердце обо мне не болит.

Вадим. У меня оно просто болит, уверяю тебя.

Вера. Но не обо мне же.

Вадим. Ну ты и эгоистка.

Вера. Хороший человек какой, в дом нас привел. Звонить побежал. Почему ты не такой расторопный? Вот ведь, бросил меня!

Вадим. Успокойся, никто тебя не бросал. Надо было слушаться.

Вера. Но ты даже не оглянулся, иду ли я! Тебе на меня наплевать. Ты только о себе думаешь.

Вадим. Дурочка, что значит — о себе? Я думаю о нас, а ты очень горячая. И — гордая.

Вера. И что? Поэтому можно без конца бросать меня?

Вадим. Это возмутительно в конце концов! Что значит — бросать? Кто тебя бросил? Все побежали. Только тебе надо было под дымящийся шар какой-то бросаться. Что за глупость такая?! И все потому, что непременно хочешь мне досадить. Все от этого.

Вера. Интересно, как ты ко мне относишься?

Вадим. Еще лучше! Что за вопрос? Прекрасно!

Вера. Так говорят с тяжело больными или с нелюбимыми. С горячо нелюбимыми. Ты почему меня бросил?

Вадим. Где? В Питере?

Вера. Везде. Всюду. Ты бросаешь меня вот уже двадцать лет.

Вадим. Ты говоришь о процессе. А он может быть бесконечен. Я же не бросил, а только бросаю.

Вера. Это как с чеховским ружьем: все равно когда-нибудь выстрелит.

Юля. Хватит вам препираться, взрослые люди, а все как дети.

Вера. Нехорошо подслушивать.

Юля. А вы бы потише говорили. Мне тут деться особо некуда. Вот и хозяин идет.

Входит Игорь Петрович.

Игорь Петрович. Сейчас чаю попьем и придет доктор.

Вадим. Господи, ну какой тут может быть доктор? Ехать надо.

Игорь Петрович. И у вас есть, на чем?

Вадим. Может, все обойдется и Вера сможет идти? Тогда вернемся на дачу.

Игорь Петрович. Господа, как же вы неразумны. Я, впрочем, и сам не особенно рацуху люблю, но все же... У дамы нога, стресс. Какая дача? Какие валенки?

Вадим. Что?

Игорь Петрович. Так, местный сленг.

Вера. У вас тут очень мило.

Игорь Петрович. Не жалуюсь.

Вера. А что, вы здесь постоянно и живете?

Игорь Петрович. Теперь — да.

Вера. А...

Вадим. Вера, перестань досаждать человеку.

Игорь Петрович. Отчего же, пусть говорит. Это отвлекает.

Юля. Прошу вас, милые граждане. После пива мне не больно-то чаю хочется, но такой страх пережить, все пиво рассосалось.

Игорь Петрович (*подносит Вере чашку с чаем, на блюде конфеты, баранки*). Откушайте, вам это нужно.

Вера. А вы всегда такой добрый? И почему вы...

Вадим. Вера, это неудобно.

Игорь Петрович. Очень даже удобно. Один я не так давно, всего года два.

Вера. Простите.

Вадим. На даче у нас кошка Пуша осталась.

Юля. Ничего, мышей пока половит, не все ей непонятно чем лакомиться. Ядрышки какие-то в этих пакетах. Одна химия, небось.

Игорь Петрович. У меня тоже кот был, да тоже... покинул вот меня. Так все совпало. Теперь кошка.

Вадим. Наверное, надо забрать Пушу? Может, я пойду?

Вера. Как всегда, очень вовремя.

Вадим. Да, ты права. Мне кажется, я тут лишний.

Юля. Вы не лишний, вы просто непонятка какой-то. Жене плохо, а он — уходить. Ну и дела!

Вера. Для меня, по крайней мере, ничего удивительного. Человек выстроил понятный ему мир и не очень охотно делится своими границами. Попросту никого не впускает. А иной раз — надо бы! Ну и характер!

Игорь Петрович. У всех свои странности. Ничего удивительного. Если хотите, я присмотрю за вашей Верой. Только, может быть, доктораждемся?

Вадим. Ладно. Я никуда, впрочем, не спешу.

Муж Веры отсаживается в сторонку и смотрит в окно. Ситуация явно его тяготит. Стук в дверь. Хозяин спешит открыть. Входит импозантного вида мужчина со стареньким саквояжем в руках. Его вид очевидно контрастирует с этим докторским причиндалом, но держится мужчина уверенно и с достоинством.

Игорь Петрович. Матвей Иванович, проходите, очень рад. Вернее, очень ждем вас. Вот (*указывает на лежащую Веру*) наша больная. Столкнулась с воздушным шаром.

Матвей Иванович. С чем, простите?

Игорь Петрович. Да-да, вы не ослышались. Мы были на платформе. С неба стал сваливаться тяжелый шар. Он к тому же и загорелся. Всем велели покинуть платформу. Но вот... Вера, она почему-то осталась. И повредила ногу.

Матвей Иванович. Понятно. Хотя не совсем. (*проходит внутрь комнаты, приближается к кровати и... застывает*). Это вы?..

Вера (*вжалась в кровати, натянула на себя плед и, если бы не ситуация с ногой, можно было подумать, что она сейчас вскачет и выбежит из комнаты*). Не может быть... Матвей?

Игорь Петрович. Что-что? Вы... вы знакомы?

Вера. Были когда-то.

Матвей Иванович. Да, от судьбы, как и от многого чего другого, впрочем, не зарекайся. Однако здравствуйте. Или — здравствуй. Как удобнее. Так что случилось?

Вера. Почему ты, вы здесь? Сколько лет? Познакомься, это Вадим. Ты же знаешь. Он был с нами в одной группе, наш аспирант.

Матвей Иванович. Да, был. Именно так. Так нога, говорите? Что там с нашей ногой? (*Осматривает*). Ничего страшного, но ушиб приличный. Главное — нет перелома. Однако — покой и еще раз покой. Разве это ваш дом?

Игорь Петрович. Да нет, милейший Матвей Иванович, мы на платформе познакомились, пиво, знаете, пили и ждали поезда. Потом подошел этот господин и прилетел шар. Мадам очень нервничала. И отчего-то осталась рядом с неба упавшим предметом. Был еще огонь.

Матвей Иванович. Очень вразумительно. Я все понял. Я так и думал. Вера? Ну разве может она без приключений? Так где вы живете? Вам, голубушка, придется не один день полежать.

Вадим напрягся, прикидывая, что делать и вообще как быть. Но безвыходность ситуации призывает его смириться. Правда, ну что он может сделать? Разве что, найти машину, увезти жену, предпринять другие меры, например. Но он просто сидит, молчит и, понятное дело, это мало кому нравиться.

Вера. Вадик, что ты молчишь? Может, домой будем выдвигаться? Или ты против?

Вадим. Здравствуйте, Матвей. Как поживаете? Что, Вере и впрямь нужен покой?

Матвей Иванович. Покой, он, знаете, всем показан. Однако он, как известно, только снится.

Вера. А здесь очень мило. Дома всегда будешь. А в гостях... словом, это такая редкость. Игорь Петрович, вы меня на постой примите? Завтра мы что-нибудь придумаем. Все-таки тут доктор.

Игорь Петрович. Какие проблемы?! Оставайтесь хоть все. Я так давно один. Мне даже приятно. И действительно, доктор рядом.

Матвей Иванович. Да, ежедневно надо вот этим раствором ногу пользоваться. И — не ходить. Даже не прыгать.

Вадим. Понятно. Очень, знаете, вовремя.

Матвей Иванович. А такого рода происшествия случаются всегда не вовремя. Вещь известная. Как жизнь, Вадим?

Вадим. Вот, живем. Но машины нет.

Матвей Иванович. Ну, это дело поправимое. Достать машину в наше время — не проблема. Другое дело, может, стоит повременить пару дней? Решайте сами.

Вадим. И давно ты в этих краях? Ты и раньше предлагал решать все самим.

Матвей Иванович. Ясное дело, а как иначе? Кто же будет решать? Ты, правда, не всегда любил это дело. Но вот, однако, именно тебе и повезло.

Вадим. С чем?

Матвей Иванович. Не с чем, а с кем. Вера — вот твое завоевание. Не так ли? Кстати, ты защитился?

Вадим. Конечно. А ты?

Матвей Иванович. Я? И не единожды.

Вадим. Наверное, пойду, что-то предприму с машиной. Неудобно все-таки.

Игорь Петрович. Что за церемонии? Оставайтесь.

Юля. А я вас тоже знаю, приходили мы к вам. Все в этих краях вас знают. Вы же доктор.

Все смеются: Юля только что открыла рот, да и то некстати. До нее такие вещи доходят трудно и долго. Это не запах мышей, который унюхивает она мгновенно. Вадим делает странный жест рукой и выходит. В комнате воцаряется тишина. Но никто не подавлен, напротив, словно очистилось пространство и возникает приятное расслабление и от освободившегося места, и наступает успокоение от происшествия, и просто радость возникает от встречи двух людей, которых что-то когда-то связывало. Это несомненно.

Игорь Петрович. Юля, можно вас попросить? Словом, выйдемте, поможете мне во дворе. *(Выходят.)*

Матвей Иванович *(после паузы)*. Так ты и осталась с ним?

Вера. А что мне оставалось делать?

Матвей Иванович. Брось, человек всегда волен выбирать. Вот ты и выбрала. Вряд ли, конечно, это герой твоего романа. Угрюмый он уж больно. Хотя... хотя это было видно еще тогда, в аспирантуре.

Вера. А ты? Обзавелся семьей?

Матвей Иванович. Я, говоришь? Всякое было. И семья была. И дочь есть. Но все они не при мне. Жены нет вот уже три года, дочь в Штатах. У меня *(показывает на свой врачебный инвентарь)* только это и есть главное имущество и почти родня.

Вера. А что твои успехи в науке? Ты действительно защитился?

Матвей Иванович. Я — доктор в самом широком смысле. Стало быть, и защищался тоже. Всё моя хирургия. А ты, ты так и не стала, наверное, стома-

тологом? Тебя всегда тянуло совсем в другие горизонты. Самодеятельность институтская была превыше всего.

Вера. Конечно, в театре и работала. Да и теперь не совсем завязала.

Матвей Иванович. Ну, ты умница. Театр! И это после мединститута! Что же твой Вадим? Кем он хоть стал?

Вера. Он был. Теперь на пенсии. Ты разве не помнишь, что мы уже старые?

Матвей Иванович. Как не помнить? Но я дела своего не оставил, не могу без него. Чемоданчик уже на ладан дышит, да и я вместе с ним. Но — дышим же! И ты дыши. Показалось, что с дыхалкой у тебя не все в порядке.

Вера. В каком смысле?

Матвей Иванович. В каком-в каком? В самом том самом: не глубоко дышишь. А чего он все хмурится? Неужели двадцать лет ты с ним?

Вера. Нет, лет десять я просто морочила ему голову. Потом сдалась.

Матвей Иванович. Эти бабы... И чего сдалась? На что тебе это сдалось? Хотя, нет, молчу, молчу.

Вера. А ты, ты меня сразу узнал?

Матвей Иванович. А ты разве изменилась? Я что-то не заметил.

Вера. Ты мне льстишь. Твоя жена тоже врач?

Матвей Иванович. Нет. Она была... она была фотографом.

Вера. Ужас. Что же, она вас все время фотографировала?

Матвей Иванович *(полмрачнев)*. Представь, да.

Вера. Прости, я больше не буду. Мы и правда уже старые.

Матвей Иванович. Никогда! Ты правда, не бегай

пока, не скачи. Нужно вылежать. Или побережь что ли ножку свою. Ты не изменилась. Я тоже почти десять лет был один, только потом женился. И теперь снова...

Вера. Придешь в гости?

Матвей Иванович. Он какой-то у тебя неласковый.

Вера. А ты меня никогда не искал?

Матвей Иванович. Не хочу об этом. Не теперь.

Вера. Почему все так сложилось?

Матвей Иванович. Вы поняли все, больная? Покой, щадящий режим и все такое прочее. На третье — любовь, как, впрочем, на первое и второе, в на полдник — сплошные любовные утехы.

Вера (*смеётся*). Ой, не могу, нет, не могу, правда. Что ты так сместишь? Какие утехы? Любовные? Это ты хорошо сказал, я попробую. Нет, попробовала бы! Но!...

Матвей Иванович. Что «но»? Боишься? Как и тогда боишься? Почему ты сбежала, слабо сказать?

Вера. Говори — не говори, почти целая жизнь прожита.

Матвей Иванович. Не скажи. Мы же еще живы. Значит, все можно переменить. Все!

Вера. И ты смог бы?

Матвей Иванович. Я? Ты еще спрашиваешь?

Вера. Как жаль...

Матвей Иванович. Глупости. Никогда ни о чем не жалею.

Вера. И о тебе?

Матвей Иванович. Тем более.

Вера. Понятно.

Входит Игорь Петрович, затем Юля.

Игорь Петрович. А день — то сегодня — прямо

благодать. Так и ждешь, что не один только шар обрушится, но что-то совсем светлое и не круглое.

Вера. На меня, по крайней мере, уже обрушилось. Вот, занимаю вашу территорию.

Игорь Петрович. Мы вот все произносим вещи, идущие просто от неловкости, ну, как вы теперь, к примеру. А можно пустое и не говорить, да и не видеть даже. Ну и что, что шар. Жаль, не было при мне фотоаппарата, такой бы вышел снимок! И как это вы остались? Храбрая такая что ли?

Вера. Я не храбрая, я глупая. Но больше всего я не могу, когда меня обижают.

Игорь Петрович. И кто же вас, голубушка, обидел? Ваш рыцарь? Но он же такой заботливый!

Вера. В чем же эта его забота проявляется? Что машины не смог раздобыть, что у вас меня оставил? Или, может быть, в том, что пару дней назад бросил меня одну и уехал из Питера? А мы с Пушей были в другом городе. Он нас бросил.

Игорь Петрович. Ну вот, с Пушей же.

Вера. Смеетесь?

Игорь Петрович. Нет, я стараюсь понять, что у человека внутри, чем он там дышит? И вы с кошечкой сами потом добирались?

Вера. Вот именно. Один характер чего стоит!

Игорь Петрович. Вот! Вот оно! Характер! Это же замечательно! Люди живут по сто лет, но даже не знают, что такое, этот характер. А вам, стало быть, повезло!

Вера. Точно. Крупно.

Юля (*она стояла у входной двери, слушала*). Не понять мне вас. Беситесь, сами не знаете, чего хотите. И муж есть, и кошка, и в Ленинград съездили — а все мало человеку. Я вот кроме нашего продуктового, да на три станции вперед и не была нигде. Огород имею, соседей, будь они неладны, ну, кроликов там, курей.

Вера. Кур.

Юля. Вы — кур, я — курей. И не учите меня жить, сами, небось, во всем запутались.

Игорь Петрович. Это вы напрасно, видно, что вы добрая, а где человеку жить, да где еще он не побывал — какая разница? У него, значит, такой мир. Кто-то без путешествий жить не может. Хотя, если разобратся, в путешествии, как и в актерстве человек бежит от себя. Как вообще в искусстве. Бежит, знаете, бежит, а берега все не видит. И выходит, что он — вечный странник, без жилья, без собственного характера и все такое прочее.

Матвей Иванович (*он сидел все это время возле окна, все думал про свое*). День и правда какой-то редкостный. С утра — дождь, так и лил, лил и лил, а потом. Я сидел, работал, в микроскоп свой все смотрел, а потом — на тебе, звонок. Минута все может в жизни перевернуть.

Игорь Петрович. И не говорите. Я однажды шел из леса, уже, можно сказать, дом видел, а навстречу человек, да не пустой, с ружьем. Итак встряхивает его прямо на меня. Я остановился, смотрю на него, а сам думаю: «Всего-то двести метров, а тут и жизнь кончится. Зря только картошку чистил». Глупость, одним словом, думаю. А ему хотел что-то сказать, да сердце схватило. Я и присел на дорожке. Он от неожиданности спрашивает, что, мол, что, если он и не стрелял даже. А я вижу, дело плохо. Со мной плохо. И говорю, что сердце прихватило, что хоть так помру, что от него. А он вдруг повеселел и ружье назад забросил. И признается: «Ты, мужик, не бойся, я тебя убивать не стану, иди. Иди, если можешь». А я — в том-то и дело — что не могу идти. Представляете? Тогда он бросает свое оружие, наклоняется и помогает мне встать. Я тут осмелел, спрашиваю, чего это он с винтовками на людей охотится. А он мне, знаете, что говорит? Он говорит, что жить самому надоела, что отсидел чирик, а те-

перь и не знает, чем заняться. Вот и решил подстрелить кого, чтобы к прежней невольной жизни вернуться. Ужас да и только! Не знает человек, что с жизнью делать, куда ее приспособить.

Юля. Да, я его понимаю. Сама бы иной раз пальнула бы! Но нет, не за тем, чтобы свободы лишиться. От избытка чувств, так сказать.

Матвей Иванович. От избытка чувств ружье не поможет. Тут другое надобно.

Юля. И что же, по-вашему?

Матвей Иванович. Изменить ход мыслей, к примеру.

Юля. Надо же: ход! И куда этот ход двинуть?

Матвей Иванович. Куда? Кому куда. А вообще-то на благо. Только так.

Юля. Вас не поймешь. Кому, себе во благо?

Матвей Иванович. Лучше, чтоб кому-то.

Вера. Вот-вот. Так и прожил, что кому-то. А так... так все могло быть по-другому.

Матвей Иванович. Ничего не вернешь.

Вера. Ты только что сказал, вот, недавно, что все можно изменить, все! Разве не так? Ты же говорил.

Матвей Иванович. Да, говорил. Но — во благо. И не только себе.

В этот момент распаивается дверь и в комнату вбегает Вадим. В руках у него ружье, он направляет его в сторону Матвея Ивановича.

Вадим (*целясь в мужчину*). Вот, получай. Все годы, все годы... (*не договаривает, стреляет*).

Матвей Иванович удивленно смотрит на вбежавшего, хватается за грудь, тихо сползает на пол. Все так ошарашены, изумлены, что не сразу же могут понять, что произошло. Первая бросается к упавшему Юля.

Юля. Господи, да что это? Как накаркали. Кровь, ужас, посмотрите. Это же доктор, что же это? (*Дотрагивается до груди доктора.*)

Игорь Петрович (*сориентировался в ситуации, понял, что все предельно серьезно*). Я побежал звонить, теперь точно нужна скорая. Вот те на...

Вера (*сначала вскрикнула, затем закрыла лицо руками, сжалась. Попыталась подняться, снова вскрикнула, не сумела это сделать. Затем все же слезла с кровати и на одной ноге допрыгала до окна*). Ты что надеялся? Ты? Ты сумасшедший? Зачем? Матвей, Матвей, не умирай, прошу тебя...

Вадим (*он сам едва может говорить. Ружье опустил, но не уходит, отошел к входной двери*). Еще раньше надо было, еще в институте. Всю жизнь следом, всю жизнь...

Вера. За молчи, замолчи, что ты понимаешь, микроскоп несчастный. Ты — ничто по сравнению с ним, ничто. Я сама убила бы тебя, сама. Сто раз думала об этом. (*Пытается схватить ружье, но Юля берет его и отпихивает в сторону. Как змею, как нечисть какую-то.*)

Юля. Вот натворили. И что людям не живется?

Вера. Господи, ну что теперь? Как я жить буду? Матвей, он, смотрите, он дышит. Матвей, прошу тебя, дыши, сейчас приедет доктор. А ты, ты слабак, вечный слабак, ты только и можешь, что быть слабым...

Юля. Да помолчите вы. Не время. Вот, под голову надо положить подушку, накрыть бы его. Вы это... лучше выйдите. С вами страх находиться. Ей-богу, лучше выйдите, а то я... а то я сейчас сама и пальну. Давно ведь хотела. Пальну! Убью, сволочь! Выходи. (*Хватает ружье, направляет его на Вадима, пытается что-то дернуть, чтобы зарядить, не получается, однако. Она с размаху бьет этим ружьем Вадима, еще и еще раз.*) Убирайся, бестолочь такая! Луч-

ше бы тебя стрельнули. Жену бросил, побежал, трус негодный. Вон, теперь и ее покалечил, и (*плачет*) этого. Такой дяденька хороший, как рассуждал... Что делается-то, что делается?..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же комната. В ней все прибрано. За столом чистят овощи на винегрет две женщины — Юля и Вера. За окном все так же светло, солнце, дождя нет, хорошо, одним словом. Понятно, что прошло время и что Вера сама может передвигаться. Однако хозяина в доме нет пока. Обстановка такая, что чувствуется: все ждут.

Юля. А если б я ему не вмазала, еще неизвестно, что было бы. Какой же он у тебя! Весь словно уж, переменчивый какой-то: то ужалить норовит, то к ногам якорь налаживает. Спасу с ним нет. И как ты с ним столько-то годов прожила? Уж лучше Матвея Иваныча и нет никого. Да еще нашего хозяина. Ох, и прижились мы тут, даже совестно. Что, к примеру, не вышла за доктора?

Вера. Молодость! Все ерепенилась. Сначала назло, потом с отчаяния, ну, а потом ... потом просто поздно стало. Так и жила.

Юля. Ну хоть думала о нем? Жалела?

Вера. Что жалеть-то? Теперь уж поздно.

Юля. Ты хоть и образованная и на врача училась, а — не обижайся — прямо как дура. Мне и то не поздно. А у меня нет никого, заметь себе. А при тебе — кого только не было при тебе! Да и наш Игорь Петрович тоже на тебя воздушным взглядом глядит. Я вижу.

Вера. Это как?

Юля. А так — словно сам летит куда-то, словно порхает, так и норовит услужить тебе, то супчик, то косточку, все, небось, забывает, что ты не кошка. Все мы тут одинокие какие-то. Но ты ничего, молодец, прыгаешь вон, прямо как воробей. Ничего, скоро подьедет. Вот-вот, наверное. Нравится он тебе?

Вера. Ох, Юлька, смешная же ты. Ну кто мне уже может нравиться? Куда уже мне?

Юля. Не брешь. Женщина — она баба до конца дней своих. А ты баба не простая, особенная. Значит, все у тебя будет. Только с этим своим... что и делать-то будешь? Неужели засудят его?

Вера. Не шуточки. Хотя, говорят, состояние аффекта могут учесть.

Юля. Это мне не понять.

Вера. Ну, не в себе он был, взволнован сильно был. Не соображал, одним словом, что делает.

Юля. Ой, не смешите меня — «не соображал»! Пойти домой, притащить оружие, в дом опять же войти и — пальнуть? Ничего себе! Он что, всегда такой урод был?

Вера. Юль, ты перебираешь. Никакой он не урод. Так он видел ситуацию. Что его так торкнуло, уж не знаю, ведь в молодости не стрелял же, а мог. Ох, как мог еще. И повод имелся. А тут — компенсация за все прежнее.

Юля. Переживаешь?

Вера (*вздыхает*). Раньше надо было переживать. И решать все по-другому. А теперь что с ума сходить?

Юля. Не видит человек своего счастья. Уже жизнь почти всю прожил и под конец не дай Бог так и не прозреет. Нет, с этим что-то надо делать.

Вера. Хотела бы я знать, что.

Слышно, как подъезжает машина, останавливается у дома. Из нее выходит Игорь Петрович и аккуратно с помощью еще одного человека ведут и поддерживают мужчину. Это Матвей Иванович. Он жив.

Игорь Петрович. Вот, добрались, одним словом. Как у нас с провиантом? Ложитесь, дорогой, не тусуйте, располагайтесь. Милые барышни, спасибо за такую чистоту. Сто лет такого не видал. Замечательно. Отпразднуем сейчас.

Помогает расположиться Матвею Ивановичу, который хотя и с трудом, но все же передвигается. Осунулся, похудел, но ироничного своего настроения не утратил, однако.

Вера (*подходит к Матвею Ивановичу*). Свиделись, это прекрасно. Ты уколов не боялся? Здесь у нас уже подстанция скорой помощи, можем открывать свой травмопункт «Мурашкино». Мне вот Юля сама укольчики делала. Молодец. Ладно, это я так, волнуясь. Как ты? Как дышишь?

Матвей Иванович. Главное — сердце бьется, и, надо сказать, весьма бестолково. То затихнет, то рванет.

Юля. Видать, как сам характер.

Игорь Петрович. Не приставайте, он и так от врачей устал. Пусть осмотрится, вздохнет. Жить будет, уверяю вас. У меня глаз наметанный. Готово ваше многослойное блюдо?

Вера. Сейчас бы в лес, на природу.

Матвей Иванович. Мы как в той сказке — хромой везет слепого. Или наоборот.

Вера. Мы, к счастью, не хромые и не слепые. Зрячие и ходячие. Вот отлежишься, пойдем гулять. Если, конечно, хозяин нас не прогонит.

Игорь Петрович. Да я ожил даже! Хоть живая жизнь появилась.

Юля. Могла быть и не живая. Один момент — и все тут!

Игорь Петрович (*делает приготовления на столе, ставит приборы, выходит на кухню, что-то снова приносит*). Не соглашусь. Встретиться, чтобы быть застреленным? Нет, ни по какой теории драмы такого быть не может. Помните, у Чехова...

Юля. Опять вы за свое.

Игорь Петрович. И за свое, и за наше общее. Так у него Треплев сначала в шутку почти стреляется. Но это надо знать Антон Павловича, он не прост, ох, как не прост. Потом ружье или там пистолет,

уж не помню, и вовсе применится. Одним словом, выстрел будет, да не все о том догадаются. Попытка — она на то и попытка, чтобы вернуться к ней снова. Так не только в театре, но и в жизни происходит. Закон такой — начал чего-то — доводи до ума.

Юля. Вас послушать, так надо, чтобы этого олуха выпустили и он пришел бы сюда к нам конец спектакля обустроить?

Игорь Петрович. Может, и так...

Юля. Не знаю я вашего театра, а только такого быть не должно. И мы не допустим.

Игорь Петрович. Кто же мы, позвольте вас спросить?

Юля. Мы — это общественность.

Игорь Петрович. Горе всю дорогу было с этой общественностью. Какая там у человека внутри драма — никого не интересовало. Коллективное бессознательное, одним словом.

Юля. А я думала, что вы сознательный гражданин.

Игорь Петрович. Может, я и сознательный, но право на ошибку, на личную, приватную жизнь, на свое видение признаю и уважаю.

Юля. Вот теперь поняла, уважаю!

Вера. Хорошо, что Пушу принесли, а то что бы с ней там в одиночестве было? Она тут вполне освоилась.

Игорь Петрович. Еще бы! У меня все свое место должны найти. И почему только трагедия поворачивает человека к истине?

Стол придвигают к дивану поближе, чтобы Матвею Ивановичу было поудобнее. Человек выжил в таком нелепых происшествии и это у всех собравшихся вызывает радость и даже ликование. Одно олицетворяет застолье — судьба Вадима, сдуру пальнувшего в бывшего товарища.

Матвей Иванович. Тост имею. О благодарности — ясное дело. Но о судьбе борца за справедливость

— вот моя печаль и тревога. Что с ним будет? Предложения есть? Не у суда, а у вас?

Юля. В него палили, а он еще печалится о дачном мстителе. Что будет, что будет? Суд будет — понятно, а потом? Потом по этапу, куда же еще? А вы как раз и...

Вера. Юля, не увлекайся, ешь лучше свою рыбу.

Матвей Иванович. Так вот (*словно и не обратил внимания на слова Юли*), хочу выпить за примирение. Нечего судить ошибающегося. Мало ли что в голову ему втемяшилось? Прошлое, видно, сильно мозги затуманило. Он не по мне, он по прошлому и бабахнул. За все: за несостоявшуюся карьеру, за странный союз с красивой женщиной, которую только и можно что — обижать. За нерожденных детей. За нелюбовь соседей... да мало ли за что? Предлагаю сочинить общую петицию и дать вольную казаку.

Юля. Ну вы даете! В вас же палили, в больнице три недели провалялись, забыли, как в первые дни-то было? На краешке висели! А теперь... теперь вольную просите? Не пойдет. Я — против.

Игорь Петрович. Погодите, Юля. Погодите, не все так просто. Что толку, что не преступник, отнюдь не преступник попадет в тюрьму? Да он уже сам себя сотни раз наказал. Главный приговор ему должна вынести Вера. И вы догадываетесь, какой. Ничего страшнее наказанием одиночеством нет и быть не может. Оставьте ему дачу, даже кошку, хотя нет, Пушу мы ему не отдадим, и пусть себе грядки копает. Все больше проку, чем в тюрьме сидеть. Как там, кстати, дела?

Все молчат, никому не хочется признаться, что каждый думал если уж не о даче с грядками для мстителя, то, по крайней мере, свободе для него. Это точно. Но кто скажет об этом первый?

Вера. Что вы на меня смотрите? Я что? Пусть себе живет. Но — без меня.

Игорь Петрович. Хорошо, это все прожекты. А как реально нам все обрешить? Как сделать так, чтобы его не осудили? Матвей, дорогой, может..

Матвей Иванович. Говори, я слушаю.

Игорь Петрович. Да я вот что... ты же доктор. Может, у тебя есть кто из коллег, ну, чтобы справку ему достать... что он того, малость не в себе. Тогда его в больничке подержат-подержат, да с миром и отпустят.

Вера. Да, это идея. Хотя... Хотя могу вам признаться, что и коллег особенно не надо. Он у нас и так состоял, ну там, где все они состоят. Но сильно я на это не напирала. Все больше в шутку превращала. Говорила о его признаках, страшно сказать, — шизофрении, потом сама же этот диагноз ему и выставляла. Но ведь прожила же столько лет, не убивал. Хотя нет, только из ружья не убивал, а так...- так сто тысяч раз. И все больше норовил самолюбие задеть, достоинство мое. Сколько плакала, не поверите! День на отдых дает — и снова за свое.

Матвей Иванович. И ты молчала? Да я его сам уничтожу. Это что за мужик?!

Вера. Молчала. А кому скажешь? Пуше? Так он нас вместе с ней и бросил в дорогом моем Питере. Уехал! Представляете, уехал. И я же на поклон первая и пошла. В дождь, почти метель и так далее.

Юля. Ну, метель — это ты загнула. А вот что пошла — ох, я бы тебя! Да разве может баба перед мужиком так унижаться? Ни за что!

Вера. Вот потому ты и одна.

Юля. И слава Богу. Что толку в таком дуралее? Одна забота о нем и обиды целый воз.

Игорь Петрович. Вера, так вы говорите, состоял?.. Это меняет дело. Это очень даже меняет дело. Надо действовать.

Вера. Игорь Петрович, мы все у вас тут загостились. Наверное, сегодняшний день надо сделать прощальным.

Игорь Петрович. Опять вы за свое. Чем вам здесь плохо? В Москве лучше одной-то? Пуша в магазин не ходит. А тут — то я, то вот Юлечка прибежит навестить. Так, Юля?

Юля. Так-то оно так, да я не согласная с вашим разговором. Что значит помиловать? А ответить по форме? И чтоб не повадно было?

Вера. Да поймите, он же не вполне здоров, значит, не о всех своих поступках мог знать. Это вихрь в его голове был, понимаете?

Матвей Иванович. Аффект, конечно, был, ясно, но чтобы из этого сделать только медицинский прецедент — это уже посерьезнее. Надо думать. И в больнице — лежишь же целыми днями, да ерундой занимаешься — я много чего придумал. Суд ведь завтра. Вот я и думаю.

Юля. И что вы там думаете? Как отмазать старого приятеля? Совестно, что его жена вам по сердцу? А вы не стыдитесь, идите себе вперед, все и образуется. Не врите особенно про несчастный случай, да про то, что ружье само пальнуло. Уже ведь куча бумажек исписана, никуда не деться!

Вера. Да. А тут я со своими документами. Но, боюсь, обидится он на меня. Скажет, напрасно я это. Ему ведь что надо? Чтобы как истинный мститель, по всей форме получить, на плаху пойти. Жертва ему нужна в виде него самого. Но мы ему такой радости не дадим. Ой, да что это я? Ведь тоже жалко, мается сейчас от своего упрямства. Знаю я этот характер.

Матвей Иванович (*смотрит на Веру и говорит, явно имея какой-то план*). Утро вечера — ну, как в сказке. Чего молчите? Вытащим мы нашего партизана.

Видна комната того же Игоря Петровича, но герои расположились прямо перед домом, у крылечка. Матвею Ивановичу явно полегче, он даже прохаживается, все за Верой наблюдает. Хозяин дома отсутствует, Юля вот-вот подойдет.

Матвей Иванович. А ты боялась? Мне показалось, сама судья и то обрадовалась, когда нашелся такой выход из положения. Пожилые люди, местами уважаемые. Кто на огороде, кто — за ним. Но — не молодые же!!! Только знали бы, сколько энергии еще в этих старичках! Ничего, мы еще погуляем, мы еще...

Вера. Успокойся, что это ты в эйфорию впал?

Матвей Иванович. Впасть можно в депрессию. А я просто в эйфории. Это куда как лучше.

Вера. И что же нам делать?

Матвей Иванович. Как что? Все же предельно просто. Вадим — на лечение отбывает, срока ему не припаяли, мы перед ним, ну, словом, мы не виноваты. Да и он, по сути, — тоже. Как был с амбициями, дурачок обидчивый, так и остался.

Вера. Он не дурачок.

Матвей Иванович. Я понял. В том смысле, что он, конечно, далеко не дурак. Но склонность к маниям имеется. Тебя вот в узде продержал сто лет. Что ты смотрела, куда? Неужели меня нельзя было найти?

Вера. А ты сейчас очень похож на него, прямо его песню поешь. Только еще год скажи, когда это нужно было сделать. И все сойдется.

Матвей Иванович. Ах, ты язва такая. Думаешь, три мужика вокруг тебя выют, так тебе все позволено?

Вера. Не думаю, на тебя смотрю.

Матвей Иванович. И что же ты видишь?

Вера. Вижу, что дура — это про меня. И где мои глаза были?

Матвей Иванович (*смягчаясь*). А если б были, что тогда?

Вера. Тогда... Тогда некого было бы из каземата извлекать, да в психушку определять. Сидели бы мы с тобой, к примеру, где-нибудь на берегу реки, может, Москвы-реки и мечтали.

Матвей Иванович. А почему — «к примеру»?

Вера. Ну, так.

Матвей Иванович. Нет, ты мне конкретно говори.

Вера. Кажется, кто-то идет.

Матвей Иванович. Знаю я твои штучки, и раньше такой же была.

Вера. А ты как жил?

Матвей Иванович (*от души рассмеялся*). Этот вопрос имеет значение в том случае, если люди не виделись с неделю. А когда несколько десятилетий...

Вера. Не преувеличивай.

Матвей Иванович. Так что, будем исправлять ошибку молодости?

Вера. Подожди, вон они, идут, и Юля тоже. Сумок целый воз, как всегда.

Матвей Иванович. Я все понял, это называется — уходить от ответа. Но ничего, еще время есть.

Подходят Игорь Петрович и Юля. Притащили много провизии.

Игорь Петрович. Вот — наша с вами складчина. До чего довела, уже поднять невозможно.

Вера. Я же говорю, загостились мы все тут.

Игорь Петрович. Барышня, не передергивайте факты.

Вера (*смеется*). Здорово, я еще барышня! Может и

вправду, не все еще потеряно?

Юля. Ой, отдышаться. А правда, не устали от гостей, Игорь Петрович? Больно много нас у вас. Да и все с проблемами. Что, победили сегодня? Упекут вашего стреляльщика?

Игорь Петрович. Что значит «упекут»? И куда? Не в тюрьму же! Как считаете, Матвей Иванович?

Матвей Иванович. Вы вот Веру лучше спросите. Как она думает?

Вера. А что я?

Юля. Твой, однако, муженек.

Вера. Я его и в психушке не брошу. А то, что всем миром помогли, не посадили, так большая моя благодарность. Тебе, Матвей, конечно.

Юля. Так он печется, понятно. Но чтоб так благородно? Да еще и от тюрьмы упасти!.. Ужас! Устала я тут от вашего благородства.

Игорь Петрович. От этого устать невозможно. Все в жизни — одна большая глупость. Кроме благородства. Да, победа, что и говорить. Все-таки уберегли человека.

Вера. Грустно что-то.

Юля. Ох, моя милая, тебя не поймешь: в тюрьму — плохо, без нее — тоже. Что же ты хочешь?

Матвей Иванович. А она и сама не знает.

Вера. Знаю я, знаю.

Игорь Петрович. Ну, слушаем вас.

Вера. Все вам и скажи.

Матвей Иванович. «...И тайну унесу с собою...»

Вера. У меня такое чувство, что все в этой жизни переменится. Все скоро переменится. Представляете? Так бы и полетела.

Игорь Петрович. Ну, голубушка, вы что-то совсем хотите нас покинуть. И куда вам лететь, как не к себе на дачу?

Вера. Ну, уж нет, на свою дачу я — ни ногой. Пусть стоит себе, разорется. Не нужны мне огурцы с грядками и все такое прочее, не любительница я этого.

Юля. А что ж ты любишь?

Вера. Я люблю любовь.

Юля. Что-о?

Игорь Петрович. Понятно. Любить, хотеть этого, но прожить сто лет не любя. Чудно!

Матвей Иванович. А не пройтись ли нам?

Юля. Правильно, мы хоть стол накроем по-человечески.

Идут неподалеку от дома, но все ближе и ближе приближается знакомая платформа. Так же стоят люди, слышен голос из динамика: «Граждане, на Москву поезд задерживается на двадцать минут. Просьба отойти от края платформы. Шар, что опускается рядом со станцией, — это опыты наших местных умельцев. Он не представляет опасности, однако все же отойдите и не старайтесь сразу запрыгнуть на него».

Вера. Ничего не меняется. А вообще хоть что-то подлежит переменам? Кроме внешности, которая неуклонно стареет и меняется в худшую сторону?

Матвей Иванович. Чтобы нам быть вместе, Вадим должен быть на свободе. Иначе нам будет плохо.

Вера. Что? Ты... ты еще не оставил этой мысли?

Матвей Иванович. Я ее вынашиваю всю мою жизнь.

Вера (*собралась с духом*). Плохо, однако, вынашиваешь: не искал меня, ничего обо мне не знал.

Матвей Иванович. Я понял. Я понял одну важную вещь: любовь никуда не девается, она не уходит, она просто меняет скорость течения. То в запруду уйдет, то речкой обернется, то водопадом. А то — градом и дождем. Никогда не думала об этом?

Вера. Что-то в этом есть. Может и не уходит. Но мы-то, мы-то уходим.

Матвей Иванович. Однако вот мы, целы и невредимы. Что ж еще испытывать судьбу? Тебе не кажется? А если не кажется, то будешь слушать меня. Хватит, я проявлял снисходительность и ненужное терпение. Будем действовать.

Вера (*смотрит на него*). Куда мы приплывем?

Юля. Вера, ты хоть сейчас подальше от беды давай. Вон, снова этот спускается.

Игорь Петрович. А совсем недавно пиво с рыбкой пробовали здесь...

Юля. У меня при себе имеется. Желаете?

Игорь Петрович. Ну вы и запасливая. И где это все у вас помещается?

Юля. Все свое ношу за спиной.

Игорь Петрович. Слышал, слышал. Да, каждому свое. А у вас что же, нет семьи?

Юля. Как это — нет? Все у меня есть. И утки, и куры.

Игорь Петрович. Нет, я в том смысле, что живых человеческих существ нет?

Юля. Сразу и обижать. Есть, говорю вам! Сын у меня от второго брака. Но он приходит не часто. Все у своей Нюрки парится. Никогда, наверное, внуков не подарят. Так и будут колбаситься туда-сюда. Ух, устала я от них. Никакой жизни. То у нас поживут, то снова к ней перейдут, то — порознь. Пойми их. И тетка еще в том же поселке, приходит, уточек кормит. Развлечение ее такое.

Игорь Петрович. А вы работаете или все уже?

Юля. Я? Я контролером всю жизнь была. На фабрике в трех остановках отсюда. Да сокращение вышло. Сказали, несовременные у меня методы работы. А куда уже мне переучиваться?

Игорь Петрович. И что же, пенсия?

Юля. Да подрабатываю я: то кому постирушку, то стоговорю. Я все могу.

Игорь Петрович. Это видно, характер у вас и правда контролерский. Вы по природе командир.

Юля. Это все потому, что одна осталась. Вот над курами и команду.

Игорь Петрович. А семья, семья была?

Юля. А как же? Но только муж мой, ох, целое дело. Муж над моей жизнью контролером был. Все пилил, пилил, хуже бабы. Потом слег и в один день помер. Теперь я вот, я пилю всех.

Игорь Петрович. Да нет, вы не злая. Смотрите, однако, из шара на сей раз выходят все счастливые и он даже не загорелся. Стало быть, все имеет привычку меняться и совершать чудеса.

Действительно, за краем платформы видны очертания шара, гул, голоса людей, хотя их совсем немного в будний день. Впереди, немного отстав от остальных, идут Вера и Матвей Иванович.

Матвей Иванович. Знаешь, я жил себе и жил, но как в тумане. Годы шли, я старел, а все думал, даже уверен, можно сказать, был: будет перемена, не знаю, какая, с чем связана, но будет. Нет, не как в сказке: ты придешь и мы заживем счастливо. Но что-то томило, какое-то предчувствие.

Вера. А правда, почему ты не искал меня?

Матвей Иванович. Почему? Слышал, знал, что ты с этим, с нашим общим другом-недругом, с Вадимом. Но как прийти? Как вмешаться? Это не по моим правилам.

Вера. А что же теперь? Разве правила изменились?

Матвей Иванович. Да! Изменилась ситуация, я понял, что ты одинока и что любви-то между вами и нет. Может, он по привычке своей быть собственником и цепляется за тебя, но чтобы любить... Нет, и

ты, мне кажется, тяготишься этим браком. Иначе бы я не действовал столь решительно.

Вера. А в чем твоя решительность? Мы же еще ничего не сделали?

Матвей Иванович. Как же? Стрелялись — раз, прошли суды и освобождение — два...

Вера. ... попали в психушку — три.

Матвей Иванович. Ну, вот видишь, не нарочно же я его туда отправил, он, может, сам захотел отдохнуть.

Вера. Грустно это все, радости не приносит. Надо что-то делать.

Вся компания, насмотревшись на шар, поворачивает назад, к дому, и мы видим, как постепенно выступает сад, затем и комната Игоря Петровича. Кто-то входит на крыльцо, кто-то уже в комнате. Собираются к столу, одним словом.

Игорь Петрович. У меня такое чувство, что сегодня непременно что-то произойдет.

Юля. Не много ли нам всего? Может, хватит? Хорошо бы пожить мирно и свободно, без понуканий, не тревожась.

Вера. Да, хорошо бы...

Матвей Иванович. Мечтать, конечно, хорошо, но жизнь свою надо лепить, зная, что она податливая, как пластилин. Слышали такую пьеску? Теперь все больше о разврате, расколе душевном и чаще — на матерном языке. Так кажется доходчивей.

Игорь Петрович. Вот Чехов ни одного бранного слова в своих пьесах не упомянул, а сто лет уже все тянутся к нему и тянутся. Я и то езжу в Москву регулярно на его постановки. Одних «Трех сестер» да «Вишневых садов» в театрах столько, что год езди, а все будет, что смотреть. Ни одного, представляете! Хоть бы обозвал кто кого или чего похуже. Так нет, все ищут свою правду, мечтают о ней, но ува-

жают людей. И еще. Еще любят, я это только недавно у него понял. Это только на первый взгляд кажется, что любви-то там и нет, но неправда. Все горести и страдания — от нее, от потребности в ней. Любят, но тихо, по-своему, не расстреливают ее, бедную.

Юля. Пьес я не люблю, но рассказы его мы в школе проходили. Я и то подумала тогда, если этот чиновник в театр один пошел, да на лысину чихнул, да извинялся сто раз, и еще жене все рассказал, значит, она в курсе была? Что ж он ее-то в люди не взял? Побрезговал что ли? Все у него, выходит, не как у всех. Так я понимаю.

Игорь Петрович. Да-а, выходит так. А любовь, она в жизни — все. Вот два года я один, слава богу, театры есть, а так бы совсем стосковался бы. Нет, люди поодиночке жить не должны. Слышите, Матвей Иванович? Вам на ус это намотать надо.

Матвей Иванович. А я и не одинок. А теперь и вовсе не буду. Как вы на это смотрите, уважаемая Вера Аркадьевна Смолянинова? Готовы изменить своей фамилии? Чем вам не по душе, скажем, Лаврова?

Юля. Вы что же, предложение делаете?

Матвей Иванович. Можно сказать и так.

Вера. Прохладно. Наверное, к дождю, да и нога побаливает.

Матвей Иванович. Это называется — уходить от ответа.

Юля. Нет, надо с мужем разобраться, чтоб душа не болела.

Игорь Петрович. Предоставьте, голубушка, им самим решать.

Юля. Что ж, жить будет с одним, а проведывать в психушке другого? Тогда развод надо оформить.

Игорь Петрович. Вы точно контролер.

Вера. У меня такое предчувствие...

Юля. Брось, разобратся надо.

В это мгновение открывается дверь и на пороге показывается Вадим. Он очень сдал, одет небрежно, какая-то кепка на голове, но ружья, однако, нет. Он снимает свой головной убор и молча смотрит на собравшихся.

Юля. Явился! Да откуда ты взялся? Ты же должен быть в...

Игорь Петрович. Проходите, вы как себя чувствуете?

Вера. Как можно?

Матвей Иванович (*поднимается, подходит к Вадиму*). Ты на сей раз без ружья? Неправильно, нарушаешь законы жанра. Ружье на то и ружье, что должно стрелять.

Вера. Перестань, перестань, прошу тебя.

Матвей Иванович. Отчего же? Даже любопытно, с чем пришел человек в дом? Очень даже. Придешь или так и останешься стоять?

Вера (*резко поднимается, подходит к мужу*). Ты что молчишь, говори же, скажи что-нибудь.

Юля. Вот еще привидение. Явился, не запылится. Ему навстречу пошли, не посадили, можно сказать. Благородство проявили.

Игорь Петрович. А вы, Юля, растете. Благородство... не будем об этом. Вы с чем пришли? Лучше бы с миром!

Вадим. Можно присесть?

Юля. Ах, какие мы смирные.

Игорь Петрович. Юля, обождите, не ерепеньтесь.

Вера. Так и будешь молчать? Скажи что-нибудь.

Вадим. Сейчас. Ты, Матвей, здоров, это хорошо. Лучше умереть здоровым.

Юля. Это про что вы намекаете?

Вадим. Я не намекаю, я прямо говорю. Слышал (*обращается к Матвею*), попытка выстрелить, даже если она не удалась, снова повторится.

Матвей Иванович. Мы тут почти все начитанные люди. Но при чем тут стрельба. Ты что, еще не настрелялся?

Вадим. Я все равно исполню это. Только запоздал несколько. Раньше надо было, еще в институте.

Матвей Иванович. Ну ты даешь! Вспомнил. Чего тянуть, давай, пали. Ты оружие мести за дверью оставил? Решил, что в комнате не очень, да?

Вера. Не подначивай его, он и так не в себе. Вадик, ты что задумал? Скажи, скажи...

Вадим. Рано или поздно... все равно.

Игорь Петрович. Вам плохо, это видно, вы должны отдохнуть, при чем тут старые обиды? Они прошли, уверяю вас. Все проходит, разве вы не уразумели это?

Вадим. Нет, не все. Старые обиды жгут.

Матвей Иванович. Вадька, давай выпьем. Неужели ты и в ином мире будешь вспоминать молодость и старый танец? Всего лишь танец с твоей женой? Она же тебе не изменила! Ты дурак, ну, ей-богу, дурак.

Вадим. Не изменила? Но хотела. Все годы, всю нашу жизнь — хо-те-ла! И ты это знаешь.

Матвей Иванович. Ты чокнутый, правильно определили место для тебя. Тюрьма — слишком круто, а в психбольнице — самое то, немного придешь в себя, взвесишь все за и против. Ты ее, Веру, гнобил всю жизнь, продыху ей не давал, измучил своими подозрениями, наплывами воспоминаний. Дурью, одним словом.

Вадим. Замолчи, замолчи, что ты можешь знать, что ты вообще знаешь!

Юля. Ой, беды бы снова не приключилось. Давайте

помириться. Ну, что вы, старые уже люди, сколько можно! Сядь, дядечка, сядь, вот, водички выпей или водочки, как хочешь. Ты откуда взялся-то? Отпустили? И хорошо. На дачу вашу я уже замучалась бегать. Там же ваша Пуша коша. Иди туда, иди, все образуется.

Вера. Вадик, она права. Давай пойдем. Тебе отлежаться, отдохнуть надо.

Игорь Петрович. Не дойдет, пожалуй. Давайте, у меня располагайтесь, здесь. Все свои.

Матвей Иванович. Ладно, укладывайте его, а я, пожалуй, пойду. Вера, я все тебе сказал. Выбирать, решать — тебе. Но ты ничего не решишь, это ясно. Пока он... Ладно, я молчу.

Вера. (помогает уложить мужа, которому явно плохо). Все будет хорошо, вот посмотришь. Ни о чем не думай, все еще наладится.

Матвей Иванович выходит, перед этим долго смотрит на окружающее, на людей в комнате, на Веру.

Юля. Иди, милый, потом придешь. Может, так лучше. Пусть поспит. Иди.

Игорь Петрович. Ступайте, дорогой, ступайте. Такая история, что поделаешь. Тоже успокойтесь. Вера, она правда, очень, очень хорошая. Но что ж делать, целая жизнь прожита. Куда теперь? Не бросишь же его? Хотя... как знать? Все бывает. Знаете, у Чехова есть такой момент в «Чайке», когда герой делает попытку застрелиться. Но — промах, не получается. Все рады, мать, правда, иной раз сердится. То ли на сына, то ли на себя. То ли на всю нескладную эту жизнь без любви. А ее ведь так хочется, любви-то этой. Так вот, потом, в самом конце, он все-таки возвращается в адскому своему замыслу и исполняет намеченное. То есть стреляет.

Матвей Иванович. Знаю. Я классику люблю, в особенности Чехова. Даже жалею его, очень он наи-

вен был, мне так кажется. Из его непосредственности всё старались героя да провидца сделать. А он... он играючи всё делал, не боялся сводить несводимое.

Игорь Петрович. Что же мы раньше с вами не говорили о главном? И в театр, глядишь, вместе бы ходили. А то я все один да один. Сходим, как вы думаете?

Матвей Иванович. Наверное. Если придется. Пока. Прощаюсь с вами. За всё благодарю.

Выходит, закрывает плотно и осторожно дверь. Через несколько мгновений слышен выстрел и звук, похожий на падение чего-то тяжелого. И только Игорь Петрович придает значение раздавшемуся звуку, да Юля настораживается. Вера же с Вадимом, кажется, задремали на диване и не обратили внимание на странный звук. Мало ли их, странных, в деревне?

Игорь Петрович. Вот и сходили. Так я и знал.

Из комнаты никто не выходит, тишина такая, что слышно, как отсчитывают часы все спешащее вперед и вперед время. И только несколько оправившись, выйдет Игорь Петрович из комнаты и скажет очень просто:

Игорь Петрович. Вот тебе и любовь. Что с ней поделаешь!

6 июля 2008 года – 29 января 2009 года.

Конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Ариведерчи, или Никита Михалков	3
Ничего смешного, или Я буду ждать	29
Алкоголики	56
Разговор с Господом, или Она не вернется	89
Электричка	118
Сюр	159
Привет, фараоны, или Времени нет	209
Страсти в селе Мурашкино	269

Наталья КРИВИЦКАЯ-БАРАБАШ

8 ПЬЕС О СИРЕНИ И УТЮГАХ

Оригинал-макет *О. Комиссарова*

Сдано в набор 17.04.09. Подписано в печать 29.05.09.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Баскервиль».

Тираж 500 экз. Заказ

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5.

Издательство «Серебряные нити»
129224, Москва, Варсонофьевский пер., 8

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Коломенской межрайонной типографии